

Светова Ника

Крестной феей назначаю себя!

Глава 1

Эвелина Роддерик с невысказанной надеждой смотрела вслед уходящему посетителю, ей так хотелось, чтобы он оказался последним на сегодня. Но дверь кабинета для приемов вновь распахнулась, едва успев закрыться.

— Его Светлость, маркиз Анри д' Анжуан, владелец лучших виноградников Южного предместья, верный слуга короля вот уже в пятом поколении!

Графиня Роддерик, первая фрейлина Ее Величества королевы Амелии подавила вздох и приготовилась выслушать очередную просьбу. Она привычно создала выражение невозмутимого спокойствия на милом личике, как и подобает знатной даме, занимающей высокое положение при дворе.

Когда граф Северин Роддерик, погиб, закрыв собой короля от кинжала заговорщиков, молодой вдове не позволили долго предаваться своему горю. Королева, давно заметившая с какой ловкостью и энергией выполняет юная графиня ее задания, объявила Эвелину своей первой фрейлиной и управляющей.

Была и еще одна деталь, не позволяющая Эвелине проявить малейшую слабость — устремленный на нее взгляд серых холодных глаз герцога Эрнеста Берштейна, первого советника Его Величества Августа. Советник постоянно находился рядом и его присутствие подстегивало самолюбие первой фрейлины, требуя держать спину прямо и скрывать за обворожительной улыбкой истинные чувства. Эвелина и в более спокойные дни едва выдерживала ироничную манеру герцога общаться, а сейчас просто была уверена, что за внешне доброжелательной улыбкой напарник по приему просителей скрывает насмешку, и насмешка адресована именно ей.

Первый советник изначально был против участия графини Роддерик в распределении мест на Лунном Балу, как, впрочем, и она была против участия герцога. Лунный Бал был особенным Балом, время его проведения невозможно назначить волей короля. Это торжество происходило только в ту ночь, когда сливались воедино лучи трех лун Армании, а три полнолуния сразу совпадали очень редко. В этот раз после предыдущего совпадения прошло почти двадцать два года и неудивительно, что на Бал стремилась попасть вся знать королевства, именитые купцы, прославленные мастера, художники, менестрели...

Лунный Бал был необычен не только простым совпадением полнолуний, нет! Главным было совсем другое! В эту таинственную ночь, в час полного слияния света трех лун, оркестр играл Вальс Лунных Цветов, или попросту Лунный Вальс, — неповторимую мелодию звездного неба, весеннего ветра, летнего зноя, осенней прохлады, свежести первого снега... Каждый слышал в этой мелодии музыку своего сердца. И каждый влюбленный, вступивший в круг вальса со своей парой, мог увидеть и понять: отвечают ли ему взаимностью.

Лунные лучи — золотые Астрим, зеленые Селвии и сиреневые Эрзины — сливались в неповторимой гамме и создавали в темноте зала лепестки волшебных лунных цветов. Эти лепестки устремлялись к влюбленным парам и соединялись вокруг них в единый цельный бутон, давая знать всем зрителям и самим танцующим, что чувства их искренни и взаимны. И никто, даже король, не смел уже разлучить пару, любовь которой благословил чудесный лунный цветок.

Множество влюбленных, особенно те, чью любовь не одобряли родители или опекуны, стремились попасть на этот Бал. Точно также стремились попасть туда и родители, чтобы проследить за непутевым чадом. Гостей ожидалось великое множество: знатных и не очень, политически весомых персон и богатых простолудинов, — отказать одному из них, означало обидеть знатный род или влиятельный мастеровой орден. Король Август не любил ссор по пустякам и мудро решил поручить своему первому советнику распределение мест за столами бальных залов. А королева Амелия тут же поддержала супруга в его мудром решении и подключила к распределению мест свою первую фрейлину.

И, надо сказать, решение Их Величеств было весьма разумным. Графиня Эвелина Роддерик и герцог Эрнест Берштейн — извечные соперники при дворе — пожалуй, впервые вынуждены были делать что-либо сообща. Обычно их интересы всего лишь соприкасались, в той мере, в какой соприкасались интересы короля и королевы. Чаще же всего эти двое избегали друг друга. Невысокая и грациозная фигурка Эвелины немедленно разворачивалась в другую сторону, едва только появлялся на ее пути длинный сухощавый силуэт мужчины в неизменно жемчужно-сером костюме. Эрнест отвечал графине не меньшей взаимностью — он избегал прямого общения с ней, а вынужденный общаться, говорил колкости в ее адрес. Графиня, сияя обворожительной улыбкой и очаровательными ямочками на щеках, отвечала собеседнику той же монетой.

И почти никто уже не помнил, что семь лет назад, когда юная графиня выходила замуж за своего ненаглядного Северина, герцог Берштейн был свидетелем на их свадьбе со стороны жениха. Эрнест

и Северин были лучшими друзьями с самого детства, вместе учились, вместе служили королю, но в битве с заговорщиками погиб граф Роддерик, герцог оказался счастливой в ту страшную ночь.

Эвелина без Северина — вот кем стала на утро молодая графиня. Они с мужем и года не успели прожить, как пришлось расстаться навсегда. Бедная девушка не могла принять произошедшее, она замкнулась, отказывалась от еды, не спала. Плакать Эвелина тоже не могла — слез не было, только гнетущая тяжесть давила изнутри, словно искала возможность выйти.

Молодая вдова безжизненной куклой сидела в кресле, глядя перед собой потускневшими глазами. Никто не мог уговорить ее встать, поесть что-нибудь, даже просто прилечь на кровать. И только Эрнест сумел найти слова, растопившие заледеневшее сердце графини. Он подошел к замершей фигурке, присел рядом, взяв ее руки в свои, и прошептал:

— Прости, что я жив...

После этих слов герцог укрыл лицо в складках платья юной графини, пряча от нее свои слезы, а Эвелина обхватила руками его склоненную русую голову и зарыдала. Она плакала долго, пока не выплакала самую страшную первую боль, и Эрнест был рядом. Без слов, без пустых утешений — он просто был рядом и своим присутствием дарил исцеление измученному сердцу.

Общее горе объединило Эрнеста и Эвелину, ранее почти не знавших друг друга. Герцог часто навещал молодую вдову, каждый раз захватывая с собой неожиданный подарок для нее — букет лесных ландышей, блюдо первой клубники, любимые пирожные графини, выкраденные с королевской кухни.

Эвелина начинала приходить в себя, улыбка все чаще появлялась на ее лице в присутствии Эрнеста. Но заговорщики еще не были разбиты, они скрывались в Северном предгорье, и король отправил туда войска, чтобы окончательно уничтожить врагов. С войском уехал и герцог Берштейн.

А после его отъезда один из придворных хлыщей подошел к Эвелине с предложением "согреть ее постель, пока герцог воюет". Оскорбленная девушка со всей силы отхлестала наглеца по щекам, но после этого случая начала прислушиваться к чужим разговорам. И очень скоро вдовствующая графиня поняла, что про нее и Эрнеста по дворцу ходят самые грязные сплетни, в которых даже их первая встреча наедине, когда Эвелина рыдала, а герцог был рядом и утешал ее, расценена как тайное свидание молодой вдовы и друга ее погибшего мужа.

Юная графиня, расстроенная до глубины души такими грязными домыслами, отправила Эрнесту письмо, в котором просила герцога, ради памяти и чести его погибшего друга, не появляться больше у нее с частными визитами. Эрнест не успел ответить — слишком быстро тогда развивались события, времени на письма совсем не оставалось.

А когда герцог вернулся во дворец с долгожданной победой, его немедленно обступили лучшие дамы королевства. О, придворные дамы уже знали, что король принял решение назначить герцога Берштейна своим первым советником, и не теряли времени даром. Они усиленно расхваливали подвиги защитников короля и при этом не забывали строить глазки "лучшему из защитников".

Эвелина, увидев эту картину, сама не могла бы объяснить, что именно ее задело. Но графиня немедленно развернулась, собираясь уйти, а услышав приветствие Эрнеста, ответила ему так язвительно, что вызвала дружный смех всего дамского окружения. Эрнест, растерявшийся поначалу, подхватил общий веселый тон и отвесил шутливый комплимент в адрес графини.

И далее, все продолжалось в том же духе — Эвелина вспыхивала негодованием при встрече с Эрнестом и общалась с ним не иначе, как насмешливо, нарочно задевая его вопросами о том, как он относится к какой-либо из придворных дам. Герцог не выдержал долго и подхватил ту же тональность общения. Он расспрашивал Эвелину о ее успехах на поприще первой фрейлины, не забывая намекнуть, что главная успешность женщины определяется количеством мужчин вокруг нее, а мужчин вокруг молодой красивой вдовы вилось много.

В конце концов, их пути разошлись; герцог и графиня остались, если и не злейшими врагами, то уж точно не друзьями. Эвелина, графиня Роддерик, вот уже семь лет не изменяла черному цвету в своих нарядах, и за все эти годы никто не посмел сказать, что видел обнимавшего ее мужчину. А Эрнест, и ранее не бывший очень общительным, за эти годы совсем замкнулся в себе. Его губы все чаще складывались в ироничную насмешливую улыбку, а жесткий характер первого советника стал притчей во языцех не только для королевского двора, но и для всех, кто имел с ним дело.

В напряженные дни подготовки празднования Лунного Бала, впервые за семь лет, герцог и графиня, объединенные королевским указом, трудились сообща. Каждый из них старался не только выполнить задание наилучшим образом, но и доказать навязанному напарнику свое превосходство. И надо сказать, их старание шло на пользу общему делу — посетители оставались довольны тем, как решались их вопросы, а казна королевства пополнялась за счет добровольных взносов, поступающих от удовлетворенных просителей.

Душевных сил и энергии на общение с просителями уходило очень много, тем более, что длилась эта суматоха почти две недели. Эвелина все чаще ловила себя на том, что ей не удастся сохранять свою обычную сдержанность, в отличие от напарника. Вот и сейчас, невозмутимый герцог Берштейн с высоты своего роста насмешливо взглянул на маленькую, чуть сердитую графиню:

— Устали, Ваша Светлость? Может Вам требуется отдых?

Эвелина упрямо откинула голову, поправила прядь черных волос, выбившуюся из строгой прически и, сердито сверкнув зелеными глазами, отрезала:

— Нет! А если Вы устали, герцог, я могу приказать заварить Вам успокоительный чай!

И не дожидаясь ответа, графиня Роддерик крикнула в сторону двери:

— Маркиз д' Анжуан, мы ждем Вас!

Глава 2

Маленький кругленький черноглазый маркиз даже не вбежал, а почти вкатился в кабинет, низко кланяясь герцогу и графине.

— Ваши Сиятельства, могу я изложить свою просьбу?

Герцог милостиво кивнул и маркиз продолжил:

— Ваши Сиятельства, умоляю вас запретить вход на Бал для менестреля, известного под именем Айвен Лунный Бродяга! Я готов заплатить, чтобы не видеть его в бальных залах!

— Чем вызвана Ваша просьба? — Эрнест в деланном удивлении вскинул брови, а Эвелина мысленно фыркнула, показывая внешне такое же удивление. Они оба прекрасно знали причину — дочь маркиза, как и множество других девушек, была влюблена в менестреля. И маркиз, само собой, опасался обрести на Балу нежеланного зятя.

— Видите ли, моя Эльзи, она такая доверчивая, такая наивная... — маркиз подбирал слова, пытаясь донести до слушателей всю глубину возможной трагедии. — Этот менестрель, он выступал у нас в Южном предместье. А потом я имел неосторожность пригласить его выступить у себя в замке, на балу по случаю дня рождения Эльзи. И они... Они стали встречаться, я достоверно это знаю...

— Вы уверены? — вот теперь графиня удивилась по-настоящему. Юная маркиза встречается с менестрелем, да еще и допускает, чтобы отец узнал про их тайные встречи!

— Несомненно, несомненно уверен! — маленький Анри даже запыхтел, негодуя, что его словам не верят. — Мне донес наш сосед, граф д'Жене! Он видел их вместе и слышал, как они признавались друг другу в любви!

— И что Вы предприняли? — герцог Берштейн тоже заинтересовался историей незадачливых влюбленных.

— Я... — маркиз потерял свой пыл и неуверенно продолжил, — я хотел поговорить с дочерью, но д'Жене убедил меня, что лучше притвориться ничего не знающим. Это он предложил поехать на Бал вместе и взял на себя все расходы по нашему путешествию. А если все получится...

Маркиз мечтательно закатил глаза и восторженно произнес:

— Если все получится, Эльзи будет танцевать Лунный Вальс с графом и домой вернется уже графиней д' Жене!

— А Вы разве не знаете, что Лунный Цветок распускается полностью только в том случае, когда оба в паре любят друг друга? Если влюблен один из танцующих, рядом с ним могут появиться отдельные лепестки лунного света, но полного Цветка не будет, — графиня Роддерик недоумевающе посмотрела на маркиза.

— Да, да, конечно, я знаю! — Анри усиленно закивал, соглашаясь. — Но я полагал, что Эльзи... она увидит лепестки Лунного Цветка рядом с графом и поймет, как сильно он ее любит. Это вызовет сочувствие — нет девушки, которая не посочувствует неразделенной любви. А там и до настоящего чувства недалеко...

— Графу д'Жене почти 60 лет, Вы считаете, он способен на столь пылкие чувства? Я, например, даже не уверена, что граф сможет вальсировать — в его годы начинаются проблемы с суставами, да и спина часто подводит, — Эвелина не скрывала своего скептицизма, но маркиз как будто не слышал ее. Он продолжал восторгаться своим богатым соседом, его крепким здоровьем, его чувствами к Эльзи и вовсе бранил менестреля.

— Этот пройдоха менестрель! Этот Лунный Бродяга! Он тоже ухитрился пробраться на Бал! — возмущение так распалило маркиза, что о его щеки можно было свечи зажигать. — Он сделал это специально, чтобы воспользоваться наивностью моей дочери и разрушить ее счастье! И я требую, да-да, именно требую, чтобы этого проходимца не пускали в бальные залы!

— Ваше требование несколько ультимативно, Вы не находите этого, маркиз д'Анжуан? — герцог Берштейн говорил как будто мягко, но стальные нотки в его голосе заставили маркиза вздрогнуть. — Менестрель Айвен, по прозвищу Лунный Бродяга, был приглашен для выступления на Лунном Балу. Приглашен Ее Величеством лично. И Вы предлагаете, чтобы мы отказали тому, кого пригласила сама королева?

Маркиз отчаянно замотал головой, не в силах отвести взгляд от леденящих холодом серых глаз. А графиня Роддерик, не менее мягким и одновременно стальным голосом, продолжила:

— Менестрель Айвен выступает до начала танцев и после выступления имеет полное право остаться на Балу как гость, таким было пожелание Ее Величества. Но, — Эвелина предостерегающе подняла руку, не давая маркизу что-либо возразить, — Вы забываете, что на Вальс Лунных Цветов все девушки выходят в масках, почти полностью скрывающих лица. И если Айвен узнает Вашу Эльзи под маской и пригласит ее раньше графа, а бутон Лунного Цветка засияет вокруг их пары, значит, так тому и быть! Вы же не станете нарушать древнюю традицию и противиться счастью своей дочери, маркиз?

Эвелина Роддерик еще доброжелательно улыбалась растерявшемуся отцу, а герцог уже дополнил ее слова своими:

— Ваша дочь и граф будут сидеть за одним столом, платья девушки не меняют, только надевают маски. Менестрель же будет выступать на сцене, он не сумеет разглядеть публику издали и не увидит, как одета Ваша дочь.

Так что влюбленный граф имеет гораздо больше шансов пригласить Эльзи на танец, чем Лунный Бродяга!

Эрнест весело подмигнул маркизу, и тот расплылся в понимающей улыбке.

— Ваша Светлость, — маркиз протягивал плотно набитый кожаный мешочек, — я в полном восторге от Ваших слов. Прошу Вас принять в казну мой добровольный взнос на проведение Бала.

С этими словами маркиз Анри д'Анжуан положил мешочек на стол перед герцогом и графиней и низко поклонился. Герцог Берштейн растянул губы в ответной улыбке, кивком головы давая понять маркизу, что его здесь никто не задерживает.

Понятливый посетитель шустро скрылся за дверью, а герцог повернулся к своей напарнице и улыбнулся еще шире, заметив, как сурово сжаты ее губы.

— Вы чем-то недовольны, Эвелин?

— Да Вы просто сводник, Эрнест! Сводник, которого совершенно не интересует судьба юной девушки! Графу д'Жене почти 60 лет, он похоронил уже две жены! А Вы потворствуете его прихоти жениться в третий раз, да еще и на девушке, которая ему не то что в дочери, во внучки годится! — графиня была вне себя от негодования. Эвелина не могла бы сказать сейчас, что злит ее больше — циничные слова герцога, адресованные маркизу, или его насмешливый взгляд, направленный на нее.

— Бросьте, Эвелин! — герцог уже откровенно смеялся над ее негодованием. — Неужели Вы столь романтичны, что считаете менестреля лучшей парой для юной маркизы, чем богатый граф, живущий по соседству?

Эвелина не успела найти достойного ответа, двери опять распахнулись и дворецкий объявил следующего посетителя:

— Купец первой гильдии, глава купеческого товарищества торговли тканями, господин Фредерик Крейстон!

Герцог и графиня мгновенно прекратили перепалку, изменили выражения лиц на вдумчиво-внимательные, и приготовились выслушать нового просителя. Герцог Берштейн, вспомнив, привычно смахнул в ящик стола кожаный мешочек, полученный от маркиза. Благодаря их с графиней неутомимой деятельности и умению решать вопросы, значительная часть расходов на Бал уже окупилась. А купец Фредерик Крейстон, был одним из богатейших купцов Армании, так что принять его следовало со всей возможной вежливостью и учтивостью.

Герцог склонил голову, отвечая на приветствие Крейстона, графиня присела в легком реверансе, с неожиданной для себя грустью отметив, что в густой русой копне Эрнеста появилась первая седина. Купец же, покончив с приветствиями, немедленно перешел к делу.

— Уважаемые, — начал свою речь Фредерик — просьба моя вроде и не выглядит очень важной, но буду весьма вам благодарен, если поможете в моем деле.

— Непременно поможем, господин Крейстон, продолжайте, — герцог Берштейн был весь внимание, и купец решился.

— Видите ли, — крепкий сильный сорокалетний мужчина явно смущался того, что хочет сказать, но все же упорно шел к своей цели — женат я почти двадцать лет, старшенькая уж подросла, невестой стала...

Эвелина чуть заметно вздохнула — у них с Северином не было детей, муж ушел слишком рано, — но

тут же рассердилась на свою слабость, заметив внимательный взгляд герцога. А купец продолжал:

— Айлин-то у нас, старшенькая моя, уже и помолвлена, жених — хороший парень, наш, купеческий... — Фредерик умолк, подбирая слова для продолжения своей запутанной речи.

— Так в чем Ваша просьба, господин Крейстон? — вежливо уточнила графиня Роддерик. — Вы хотите, чтобы жених тоже был на Балу рядом с Вашей Айлин? Вам нужен еще один пригласительный? Или у жениха есть соперник. и Вы просите не пускать его на Бал?

— Нет, госпожа графиня, не так! — Крейстон отчаянно замотал головой. — Есть и у него приглашение, говорю же из хорошей семьи он! И соперника никакого нет, люб он Айлин!

— Так в чем же дело? — герцог был заинтересован и озадачен, не понимая причин волнения Фредерика.

— Да в теще, будь она неладна! — в сердцах выпалил купец и еле сдержался, чтобы не плюнуть.

— В теще?! — Эвелина только и могла, что захлопать глазами от удивления. а Эрнест быстро отвернулся, скрывая приступ нахлынувшего смеха.

— Ну да, в ней, карге старой, чтоб ей жилось долго и счастливо, да не в моем доме! Тесть-то давно помер, а теща все живая! — разошедшийся купец уже не сдерживал свои чувства. Он погрозил кулаком неведомой теще и продолжил: — Она в доме нашем живет — не было у нее детишек больше, кроме Рейвен, жены моей, значит. Вот я и обещал жене когда-то, что догляжу за ее матерью, как за родной. Да разве ж я знал, что так будет? Все-то ей не так, все она меня учит! И торговать, и хозяйство вести, и жениха дочери выбирать!

Крейстон немного успокоился, утер пот со лба рукавом и продолжил:

— Не нравится ей жених Айлин, вот что! Своего она ей присмотрела, внук ее подруги старой, Берти Линнель! А внук этот для нашего дела, купеческого, ну никак не годится! Он все в трубу свою на звезды смотрит, да высчитывает что-то! И говорю я ей, теще, значит, что не надобен мне зять такой, а она все больше упирается, на своем стоит! И вот сейчас, на Балу... Втемяшилось ей в голову, что Айлин с этим Корнелисом Лунный Вальс танцевать должна! Мол, станцуют и увидят — любят они друг друга или нет! А что тут видеть, когда и так все ясно? И не хочет Айлин с этим парнем танцевать, ну никак не хочет! Ей с женихом станцевать желательно, чтобы Лунный Цветок распустился, чтобы любовь их все видели! А теща за сердце хватается и стонет, как ей про Берта Эглиса скажешь, про жениха, то есть!

Фредерик закончил свою пылкую речь и примолк, выжидательно глядя на герцога и графиню.

— Хорошо, а от нас Вы чего хотите? — герцог был слегка раздражен затянувшейся прелюдией к делу и не скрывал этого. — Мы должны запретить Вашей теще присутствовать на Балу?

— Нет, Ваша Светлость, не поможет. Если ей что запретить, так она нарочно по-своему сделает. А вот если бы... — купец ухмыльнулся своим мыслям и продолжил, — если бы ее подальше от нас посадить, а? Да только не приказом каким, а так, чтобы она сама того захотела! Сама пожелала отдельно от нас сидеть! Можно как-то это дело устроить? Уж я бы на такое денег не пожалел!

И в подтверждение своих слов Фредерик Крейстон достал из кошель на поясе еще один, поменьше. Но поменьше он был только по сравнению с кошель самого купца, мешочек маркиза, например, легко исчез бы в его глубинах.

В глазах герцога появился понимающий огонек, он задумался, прикидывая, как можно выполнить просьбу самого богатого купца Армании. Ну а графиня почти немедленно предложила решение проблемы:

— Как зовут Вашу тещу? — обратилась она к купцу.

— Джудит Форбин, вдова купца Ури Форбина, — немедленно ответил тот, с надеждой глядя на вдохновенное лицо графини.

— Так, значит, Джудит Форбин, ее подруга Берти Линнель...Еще такие подруги у Вашей тещи найдутся?

— А как же, госпожа графиня! Уж у нее этих кумушек знакомых столько, что как вместе соберутся, да разойдутся, их ни одна воронья стая не перекричит! — Крейстон ухмыльнулся своим воспоминаниям, а Эрнест, с веселым удивлением глядя на Эвелину, спросил ее:

— Что Вы задумали, графиня?

— Помните, мы обсуждали, кого посадить за самый удачно поставленный стол купеческого зала?

Ну, вспоминайте, Эрнест! — графиня нетерпеливо дернула за рукав своего напарника. — Мы говорили, что сидящие за этим столом будут видеть большую часть парадного зала, будут наблюдать, кто подходит к королю и королеве? Помните?

Герцог Берштейн кивнул, не сводя глаз с оживленного личика графини. Он почти сразу понял, куда она клонит, но не хотел прерывать девушку, любясь блеском ее озорных зеленых глаз и ямочками на порозовевших щеках.

Фредерик Крейстон тоже уловил, к чему клонит графиня, и с азартом включился в разговор:

— Так что же, есть возможность тещеньке моей да подружкам ее место за этим столом предоставить?

— Есть! — уверенно заявила Эвелина и так сердито сверкнула глазами на герцога, как будто он высказался против ее утверждения. — Но Вы сперва должны отказаться от этого предложения, понимаете?

— Не понимаю, — замотал головой озадаченный купец, — зачем же мне отказываться, когда счастье само в руки плывет?

— Вы же сами говорили, что если Вашу тещу заставлять что-то делать, она будет противиться изо всех сил, — мягко напомнил Фредерику герцог Берштейн, понявший уже идею графини.

— Говорил, но как по-другому-то ее за этот стол посадить? — Крейстон недоумевал, и графине пришлось объяснять.

— Вы придете домой и скажете, только очень возмущенно, слышите? Скажете, что Вам предложили отдельные места для Джудит Форбин за столом, самым близким к парадной зале королевского замка. Вы заявите домашним, что отказались от такого предложения, потому как не представляете, что Ваша матушка да будет сидеть отдельно от своей семьи! Пусть другие так сидят — Берти Линнель, да остальные кумушки, кому семья не дорога! А Вы-то в своей теще точно уверены, знаете, что она родных ни на кого не променяет!

Фредерик, слушавший поначалу с озадаченным видом, понял, наконец, суть замысла графини и громко расхохотался:

— Да если я такое теще скажу: что сам за нее решил, за каким столом ей сидеть, да еще она узнает, что все кумушки ее на короля любоваться будут, а ей в их рядах места не достанет!.. — купец опять рассмеялся, да так задорно, что Эрнест и Эвелина присоединились к его веселью.

— Да она все сделает, чтобы ей за тем столом оказаться, отдельно от нас и рядом с подружками своими! Изведет меня упреками, но все сделает, чтоб по ее вышло! — Фредерик веселился от души, предвкушая негодование тещи и явно был доволен решением своего вопроса.

— Только Вы уж не поддавайтесь, господин Крейстон, — увещевал его герцог, — держитесь крепко, изо всех сил убеждайте госпожу Форбин, что она должна провести вечер за одним столом с Вами и Вашим семейством.

— Это я понимаю, будьте спокойны, — широко улыбнулся Фредерик, — изо всех сил и уговаривать буду, и спорить с ней, и браниться, лишь бы она по-своему сделала, а не по-моему.

— Ну и замечательно! — подхватила графиня Роддерик. — Оставьте нам список имен, мы разошлем пригласительные госпоже Форбин, Линнель и другим дамам. А в письмах, приложенным к пригласительным, укажем, что право сидеть за столь привилегированным столом даровано им... ну, скажем... за особые заслуги их супругов перед Арманией и лично перед королем Августом!

— Это какие же особые заслуги у моего тестя были? — удивленно спросил Крейстон. — Что-то и не припомню я...

— А это Вы спросите у госпожи Джудит Форбин, — весело ответил ему Эрнест, — уверен, она столько заслуг у своего покойного мужа найдет, что Вам просто совестно станет от своего беспамятства!

— Да уж, заслуги своего рода найти она умеет! — растерявшийся было купец вновь засиял широкой улыбкой и вдруг спохватился. — Стойте, а как же паренек этот, Корнелис Линнель? Он-то, бедолага, за нашим столом так и останется?

— Наш придворный звездочет давно ищет себе толкового ученика, думаю, Корнелис этот ему вполне подойдет, — герцог Берштейн улыбнулся, увидев, как облегченно выдохнул Фредерик, и продолжил, — я напишу для него записку, пусть покажет страже у западного входа. Парня проводят в башню, где засел Бертоньо Лорри, ну а дальше старик сам решит — будет из него толк

или нет!

— Эх, Ваши Светлости, вот разодолжили вы меня, как дело-то по-доброму решилось! — видно было, что счастливый купец не находит слов, достойных его благодарности. — И тещу пристроили, и парня! Эх, вам бы в купеческом сословии родиться, сумели бы вы дело наладить, вот точно вам говорю — сумели бы!

Эрнест и Эвелина дружно рассмеялись от такой неожиданной похвалы. А Фредерик уже приглашал графиню посетить его торговые ряды, обещая, что для нее там всегда найдутся самые лучшие ткани по самым выгодным ценам:

— Как только надумаете платье новое себе пошить, вот хоть на Бал или еще куда, ни у кого больше ткани не заказывайте, только у купца Фредерика Крейстона! Самые выгодные условия для Вашей Светлости сделаю и по ценам, и по срокам, когда ткань доставим!

Эвелина, смеясь, заверила купца, что отныне заказывать ткани на платья будет только в лавке Крейстона. Герцог Берштейн подхватил шутку, обещая лично проследить, чтобы графиня Роддерик даже не заглядывала к другим купцам. Наконец, обрадованный Фредерик ушел, не забыв оставить "список кумушек", как он выразился, и Эвелина с Эрнестом смогли облегченно выдохнуть. Они оба как-то резко почувствовали нахлынувшую усталость, герцог ободряюще улыбнулся напарнице, графиня ответила ему такой же дружеской улыбкой. Но сказать хотя бы пару слов друг другу они не успели. Двери кабинета распахнулись и дворецкий объявил:

— Леди Оливия Эмеринг, банковский синдикат "Эмеринг и сыновья"!

— Ошибаешься, дружок, теперь эта контора называется "Братья Эмеринг", папаша выпал из счета, — легкий грудной смех последовал за уточняющей фразой, и в кабинет вошла очаровательная шатенка, обладательница лучшего контральто Армании, бывшая оперная прима Олли Терн, ныне вдовствующая леди Оливия Эмеринг.

Глава 3

Черное элегантное платье выглядело слишком простым обрамлением для великолепной фигуры и прекрасного лица, но бриллиантовые украшения исправляли эту оплошность. Дорогой тяжелый шелк слегка шуршал, пока новая просительница легко и непринужденно шла к центру кабинета и занимала кресло, любезно отодвинутое герцогом.

Эрнест Берштейн, склонившись, поцеловал изящную руку леди Эмеринг, графиня Роддерик приветствовала даму кивком головы и почувствовала легкое негодование, заметив обращенный на себя снисходительный взгляд больших карих глаз,

— Что привело к нам прекрасную Олли Терн? Прости, так и не смог привыкнуть к твоему новому имени, — герцог начал разговор легко и непринужденно, пользуясь правом давнего друга прекрасной певицы, и Эвелине с трудом удалось справиться с нараставшим раздражением, — Насколько я помню, лорд Эмеринг недавно скончался, стало быть, ты сейчас в трауре?

— О, да, мой муж Эндрю Эмеринг скончался несколько месяцев назад, — в голосе вдовы не было печали, она всего лишь подтвердила сказанное герцогом, — и это обстоятельство лишило меня возможности посещать званые балы и вечера.

— Вероятно, он искупил свою вину тем, что оставил Вам хорошее наследство? — графиня Роддерик сама не ожидала, что ее вопрос прозвучит так язвительно. Она предполагала получить в ответ не менее язвительную отповедь опытной светской львицы. Но, к своему удивлению, услышала веселый смех гостьи.

— Вы просто очаровательны в своей непосредственности, графиня! — сказала Оливия, отсмеявшись. — Да, лорд Эмеринг оставил мне наследство и весьма немалое. Иначе зачем бы я потеряла годы, проведенные рядом с ним? Но, к сожалению, условия наследования таковы, что не позволяют мне нарушить традиции, которых придерживаются Эмеринги.

— Какие именно традиции, леди? — Эрнест был весь внимание, только уголки губ подрагивали, когда он смотрел на смущенную Эвелину.

— Ах, герцог! Эмеринги оказались скучнейшими из всех, кого я знала! Одно из самых богатых семейств страны — они могли бы сами диктовать окружающим и моду, и традиции! Но эти напыщенные снобы предпочитают жить ровно по тем же правилам, по каким жили их деды и прадеды! И одним из условий получения мной наследства выставлено именно соблюдение старых традиций! — Оливия пренебрежительно фыркнула, выражая свое недовольство, и продолжила.

— Я обязана в течение года носить траур, не посещать увеселительных мероприятий, не давать повода для сплетен! И только по прошествии года, когда будет подтверждено выполнение этих условий, я вступлю в права наследования!

Пока леди Эмеринг высказывала свое возмущение жесткими требованиями получения наследства, Эвелина пыталась вспомнить: когда же она, впервые после гибели Северина, захотела повеселиться на балу? И, положив руку на сердце, девушка могла сказать, что все годы вдовства присутствовала на балах только по велению долга, как фрейлина королевы. Будь ее воля — Эвелина предпочла бы отсиживаться в своих комнатах, предаваясь воспоминаниям о немногих светлых днях, дарованных ей судьбой.

Между тем диалог Эрнеста и Оливии продолжался, и графиня Роддерик, отвлекшись от своих мыслей, с удивлением услышала, что вдовствующая леди пришла с просьбой о получении приглашения на Лунный Бал.

— Но как же условия завещания? — в изумлении воскликнула Эвелина. — Леди Эмеринг, разве Ваше появление на Лунном Балу не будет расцениваться как нарушение завещания и повод для лишения Вас наследства?

— Сыновья моего покойного мужа непременно лишат меня наследства, появившись я на Балу в качестве гостьи, — спокойно пояснила Оливия, — но я и не прошу о таком приглашении. Я прошу, чтобы меня пригласили выступить на Лунном Бале как оперную певицу. Если семья Эмерингов получит письмо за подписью короля с просьбой о моем участии в выступлениях, они не посмеют отказать!

Графиня Роддерик озадаченно посмотрела на герцога — только он мог знать, подпишет король такое письмо или нет. Эрнест задумался, прикидывая возможность выполнить просьбу бывшей оперной примы, несколько лет не выступавшей на сцене.

Леди Эмеринг верно расценила замешательство собеседников и безмятежное спокойствие ее лица сменилось гневным выражением. Оливия поднялась с кресла, величественно, словно правящая

королева, взглянула на герцога и графиню и запела.

Бархатный грудной голос зазвучал так сильно, что казалось вытеснил воздух из кабинета, заполняя собой все окружающее пространство. Ослепительная Олли Терн пела первые строки знаменитого Лунного Вальса. Пела так легко и свободно, словно не было ни замужества, ни нескольких лет, проведенных вне сцены:

— Сегодня переполнен зал,

Собрались все на Лунный Бал,

И звучит для нас

Старый Лунный Вальс,

Светлой сказкой он манит нас...

Чарующие звуки прервались, оставляя место тишине. Олли Терн уверенно и спокойно смотрела на замерших слушателей. Герцог Берштейн первым пришел в себя и нарушил возникшую паузу возгласом: "Браво!". Он от души аплодировал певице, и графиня Роддерик, опомнившись, немедленно присоединилась к его аплодисментам. Она была восхищена не меньше герцога, но какая-то нотка горечи мешала ей всецело отдаться восхищению талантом Оливии. Встревоженное сердце не переставало напоминать Эвелине, что комплименты Эрнеста, его восторг звучат сейчас очень искренне и предназначены отнюдь не для нее.

Герцог Берштейн не заметил состояния графини, его внимание всецело было посвящено блистательной певице. Эрнест заверил леди Эмеринг, что приглашение за подписью короля, с просьбой выступить на открытии Лунного Бала, будет доставлено ей не позднее завтрашнего утра.

— Благодарю Вас, герцог, — Оливия благосклонно кивнула, принимая пылкие заверения, — я счастлива, что не обманулась в своих надеждах, и Вы согласны мне помочь. Вступив в права наследования, я собираюсь создать свой оперный театр, а выступление на Лунном Балу будет самой лучшей возможностью сообщить зрителям, что Олли Терн возвращается на сцену.

— Но Ваше желание выступить может обернуться против Вас, леди Эмеринг, — графиня Роддерик решила напомнить Оливии ее же опасения, — неужели Вы так хотите вернуться на сцену, что готовы рискнуть возможностью получить богатое наследство?

— Графиня, — Оливия легко рассмеялась, — я уже пробовала жить без сцены и поняла, что такая жизнь не приносит мне радости. Я имела все, что только могла пожелать — наряды, драгоценности, возможность блистать на балах не приглашенной гостьей, а хозяйкой. Все мои желания исполнялись, кроме одного, самого главного — чувствовать себя свободной.

— Думаю, я из тех птиц, что не умеют петь в клетке, даже если клетка золотая, — леди Эмеринг чуть задумалась и продолжила, — но эти годы без сцены не прошли даром. У меня было время отделить золото от мишуры, понять, что по-настоящему ценно в этой жизни.

— И что же? — Эвелина улыбнулась, почти не скрывая иронии, — Возможность петь?

— Возможность быть собой, дорогая графиня! Все остальное не стоит и ломаного гроша!

Оливия ответила так серьезно, что графиня Роддерик растерялась, утратив на время свой воинственный настрой. А певица, внимательно взглянув на Эвелину, добавила, обращаясь только к ней:

— Невозможно прожить всю жизнь одним только прошлым, даже если это прошлое — самое дорогое, что у нас есть. Цепляясь всеми силами за безвозвратно ушедшее, теряешь то, что имеешь сейчас. И чаще всего, ценность утерянного понимаешь слишком поздно. Время безжалостно, моя дорогая, особенно к тем, кто не ценит его даров.

Эвелина вспыхнула, собираясь ответить, но леди Эмеринг уже прощалась. Легко и грациозно она выпорхнула из кабинета, оставив после себя тонкий аромат парфюма и непонятное чувство утерянного волшебства.

Эрнест задумчиво смотрел на графиню, а она, все еще негодующая, обратила свой нерастраченный пыл на него:

— Оказывается, Вы умеете быть любезным, герцог Берштейн? Со всеми дамами или только с избранными? Что-то я не припомню, когда Вы были так любезны, например, со мной?

— Может от того, что и я не могу припомнить, когда Вы были любезны со мной, графиня? — в тон собеседнице откликнулся Эрнест.

— Ах, так! — Эвелина возмутилась еще больше. — Ну что же, теперь у Вас есть возможность показать свои чувства наиболее приятной Вам даме! Пригласите Оливию на Лунный Вальс, вдруг вам повезет. и Лунный Цветок засияет вокруг вашей пары!

— Я бы с удовольствием, графиня, но боюсь ошибки, — герцог Берштейн вернулся к прежнему насмешливому тону, — на Балу будут две дамы в черном, вдруг я приглашу Вас, перепутав с леди Эмеринг?

— О, не беспокойтесь! — Эвелина была уверена, что внешне она холодна и бесстрашна, не подозревая, как выдают ее истинные чувства сверкающие негодованием глаза и пылающие щеки. — Я изменю черному цвету ради Лунного Бала! Так что путаницы не возникнет!

Графиня Роддерик отвернулась, не успев заметить, как счастливо улыбнулся Эрнест после ее последних слов. Она смотрела на распахнувшуюся дверь и вслушивалась в привычный голос, объявлявший последнего на сегодня просителя:

— Отто Шенброк, капитан гвардии Его Величества!

Глава 4

Печата шаг, в кабинет вошел высокий, хорошо сложенный молодой мужчина в военной форме. Суровое выражение и резкие черты лица выдавали в нем северянина, а светлые волосы и голубые глаза подтверждали чистоту северной крови.

Капитан Шенброк склонил голову перед герцогом и получил в ответ сдержанный кивок. Графиня же, как бы случайно, не смотрела на вошедшего и, конечно, не могла заметить его порыва поцеловать даме руку. Оба они — и герцог, и графиня — с подозрением относились к отпрыску рода Шенброков. Старшие этого рода были одними из зачинщиков заговора, в котором погиб не один только Северин, но и другие достойные дворяне.

Когда зачинщики были схвачены и казнены по приговору суда, король лишил их семьи всех привилегий и званий, позволив сохранить от бывшего величия рода небольшое поместье. Оставленное имущество давало вдовам и детям бывших заговорщиков минимальный доход, которого едва хватало, чтобы выжить. При желании дети заговорщиков могли поступить на службу и начать свою карьеру с самых низов, рассчитывая только на собственные силы и таланты.

У Отто Шенброка такое желание было. Ровесник герцога Берштейна, он поступил в королевскую гвардию на младшую офицерскую должность шесть лет назад. За эти годы, только благодаря собственному упорству и четкому выполнению приказов, Шенброк дослужился до звания капитана. Берштейну не в чем было упрекнуть его, но и для полного доверия не было оснований. Поэтому к визиту капитана Эрнест отнесся настороженно. Что же касается графини Роддерик — ей достаточно было услышать фамилию, чтобы с подозрением выслушивать визитера.

Капитан Шенброк равнодушно воспринял холодный ответ на свое приветствие и попросил разрешения изложить просьбу, с которой он явился. Герцог Берштейн ответил коротким:

— Приступайте, капитан! — и Отто сухим четким тоном, словно отдавал команды на плацу, отапортовал:

— Господин герцог, прошу Вашего ходатайства об освобождении меня от дежурства в ночь Лунного Бала!

Герцог вскинул брови, выражая свое недоумение, и капитан продолжил:

— Я обращался к непосредственному командиру, мне пояснили, что приказ ставить на дежурство в эту ночь только холостых и не имеющих невесты исходит от Вас, и нарушить Ваш приказ мой командир не посмеет.

— А по какой причине я должен нарушить собственный приказ? — холодно поинтересовался герцог. — Разве у Вас есть невеста, капитан Шенброк? Насколько мне известно, с выбором девушки на эту роль Вы еще не определились..

Эрнест чуть насмешливо взглянул на капитана, и тот не замедлил с ответом:

— Я сделал свой выбор, герцог Берштейн! Мы еще не объявляли о помолвке, но я уверен — девушка мне не откажет!

— И кто же эта... — Эрнест не договорил, но в его тоне явственно слышалось недосказанное слово "несчастная".

— Это Кэтрин Брайтон, воспитанница Ее Величества королевы Амелии! — капитан Шенброк гордо вскинул голову, и в его взгляде читался вызов всем, кто посмеет сомневаться в сказанном.

Но графиню Роддерик подобные взгляды никогда не пугали. Она ахнула, услышав имя девушки, и возмущенно воскликнула:

— Этого не может быть, Вы лжете, капитан! Я уверена, что Кэтрин не давала Вам слова, она никогда не согласится выйти за вас замуж!

Герцог Берштейн был удивлен и заявлением Шенброка о невесте, и категоричностью графини Роддерик. Он перебирал в памяти то небольшое, что знал о юной фрейлине Брайтон.

Кэтрин Брайтон, одна из "сироток королевы", была дочерью дворянина, погибшего от руки заговорщиков. Несколько небогатых дворянских семей лишились тогда кормильцев, и король с королевой лично взяли опеку над осиротевшими детьми. Мальчики получили отличное образование, девочки воспитывались в лучшем пансионе Армании, под патронатом самой королевы. При получении диплома юношам вручали от имени короля денежную сумму, вполне достаточную для начала самостоятельной жизни. А девушкам, которых все называли не иначе, как "сиротки королевы", было обещано приданое из земель и поместий, конфискованных у мятежников в пользу

короны.

Благодаря щедрому королевскому решению, осиротевшие девушки считались самыми богатыми невестами Армании. А Кэтрин, в дополнение к заманчивому приданому, была еще и прехорошенькой. Герцог вспомнил эту златокудрую синеглазку с изящной фигуркой и мысленно согласился с Эвелиной: не могла такая хрупкая нежная девушка полюбить ревностного служаку Шенброка, холодного и равнодушного ко всему, что не касается его карьеры. Единственный довод не позволял Эрнесту полностью отвергнуть утверждение Шенброка: капитан не посмел бы откровенно обманывать первого министра, тем более, понимая, что его слова легко проверить.

Решив выяснить все до конца, герцог Берштейн жестом остановил графиню, порывающуюся дополнить свои слова, и сурово потребовал у Шенброка:

— Поясните, капитан, почему Вы так уверены, что Кэтрин Брайтон согласится стать Вашей невестой?

— Она улыбалась мне, когда я стоял в карауле у женской половины, заговаривала со мной, приняла от меня руку, когда фрейлины шли в парадную залу для участия в торжественном приеме! Кэтрин несомненно благосклонна ко мне и будет счастлива принять мое предложение руки и сердца!

— Боже мой, капитан! — Эвелина была поражена тем, как истолковал этот напыщенный от собственной важности северянин поступки веселой юной девушки. — Кэтрин улыбалась Вам просто потому, что не умеет быть строгой и сердитой! Эта девушка искренне делится своей жизнерадостностью со всеми, кто ее окружает, она ласково заговаривает и со старым слугой, и с юным пажом, и с ворчливой камеристкой! И что же, ей теперь за каждого из них выходить замуж?

Герцог Берштейн фыркнул, представив какой разношерстной могла быть толпа желающих получить руку юной фрейлины, но быстро подавил смешок под негодующим взглядом графини Роддерик.

— А Вашу руку, капитан, леди Брайтон приняла потому, что на большом торжественном приеме не хватило кавалеров для юных фрейлин, а по этикету дамы не могли выйти в зал без сопровождения. Вот и задействовали офицеров, стоящих в тот день в карауле. Вы с таким же успехом могли вести к столу другую фрейлину, а не Кэтрин!

Эвелина немного успокоилась во время своей пылкой речи и сейчас сердито смотрела на Отто Шенброка, ожидая его ответа. Невозмутимый капитан холодно выслушал все, высказанное графиней, и с непоколебимым спокойствием вернулся к своей просьбе:

— Я считаю, что не противен девушке, если она первая заговаривала со мной и не отвергла мою руку. У меня пока не было возможности поговорить с леди Брайтон о своих чувствах наедине. Наша встреча на Лунном Балу может оказаться решающей для того, чтобы Кэтрин определилась в своих чувствах. Но я не смогу пригласить девушку на Лунный Вальс, если буду стоять в карауле. Поэтому осмелюсь повторить свое ходатайство об освобождении меня от дежурства в эту ночь.

— Почему же Вы не хотите прежде приглашения на Вальс переговорить с Кэтрин Брайтон? — задумчиво спросил герцог — Почему решили показать свои чувства именно на Балу?

— Девушки чаще всего сами не знают, кто им нужен, — безапелляционно заявил Отто Шенброк, — я уверен, что выбирать должен мужчина, удел девушки — принять его выбор.

Капитан продолжил бы свою речь и дальше, но его уже не слушали. Герцог Берштейн вспомнил и взвесил все обстоятельства и озвучил свои выводы.

— Капитан Шенброк, — Эрнест был сейчас так холоден и спокоен, что графиня Роддерик замерла, почувствовав грозное настроение напарника. — Вы сказали много слов, забыв сказать самое важное. Волей короля и королевы именно Кэтрин Брайтон получит в приданое земли Шенброков, после заговора отторгнутые в пользу короля. И Ваше желание видеть Кэтрин своей невестой продиктовано не чувствами к девушке, а стремлением вернуть имущество рода.

— Да! — невозмутимость наконец-то слетела с Отто, как ненужная маска, в его глазах полыхала ярость поверженного, но не сдавшегося противника. — Да, я хотел вернуть свои земли, зачем скрывать? Разве это справедливо, что замком и его угодьями, веками принадлежавшими нашему роду, будут управлять самозванцы?

— Ваш отец и его братья когда-то выбрали свою судьбу и проиграли, — голос герцога стал совсем ледяным и суровым, — они знали на что шли и на что обрекали своих детей. У вас есть выбор: либо верной службой королю вернуть честное имя своему роду, либо пойти по стопам отца и его единомышленников. Что вы предпочтете?

Берштейн в упор смотрел на молодого Шенброка, ожидая ответа. и капитан не выдержал жесткого взгляда серых глаз.

Коротко кивнув, Отто Шенброк резко развернулся и почти выбежал из кабинета. Графиня выдохнула, почувствовав, как спадает напряжение, возникшее с приходом последнего посетителя. Она подошла к герцогу, дотронулась до его руки и, на его вопросительный взгляд, произнесла:

— Благодарю, Эрнест! Я и не думала, что Вы заступитесь за девушку и найдете, чем охладить пыл этого мужлана.

— Вот как, не думали? — герцог улыбнулся Эвелине, но чуть заметная горечь была в его улыбке. — Вы считаете, что заступаться за бедных, обиженных красавиц только Ваше право? А я, вероятно, кажусь Вам чудовищем, так. Велли?

Графиня Роддерик вздрогнула, услышав, как герцог назвал ее давно забытым коротким именем. Этим ласковым именем девушку называл когда-то Северин, а вслед за ним, и его лучший друг Эрнест. Она хотела ответить, сказать, что никогда не считала герцога чудовищем, но двери кабинета, в который раз за этот день распахнулись, и дворецкий сообщил:

— Главный церемониймейстер ищет вас, господа, чтобы обсудить проведение Бала!

Глава 5

О. нет! — почти простонала Эвелина. — Только не главный церемониймейстер! Если нам придется сейчас обсуждать с ним расстановку столов и сервизов на них в соответствии с рангом гостей, последний день приема просителей затянется еще на два, как минимум!

— Верно, Эвелина! — герцог почему-то не выглядел расстроенным предстоящим визитом, скорее он был слишком веселым, так что графиня невольно заподозрила неладное. Она с сомнением смотрела на Эрнеста, а тот уже вовсю распоряжался: — Джереми, скажешь церемониймейстеру, что ты нас не застал, мы уже ушли. Ты понял?

Дворецкий кивнул.

— И прикажи накрыть стол для легкого ужина в малом зале библиотеки. Мы с графиней Роддерик пройдем туда через потайной ход, нам просто необходимо уединиться в тишине и еще раз вспомнить все, что мы наобещали за эти дни!

— Вы согласны, графиня? — герцог Берштейн с улыбкой взглянул на даму, и Эвелина, преодолевая внутреннее сомнение, кивнула, принимая его доводы. Обсудить еще раз в тишине библиотеки пожелания просителей и то, как их лучше выполнить, было верным решением. Да и легкий ужин будет подспорьем деловому разговору. Но возбужденное состояние герцога заставляло графиню усомниться, что он преследует только деловые цели.

Эрнест, вероятно почувствовав колебания графини Роддерик, добавил к своим словам, что в библиотеку они войдут под завесой невидимости и неслышимости. И под этой же завесой будут находиться все время, пока будут ужинать и обсуждать накопившиеся вопросы. Это заявление герцога окончательно убедило Эвелину, и она подала руку, показывая, что принимает его приглашение.

Эрнест, не сумевший скрыть свою радость, подмигнул Джереми и совсем расцвел, получив в ответ от дворецкого понимающую улыбку и многозначительный кивок головы. Эвелина опять было насторожилась, но герцог уже вел ее к двери потайного хода, замаскированной зеркалом. Сам ход они прошли очень быстро, почти бегом. Эрнест освещал дорогу магическим шаром и вел свою спутницу очень бережно и уверенно. Графине даже показалось, что была попытка взять ее на руки, но она сумела ускользнуть из слишком крепких объятий.

Когда пара добралась в библиотеку, стол на двоих был уже накрыт: горели настоящие, не магические, свечи, золотился мускат в высоких бокалах, ароматно пахли профитролы, выложенные на блюдах.

— Смотрите, Эрнест, это удивительно! — графиня Роддерик была в восторге от увиденного. — Когда они успели все подготовить? Ведь по коридору от нашего кабинета сюда гораздо дольше идти, чем по тому пути, которым прошли мы?

Эвелина оглядывала обстановку, радуясь, как ребенок. Она всегда любила находиться в окружении книг, особенно когда среди высоких полок с книгами был еще и стол с ее любимыми профитролами, да еще и с такими разнообразными начинками...

— Эрнест, да нам тут такой стол накрыли, что можно всю ночь работать и от голода точно не умрешь! — графиня, задорно смеясь, обернулась к спутнику и смутилась, встретив внимательный задумчивый взгляд.

— Почему Вы так серьезны, герцог? — голос Эвелины дрогнул, она оглянулась по сторонам и поняла, что завеса невидимости скрыла их уголок надежней любых стен и замков. Графиня отступила от спутника, оказавшись совсем рядом с накрытым столом, и только сейчас увидела вазу с букетом ее любимых лесных фиалок. Их тонкий аромат с трудом пробивался сквозь аппетитные запахи, и Эвелина взяла букет в руки. Она вдыхала щемящий нежный аромат и вспоминала...

Вспоминала, что Эрнест один во всем дворце знал, как ей нравится старый золотой мускат. Знал о ее пристрастии к профитролам, особенно к сладким, с шоколадным заварным кремом — блюдо с ними было самым большим и переполненным. А еще Эрнест знал, что из аромата всех цветов она больше всего любит аромат первых лесных фиалок, аромат их единственной весны с Северином... Он знал о ней самое сокровенное и за прошедшие годы ничего не забыл, даже самую мелочь...

Эвелина повернулась к герцогу, продолжая держать в руках букет фиалок. Она смотрела на него своими невероятными зелеными глазами, и застывшие слезы вины туманили ее взгляд, не давая четко рассмотреть мужчину.

— Эрнест, скажи, ты ведь совсем не спонтанно придумал этот ужин, ты подготовил его заранее? — тихо спросила девушка, пряча лицо в букете цветов.

— Да, Велли, — Эрнест подошел ближе, чуть прикоснувшись обнял Эвелину за плечи, — я решил, что ты заслужила небольшой отдых после напряжения двух недель. И взял на себя смелость заказать ужин по твоим вкусам и пригласить тебя...

— А церемониймейстер? Его визита не было? — Эвелина улыбнулась сквозь слезы. Она чувствовала руки Эрнеста на своих плечах, его близкое дыхание, и на душе у девушки было так легко и спокойно, как никогда за последние годы.

— Не было, — Эрнест легко рассмеялся, крепче прижал Эвелину к себе и пояснил, вдыхая аромат ее легких волос, — я подговорил Джереми сказать о том, что старый зануда нас ищет. Был уверен — ты сбежишь куда угодно, лишь бы с ним не общаться.

Герцог опять рассмеялся. и Эвелина засмеялась в ответ. Она чуть отстранилась, не желая измять хрупкий букет, взглянула в глаза собеседнику и ахнула про себя, заметив, что скучный серый цвет разбавила голубизна. Сейчас в глазах герцога бушевало грозное небо, серо-синее, невероятно близкое и притягательное. Эрнест по-своему понял попытку графини отстраниться и отпустил ее плечи. Он с грустной нежностью взглянул на девушку и сказал:

— Велли, тебе незачем опасаться меня, я никогда не посмею тебя обидеть. И если ты не хочешь провести этот вечер вместе со мной...

Герцог не договорил, Эвелина схватила его за руку и горячо заявила:

— Хочу, Эрнест, я очень хочу поужинать с тобой сегодня! Не уходи, прошу тебя, ты тоже заслужил отдых, не я одна!

Графиня, не отпуская руку герцога, подошла к столу, вернула букет на место и повернулась к Эрнесту:

— Ну что же Вы, герцог, ухаживайте за дамой!

Герцог счастливо, по-мальчишески громко, рассмеялся и начал ухаживать. Он выполнял все, что положено выполнять кавалеру: предлагал новые блюда, подливал вино в бокал, говорил комплименты и рассыпал шутки, над которыми Эвелина смеялась так звонко, что завеса слегка вздрагивала, удерживая звук.

Они и деловые вопросы не забыли обсудить, и даже сошлись во всех пунктах, кроме одного. Эвелине очень хотелось, чтобы юная маркиза д'Анжу танцевала Лунный Вальс с любимым менестрелем, а герцог был уверен в нелепости этой затеи. Графиня Роддерик почти рассердилась, но взгляд, брошенный на букет фиалок, смягчил ее, и первая фрейлина согласилась не вмешиваться в судьбу Эльзи и Айвена. Впрочем, она тут же заявила, что не потерпит, если вмешается кто-то другой, и герцог, смеясь, дал слово не помогать, но и не мешать графу д'Жене и отцу девушки.

Когда все вопросы были решены, вино выпито, а профитроли почти полностью съедены, Эвелина собралась уходить, и герцог не препятствовал ей. Он был счастлив тем, как прошел вечер, счастлив от того, как радостно сияют глаза Эвелины. Они поднялись, собираясь выйти обычным путем, через большой зал библиотеки, и замерли, услышав голоса. В глубине зала говорили двое: юноша и девушка. Их прерывистый разговор то снижался до шепота, то срывался на громкие звуки. А иногда их разговор совсем прерывался, по той простой причине, что эти двое успевали еще и целоваться. И если девушкой в этой паре, несомненно, была фрейлина королевы Кэтрин Брайтон — ее выдавали золотистые локоны, сияющие в темноте зала, — то юношей... По росту, статной выправке, сильному уверенному голосу и герцог, и графиня уверенно определили, что с Кэтрин Брайтон в темноте библиотечного зала разговаривал и целовался Дэниэль, наследный принц Армании!

Глава 6

Эрнест придержал графиню за руку, не позволяя ей выйти вперед и показаться влюбленным. Он прижал палец к губам, давая знать, что хочет услышать разговор принца и фрейлины, и Эвелина нехотя согласилась.

Герцог и графиня очень удачно укрылись в нише между книжными полками, так что заметить их можно было только оказавшись совсем рядом. Но сами они прекрасно видели и слышали все, происходящее между принцем Дэниэлем и Кэтрин Брайтон.

Золотистые локоны Кэтрин совсем растрепались от того, что ее почти все время держали в объятиях, но девушка не способна была думать сейчас о прическе. Она взволнованно смотрела в глаза чайного цвета и шептала:

— Дэниэль, неужели наше счастье возможно? Разве принцу когда-нибудь разрешат жениться на бедной фрейлине?

— Конечно, разрешат, любовь моя! — принц ответил девушке не сразу, сначала он, в который раз, поцеловал ее. — Нам повезло, нам очень повезло, Кэтрин! Я приглашу тебя на Лунный Вальс, и все увидят, как мы любим друг друга! И поймут, что ни одна принцесса в мире не может быть моей невестой, никто кроме тебя, моя Кэти!

— Но если тебе не разрешат пригласить меня на Вальс, Дэниэль, если тебе прикажут пригласить другую девушку, более достойную?

Принц даже отстранился от маленькой фрейлины после такого вопроса. Эвелина не видела в темноте, но была уверена, что Дэниэль сейчас расправил плечи и нахмурил брови, стараясь выглядеть грозно и неустрашимо.

— Пусть только посмеют меня заставить! — гордо заявил принц своей избраннице. — Я буду танцевать Лунный Вальс только с тобой, Кэти, и ни с кем другим, ты веришь мне?

Эвелина улыбнулась тому, как нарочито сурово говорит молодой принц и весело взглянула на Эрнеста — разделит ли он ее улыбку. Графиня удивилась, увидев с каким отстраненным и холодно задумчивым выражением лица герцог слушает разговор влюбленных. Рядом с Эвелиной сейчас стоял не веселый кавалер Эрни, с которым она только что ужинала, а строгий первый министр короля Эрнест Берштейн. Непонятная тревога захватила сердце графини, и она отвернулась, не желая поддаваться дурным предчувствиям.

А влюбленные продолжали шептаться и целоваться. Кэтрин волновалась, узнает ли ее принц, когда все девушки наденут маски. И Дэниэль, смеясь, отвечал:

— Любовь моя, я всегда узнаю тебя по золоту твоих волос! Ни у одной девушки нет таких солнечных локонов, как у тебя!

Кэти счастливо улыбалась, и они опять целовались, и опять новые сомнения волновали девушку, а Дэниэль убеждал ее в том, что все ее переживания напрасны. Наконец, принц достал из кармана что-то маленькое, сверкнувшее сиреневой искрой в темноте зала, и сказал Кэтрин:

— Любовь моя, я хотел вручить тебе это колечко после Лунного Вальса, как знак нашей помолвки. Но ты так переживаешь, узнаю ли я тебя, что, пожалуй, лучше будет отдать его сейчас.

Смотри, Кэтрин, это колечко — единственное в мире, нигде больше не найдешь такого! Я сам придумал, как оно должно выглядеть, и объяснил ювелиру. А он подобрал подходящий камень — очень редкий, сиреневый сапфир — и сделал кольцо по моему эскизу.

Ты будешь в платье сиреневых тонов, я знаю. Все юные фрейлины шьют сейчас сиреневые платья, потому что принц будет в костюме такого же цвета.

Дэниэль рассмеялся, и Кэтрин подхватила его смех. Обычай королевской семьи каждый Лунный Бал проводить в нарядах цвета одной из лун Армании, был известен всем без исключения. И как только наследный принц выбрал ткань для своего костюма, новость о цвете ткани разлетелась с небывалой скоростью. Все девушки на выданье, не имеющие женихов, шили платья разных оттенков сиреневого, в надежде составить пару наследнику престола, если не в Лунном Вальсе, то в любом другом танце.

— Это правда, Дэн, — весело подтвердила Кэтрин, — я буду в сиреновом, и все мои приятельницы фрейлины тоже. И как же ты найдешь меня среди них?

— Колечко, — не менее весело ответил Дэниэль, — ты наденешь его на Бал, и если вдруг случится невероятное — я не сумею узнать тебя под маской, кольцо подскажет мне, где прячется моя Кэти..

Влюбленные опять поцеловались и, пожалуй, долго продолжали бы в том же духе, но неожиданный скрип половицы прервал их.

— Здесь кто-то есть, — испуганно сказала фрейлина. Но принц только отмахнулся — он уже ничего и никого не боялся. Кольцо с сиреневым камнем крепко сидело на пальчике Кэти, до Бала оставалось всего три дня, а в том, что Лунный Цветок благословит их любовь, Дэниэль был уверен.

— Не бойся, любимая, — нежно сказал он девушке, — я никому не позволю тебя обидеть. И никто никогда не сможет разлучить нас, ты веришь мне, Кэти?

— Верю, Дэн, — ответила Кэтрин, отдышавшись после очередного, на этот раз успокаивающего, поцелуя. — Но давай, все-таки, уйдем отсюда. Мне не дает покоя мысль, что нас могут подслушивать. И время позднее — меня вот-вот хватятся. если уже не хватились.

Девушка вопросительно смотрела на принца, и он важно кивнул — Дэниэлю нравилось чувствовать себя в ответе за маленькую фрейлину.

— Хорошо, дорогая, идем. Я провожу тебя до женской половины, и мы расстанемся до завтра. Но помни, Кэтрин, что тебе нечего бояться! Я люблю тебя, одну тебя, и никто не заставит меня изменить данному тебе слову!

— Я знаю, Дэниэль, я сердцем чувствую, что ты не обманываешь меня...

Влюбленные ушли через боковые двери, и Эвелина хотела уже спросить герцога, чем вызваны неожиданные изменения его настроения, но не успела. Новое лицо — неприятное во всех смыслах: и внешне, и по характеру, — появилось на сцене.

Из ниши между книжными полками — точно такой же, как та, в которой прятались герцог и графиня, только подальше — появилась Матильда Лейзон, камер-фрейлина Ее Величества королевы Амелии. Эвелина подавила досадливый вздох, увидев еще одну свидетельницу разговора влюбленных. Любовь камер-фрейлины к сплетням и пересудам знала вся дворцовая челядь: Матильда умела за самым невинным разговором увидеть такую подоплеку, так ловко извратить все своими домыслами, что за минуту делала из мухи слона, да еще и облитого грязью.

Матильда Лейзон появилась в свите королевы более десяти лет назад, и за эти годы добилась статуса камер-фрейлины — негласной надсмотрщицы за юными девушками, только прибывшими ко двору. Маленькая тощенькая Матильда держалась чопорно и неприступно, серые волосы собирала в зализанную строгую прическу, вечно укоризненный взор и сурово поджатые губы дополняли ее излюбленный образ строгой наставницы. Только остренький любопытный нос, да серые глазки, возбужденно бегающие при малейшем намеке на новую сплетню, выдавали истинные интересы камер-фрейлины.

Молодые фрейлины быстро раскусили свою "наставницу" и называли ее не иначе, как Мышильда Лезет. Надо сказать, прозвище было очень удачным: стоило одной из девушек увидеть маленькую фигурку в строгом сером платье, как тут же раздавался возглас: "Ой, Лезет!" И фрейлины почти всегда успевали сделать вид, что заняты обсуждением очень серьезных тем, а вовсе не нарядов и кавалеров.

Вот и сейчас, Эвелина была уверена, глаза Матильды шныряли во все стороны, пытаясь увидеть что-нибудь любопытное. Графиня невольно подалась глубже в нишу — если эта завзятая сплетница увидит здесь ее с Эрнестом... Но Лейзон было не до них, фрейлина явно слышала, а может и видела, все происходящее между принцем и Кэтрин, и была так взбудоражена увиденным, что высказывалась вслух:

— Так, так...наша маленькая скромница Брайтон собралась отхватить себе лучший приз! Самозванка! — камер-фрейлина забылась и последнее слово взвизгнула в полный голос. Визг гулким эхом отозвался в сводах большого зала, и Матильда испуганно примолкла, видимо, ожидая, что ее окликнут. Оклика не последовало, камер-фрейлина, успокоенная тишиной, погрозила сухим кулачком непонятно кому и удалилась, злобно шипя что-то сквозь зубы.

Встревоженная Эвелина разобрала только некоторые слова, но их хватило, чтобы ее тревога усилилась. Там было про "золотые волосы", "колечко" и злорадное "посмотрим еще, сможет ли принц не перепутать". Графиня непременно задержала бы Матильду и потребовала не выдавать увиденное, но Эрнест помешал ей. Он придержал девушку за плечи и отпустил только убедившись, что фрейлина Лейзон плотно прикрыла за собой тяжелую дверь.

— Почему ты задержал меня, Эрнест? — Эвелина повернулась к герцогу, заглядывая в его глаза. — Надо было вмешаться, запретить этой...Мышильде рассказывать о принце и Кэтрин.

И опять графиня удивилась выражению лица Эрнеста — он довольно улыбался, ничуть не разделяя ее тревоги. А слова герцога поразили девушку еще сильнее.

— Не надо ее останавливать, Велли, — весело заявил Берштейн, — даже удачно вышло, что здесь оказалась вездесущая сплетница Лейзон. Новость о выборе сына Август узнает не от меня, а от своих придворных, мне останется только подтвердить достоверность сплетен.

— Как, Эрнест?! — Эвелина ахнула, услышав, что сказал герцог. — Неужели ты хочешь открыть королю тайну Дэниэля и Кэтрин?

— Непременно открою, — лицо Берштейна вновь обрело серьезность, а голос звучал уверенно и твердо, — Кэтрин весьма милая девушка, но претендовать на роль будущей королевы... Это уже слишком для захудалого рода Брайтон, ты разве так не считаешь, Велли?

Эрнест взглянул на свою спутницу с лукавой улыбкой, но графиня Роддерик не способна была улыбнуться в ответ. Она с отчаянием смотрела на герцога Берштейна, очевидно вспомнившего о том, что он первый министр короля, и пыталась найти слова, способные убедить самого бездушного чиновника.

— Эрнест, послушай... — графиня прикоснулась рукой к руке герцога, желая привлечь внимание к своим словам, и он немедленно захватил ее пальчики в плен, как самую долгожданную добычу. Эвелина на обратила внимания на его действия, она говорила то, что рвалось из сердца: — Они любят друг друга, понимаешь? Не мешай им, прошу тебя, не разрушай их любовь! До Бала всего три дня, и если вокруг их пары засияет Лунный Цветок, они поженятся, несмотря на всю разницу в положении. Древнюю традицию — не разлучать пары, соединенные сиянием трех Лун, — не посмеет нарушить даже король!

— Именно, Велли, — весело сказал герцог, нежно целуя ее руку, — в том-то и дело, что действовать нужно как можно быстрее! Нельзя позволить принцу танцевать Лунный Вальс с Кэтрин Брайтон, последствия могут быть непоправимы, понимаешь?

— Не понимаю! — графиня Роддерик резко освободила руку из нежного плена и сердитым взглядом ответила на обиженный взгляд герцога. — Почему ты так против их брака? В чем причина, объясни, Эрнест!

— Видишь ли, Эвелина, — насупившийся герцог говорил нехотя, словно раздумывая, стоит ли вообще что-то объяснять, — принц Дэниэль с рождения помолвлен с Александриной, наследной принцессой Дарнии. Об этой помолвке знают все в стране и меня удивляет, что ты о ней забыла.

— Эрнест, принцесса Александрина старше Дэниэля на семь лет! Всем известно, что она хранит верность не жениху, а фавориту — первому министру Дарнии! И ты считаешь, что брак с Александриной сделает Дэниэля счастливым? — Эвелина чувствовала, что эмоции переполняют ее, и изо всех сил старалась сдержаться, не наговорить лишнего.

Эрнест, уязвленный выпадом графини, смотрел на девушку холодно и строго, точно также, как на своих проштрафившихся подчиненных, но все же смягчился и попытался лучше объяснить ситуацию.

— Эвелина, и принцы, и принцессы — лица, прежде всего, официальные, не свободные в своем выборе. Они обязаны жертвовать своими интересами и привязанностями ради интересов своего народа.

Когда родился Дэниэль, не было более подходящей невесты для него, чем принцесса Александрина. Их брак объединит два дружественных государства, сделав каждое из них сильнее. Поверь мне, это объединение имеет столь важное значение для нас, что на разницу в возрасте и увлечения Александрины вполне можно закрыть глаза.

Да, — герцог оживился, улыбка озарила его лицо, — вот оно, удачное решение проблемы! Кэтрин станет признанной фавориткой Дэниэля после его брака! Если Александрине разрешат встречи с ее возлюбленным Эвальдом, думаю, она не будет возражать против встреч принца и леди Брайтон.

Герцог торжествующе взглянул на Эвелину, а она, охваченная негодованием, совсем забыла о сдержанности:

— Как Вы могли, — возмущенно начала графиня, — как Вы могли, герцог Берштейн, даже в мыслях допустить такую подлость? Предложить юной неискушенной девушке роль придворной фаворитки?!

— Велли, — Эрнест понял, что немного перегнул и принялся исправлять ситуацию, — пойми, принц Дэниэль все равно не сможет жениться по собственному выбору, он обязан действовать в интересах короны.

— Ах, не сможет?! — Эвелина сердито смотрела на собеседника, ее глаза сверкали, щеки разгорелись. Эрнест невольно залюбовался девушкой, почти забыв о чем они говорили, но категоричное требование графини резко оборвало его мечтания: — Герцог Берштейн, я прошу Вас

не мешать этой паре и дать им возможность танцевать Лунный Вальс!

— Нет, Велли, — Эрнест ответил сухо и четко, обрывая последующие просьбы, — они не получают такую возможность. Более того, я сделаю все, чтобы они не встретились ни в ближайшие три дня, ни на самом Балу. Необходимо исключить любую случайность, которая поможет принцу найти Кэтрин и пригласить на Лунный Вальс.

Эвелина смотрела на герцога почти с ужасом. Она не узнавала своего недавнего веселого кавалера, его сменил жесткий неприступный первый министр, равнодушный к любым чувствам, если они не приносят пользы делу.

— Скажи мне, Эрнест, — тихо спросила девушка, — а если тебе, в интересах государства, прикажут жениться на совершенно чужой для тебя девушке? Что ты сделаешь тогда?

Герцог Берштейн чуть смутился, но тут же вернул себе невозмутимое выражение лица и, также сухо, как прежде, ответил:

— Сейчас речь не обо мне, Велли, поэтому твой вопрос неуместен.

— Ах, неуместен?! — Эвелина опять начала закипать, возмущенная тем, как ловко собеседник уклонился от ответа. — Тогда вот что я Вам скажу, герцог Берштейн! Я, графиня Роддерик, первая фрейлина в свите королевы, сделаю все, чтобы Дэниэль и Кэти танцевали Лунный Вальс и были счастливы вместе! Так что меняйте свои планы, господин первый министр, политически выгодного брака не будет!

Герцог от души расхохотался — так забавно выглядела сердитая маленькая графиня, когда угрожающе смотрела на него. И его смех оказался последней каплей, переполнившей сердце Эвелины. Она отвернулась и решительно направилась к выходу.

— Постой. Велли, — все еще смеясь, окликнул ее герцог, — мы не договорили...

— Мне не о чем с Вами говорить, господин первый министр! — заявила Эвелина, обернувшись. — Разве лишь о том, чтобы Вы прекратили называть меня Велли?

— Да! — графиня Роддерик удовлетворенно кивнула своим мыслям. — Будьте так любезны, герцог Берштейн, обращайтесь ко мне, как и положено обращаться к первой фрейлине королевы, без Ваших фамильярностей!

— Ах вот оно что, — герцог, иронизируя, склонил голову перед дамой и продолжил, — прошу простить Ваша Светлость, я забылся! Но должен Вас огорчить, досточтимая графиня, Ваше желание вряд ли сбудется! Менестрели женятся на маркизах, а бедные сиротки выходят замуж за принцев только в сказках. И то, если им удастся раздобыть себе крестную фею!

Эрнест, смеясь, подмигнул графине, и возмущенная девушка буквально взвилась от его довольного вида.

— Только в сказках, Вы говорите? Да и то, если найдется крестная фея?

— Вот именно, леди Роддерик!

— Так я заявляю Вам, герцог, что найду крестную фею и устрою счастье влюбленных, слышите?

— Вот как! И кого же Вы найдете на эту роль, графиня? Чтобы творить чудеса, крестная фея должна иметь магию, а у Вас, как известно, нет ни капли магических талантов, — герцог Берштейн насмешливо смотрел на девушку, уверенный в несокрушимости своих аргументов..

— Чтобы творить чудеса достаточно любящего сердца! И очень жаль, что Вам, герцог, такого сердца не досталось! — Эвелина развернулась, заканчивая разговор, но вспомнила и вновь обратилась к Эрнесту, спеша дополнить свои слова: — Вы спрашивали, кого я найду на роль крестной феи? Так вот Вам ответ, герцог Берштейн: крестной феей назначаю себя!

Графиня Роддерик решительным шагом уходила из библиотечного зала, не желая видеть умолкшего герцога Берштейна, не замечая тоски, затаившейся в его серых глазах. А в дальнем углу огромного зала, оставленные и забытые, умиralи лесные фиалки...

Глава 7

Следующее утро закружило Эвелину в таком бурном водовороте дел, что она не успевала вспомнить о Кэти и Дэниэле. А незадолго перед обедом первую фрейлину вызвала королева Амелия. Графиня Роддерик бежала к своей патронессе по извилистым дворцовым коридорам, и, неясная пока, тревога охватывала ее мысли.

В малом кабинете для личных приемов королева была не одна. За правым плечом Амелии стоял первый министр короля герцог Берштейн. Эвелина почувствовала на миг, как обидой защемило сердце. Она привычным придворным реверансом приветствовала королеву, легким, едва заметным — герцога и получила в ответ такой же легкий поклон. Серые глаза Эрнеста смотрели на нее холодно и равнодушно, словно не было вчерашнего ужина и милой дружеской беседы.

О ком пойдет речь графиня Роддерик догадалась сразу, а первые же слова королевы окончательно подтвердили ее догадку.

— Эвелина, дорогая, — Амелия говорила спокойно и благодушно, словно речь шла о самом незначительном вопросе, — гостей на Лунный Бал ожидается очень много, так что необходимо подготовить несколько гостевых комнат в старом крыле дворца.

— Непременно, Ваше Величество, — графиня легко ответила согласием, не придавая значения первой вступительной фразе, и с нарастающим беспокойством ждала продолжения разговора.

— Старшей камеристке поручено распорядиться работами в старом крыле, но я хочу отправить туда еще и одну из фрейлин. Выбери девушку потолковей, пусть она проследит за горничными — их нельзя надолго оставлять без присмотра.

— Непременно, Ваше Величество, — повторила графиня свой предыдущий ответ и продолжила, — я направлю туда Лисси, или Полетту, или...

— Нет, нет, Эвелина! — королева отрицательно качнула головой, а герцог насмешливо улыбнулся, не доверяя наивности первой фрейлины. — Направь туда Кэтрин Брайтон! Она толковая девушка и сделает все, как надо!

— Но, Ваше Величество, — Эвелина пыталась возразить королеве, с горечью понимая, что ее доводы приняты не будут, — Кэтрин совсем недавно появилась в Вашей свите! Ей всего 17 лет, девушка только из пансиона и не имеет опыта руководства горничными, тем более в таком ответственном деле!

— Значит, у девицы Брайтон появится новый бесценный опыт, разве это не замечательно. Ваше Величество? — герцог Берштейн обращался к королеве, но его глаза с холодным превосходством смотрели на Эвелину.

— Я тоже так считаю, герцог, — королева продолжала разговор в прежнем благодушном тоне, — Кэтрин пора начинать карьеру при дворе, Вы не согласны со мной, графиня?

— Да, и вот еще что, — быстро добавила Амелия, не дожидаясь ответа своей первой фрейлины, — пусть и для самой Кэтрин подготовят комнату в старом крыле на все три дня, оставшиеся до Бала! И на пару дней после Бала тоже!

— Но почему? — Эвелина была шокирована последним указанием королевы. Старое крыло было нежилым уже много лет, за исключением, разве что, таких неординарных событий, как проведение Лунного Бала: — У Кэтрин есть своя комната, и что мешает ей возвращаться туда вечером, после дневных забот в старом крыле?

— Дело в том, — скучающее лицо Амелии показывало, как неинтересно ей заниматься бытовыми мелочами, — что ее комната понадобится для фрейлин одной из наших гостей — принцессы Александрины.

— Ты же знаешь, дорогая, — мягко улыбнулась Амелия графине Роддерик, — что наши именитые гости приезжают со своей свитой, и эту свиту надо где-то разместить. Комната Кэтрин совсем рядом с апартаментами, которые подготовлены для принцессы Александрины. Будет очень удобно, если эту комнату временно займут ее фрейлины. А как только принцесса со своей свитой уедет, Кэтрин Брайтон сможет вернуться и вновь занять выделенное ей место.

Эвелина только усмехнулась, услышав от королевы недвусмысленный намек на "место", выделенное для Кэтрин Брайтон. Теперь у графини Роддерик не осталось ни малейших сомнений — Берштейн рассказал Их Величествам о увлечении Дэниэля юной фрейлиной. И напуганная королева принимала меры, чтобы сын не виделся с Кэти как можно дольше. А герцог лично контролировал происходящее, не доверяя отходчивому сердцу Амелии.

— Ваше Величество, — Эвелина была почти уверена, что сказанное сейчас ничего не изменит, но все же продолжала, — я прошу Вас пересмотреть свое решение и поручить присмотр за горничными другой фрейлине, более уверенной в себе. Старое крыло замка слишком темное и мрачное для такой впечатлительной девушки, как Кэтрин. В первую же ночь она напугается до полусмерти, и я не удивлюсь, если Кэтрин заболеет от испуга!

Показалось графине или нет, что удовлетворенная ухмылка мимолетно появилась на лице герцога и быстро исчезла? Она не успела ответить себе на этот вопрос, герцог Берштейн заговорил первым, сухо и бесстрастно отменяя все ее доводы.

— Девушке Брайтон нечего бояться, графиня, — Эрнест выглядел так равнодушно, словно речь шла не о юной девушке, а, например, о решении простой арифметической задачи, — в старое крыло будет переведена рота королевских гвардейцев под командованием капитана Отто Шенброка. Я уверен, что brave капитан с радостью вступится за юную фрейлину при малейшей опасности!

Графиня Роддерик была ошеломлена услышанным и не сразу нашлась с ответом. А герцог Берштейн безжалостно продолжал развивать тему:

— Вы не можете не помнить, графиня, что капитан Шенброк пришел к нам с просьбой, которая касалась именно девушки Брайтон.

— Вот как? — Амелия всерьез заинтересовалась сказанным и требовательно посмотрела на герцога.

— Ваше Величество, — Эрнест развернулся к королеве и коротко пояснил суть вопроса, — капитан Отто Шенброк пришел с просьбой отстранить его от дежурства в ночь Лунного Бала... А обосновал он свою просьбу тем, что влюблен в Кэтрин Брайтон и хотел бы танцевать с ней Лунный Вальс.

— Так это же замечательно! — радостно воскликнула Амелия. — Если капитан Шенброк влюблен в эту Брайтон, я не вижу никаких препятствий для их брака!

— Но препятствия увидел герцог Берштейн, — холодно заметила Эвелина, — он вспомнил, что в приданое леди Брайтон получает бывшие земли Шенброков, а также их родовой замок. И посчитал невозможным позволить сыну мятежника вернуться в родовое гнездо.

— Я пересмотрел свое решение, графиня Роддерик, — небрежно заявил Эрнест, — нет ничего проще, чем назначить в замке Шенброков королевского управляющего и запретить новым хозяевам вмешиваться в его решения. Тогда Отто Шенброк всего лишь будет жить в местах своей юности, а бразды правления, по-прежнему, останутся в руках короля.

— Я счастлива тем, как легко Вы решаете любые проблемы, герцог, — заявила королева, — надеюсь, просьба влюбленного капитана будет удовлетворена?

— Непременно, Ваше Величество, — герцог Берштейн, явно нарочно, повторил привычный ответ графини Роддерик, — капитан будет танцевать со своей возлюбленной фрейлиной на Лунном Балу!

— А уже на следующий день мы объявим их помолвку! — королева жизнерадостно подхватила слова герцога, и он подтвердил ее слова кивком головы.

— Но если чувства Кэтрин и Шенброка совсем не таковы, чтобы привлечь Лунный Цветок?

— А это уже неважно, графиня, — герцог Берштейн смотрел на Эвелину холодно и непреклонно, — важно, чтобы Кэтрин Брайтон не танцевала Лунный Вальс с кем-то другим, кроме Шенброка. Вы поняли мою мысль?

— О, да! — графиня Роддерик очень хорошо понимала, чего добивается герцог. Лунный Вальс можно станцевать лишь один раз в жизни, кому-то и вовсе не выпадает такая удача. И если принц не сможет пригласить Кэтрин — Лунный Цветок не откроет всему залу их чувства. А второго шанса им судьба не подарит: девушку выдадут замуж за нелюбимого, принц Дэниэль женится на политически выгодной невесте.

— Может Вы считаете капитана Шенброка неподходящей партией для фрейлины Брайтон? — Эрнест с насмешкой ждал ответа графини, не предполагая, каким он будет.

— Вне всякого сомнения, герцог, выбранный Вами жених составит замечательную партию для любой фрейлины. Но Вы уверены, что Отто Шенброк готов будет жениться на юной девушке, которая проведет несколько ночей в заброшенной части дворца? Зная, что, в нарушение всех правил, рядом с ней не было ни подруг, ни компаньонки, никого, кроме роты brave гвардейцев неподалеку?

Герцог чуть не поперхнулся, услышав такой неожиданный довод, а Эвелина придала лицу наивное выражение и кокетливо захлопала ресницами, мило улыбаясь своему визави.

— Ах, как же я не подумала, что может так неловко выйти?! — королева попалась на удочку легко — она всегда строго следила за юными фрейлинами и соблюдением правил.

— Да, Ваше Величество, очень неловко, — тут же согласилась с ней графиня Роддерик.

— Но как теперь быть? Я уже приказала фрейлине Лейзон освободить комнату Кэтрин и подготовить к приезду гостей.

— Понимаю, Ваше Величество, — графиня склонила голову, скрывая свое возмущение, — позвольте, я распоряжусь перенести вещи Брайтон в свои комнаты. Те несколько дней, пока в замке будут гости, мы прекрасно уживемся с ней вдвоем.

— Правда, Эвелина, ты пойдешь на это? — Амелия явно обрадовалась щедрому предложению графини. — Дорогая, ты меня очень обяжешь! Да, мы хотели на время устранить девушку, не дать ей возможности...

— Ваше Величество! — строгий голос герцога Берштейна прервал слова королевы, и она, недовольно покосившись на первого министра, заговорила уже совсем другим тоном.

— Графиня Роддерик, я весьма признательна Вам! Вы не дали совершить ошибку и бросить тень на репутацию девушки! Но, чтобы то ни было, Кэтрин Брайтон должна весь день проводить в старом крыле замка и появляться в своей половине только поздно вечером! Вы поняли меня?

— Несомненно, Ваше Величество! — Эвелина присела в легком реверансе. — Я сама прослежу, чтобы Кэтрин бралась за дело с раннего утра и возвращалась уже после ужина!

— А я прослежу, чтобы Вы не забывали выполнять свое обещание, графиня! — легкая угроза прозвучала в словах Эрнеста.

— О, я не забываю своих обещаний, герцог Берштейн! — Эвелина улыбнулась герцогу лучшей из своих придворных улыбок и обратилась к Ее Величеству,

— Вы позволите мне уйти, чтобы дать необходимые распоряжения, или я еще нужна Вам?

— Идите, графиня, — милостиво кивнула Амелия, — я рада, что Вы, как всегда, нашли наилучшее решение проблемы. А Вы, герцог? У Вас остались еще вопросы, требующие моего участия?

— Вопросы решены Ваше Величество, и очень надеюсь, что решены удачно. Не смею больше отнимать Ваше драгоценное время, — Берштейн поцеловал руку королеве, прощаясь, и отправился к выходу, успев еще и открыть дверь перед графиней Роддерик.

— Брось свою затею, Велли, — сказал Эрнест напоследок, когда за ними закрылась дверь королевского кабинета, — все равно у тебя ничего не выйдет!

— Графиня Роддерик, Эрнест, слышишь? Для тебя я первая фрейлина королевы, графиня Роддерик! Отныне и навсегда! И, будь любезен, на Вы!

Выпалив все это герцогу, Эвелина развернулась и почти побежала к комнатам фрейлин: надо было уgomонить девушек, несомненно, возбужденных выселением Кэтрин, и успокоить саму Кэти.

Глава 8

Шум и гомон девичьих голосов графиня Роддерик услышала еще на подходе к апартаментам фрейлин, а, подойдя ближе, смогла разобрать и обрывки фраз. Переселение Кэтрин бурно обсуждалось, и по словам, типа: "конечно, кто бы ей позволил..", "давно пора поставить на место...", "что только в ней хорошего..." — Эвелина поняла, что девушки в курсе последних сплетен и угадывают причину случившегося.

Первая фрейлина сердито нахмурилась, ускорила шаг и вихрем влетела в стайку сплетничающих девушек. Ей хватило нескольких секунд, чтобы окинуть взглядом оживленные лица молодых фрейлин, оценить скорбно поджатые губы Мышильды, заметить заплаканные глаза Кэтрин.

— Что здесь происходит? — графиня Роддерик обратилась в камер-фрейлине Лейзон с такими грозowymi интонациями в голосе, что девушки мгновенно притихли. — Почему здесь собрались все фрейлины королевы? А Вы, Матильда? Какое событие заставило вас забыть о своих обязанностях следить за порядком и стоять здесь, наравне со всеми прислушиваясь к сплетням?

Оскорбленная в лучших чувствах Мышильда придала лицу совсем уж скорбное выражение и, горестно вздыхая, пояснила:

— В связи с приездом гостей, фрейлину Брайтон временно переводят в старое крыло замка, вот мы с девушками и собрались здесь, чтобы подбодрить нашу Кэти.

— Вот как? Собрались подбодрить и довели Кэти до слез? — Эвелина сердито оглядела затихших фрейлин и продолжила, обращаясь непосредственно к Матильде. — Камер-фрейлина Лейзон, Вы действительно полагаете, что принцесса Александрина привезет с собой не более одной-двух фрейлин и всей ее свите хватит комнаты Кэтрин Брайтон?

Камер-фрейлина удивленно взглянула на графиню — Мышильде и в голову не приходило задуматься о количестве человек в свите принцессы. Недалекая Лисси хихикнула над растерянностью Лейзон, но ее, более догадливые, подруги немедленно насторожились, понимая, что сегодня неприятности для них только начинаются.

— Для свиты Александрины понадобится не менее трех комнат, неужели Вы сами этого не поняли? — графиня Роддерик обращалась к камер-фрейлине, не забывая строго поглядывать на других девушек. — Освободите комнаты Клози и Полетты, они совсем рядом с апартаментами, подготовленными для принцессы Дарнии.

— Но, графиня... — попыталась было что-то сказать бойкая Клози. Попытка не удалась, Эвелина резко прервала ее и обратилась к присутствовавшей здесь старшей камеристке Эмме Жернет, управляющей горничными королевского замка.

— Эмма, отправьте горничных освободить комнаты Клози и Полетты. Вещи Полетты временно перенесите к Лисси — придется им потесниться в одной комнате. А вещи Клози перенесите в комнаты камер-фрейлины Лейзон. Придется Вам уступить одну из своих комнат, Матильда, на несколько дней, до отъезда гостей, — жестким тоном пояснила графиня Роддерик, пресекая взрыв возмущения со стороны Мышильды.

— А почему меня к Мы... к Матильде?! — вопль души, вырвавшийся у Клози, был таким искренним, что Эвелина невольно улыбнулась и ответила девушке более мягким тоном:

— Потому что у тебя самый бойкий характер, Клози, и ты точно выдержишь несколько дней рядом с Матильдой Лейзон.

Молодые фрейлины дружно рассмеялись, Лейзон негодуя фыркнула, порываясь что-то сказать, но ее опять прервали, теперь уже старшая камеристка.

— А что с фрейлиной Брайтон, сударыня, — спросила Эмма Жернет, обращаясь к Эвелине, — ее вещи куда переносить?

— А Кэтрин Брайтон на несколько дней переедет ко мне, — с напускной суровостью глядя на Кэти, ответила Эвелина, — перенесите ее вещи в свободную комнату. Эмма, ты знаешь, о какой комнате я говорю.

Эмма Жернет согласно кивнула — она поняла, что речь идет о комнате, пустовавшей уже несколько лет, той самой, что когда-то занимал граф Северин Роддерик.

— Я немедленно отправлю туда горничных — убрать, а другие девушки начнут освобождать комнаты фрейлин и переносить их вещи.

Эвелина кивнула, соглашаясь с планом действий, предложенном старшей камеристкой.

Кэтрин, донельзя обрадованная, что ей не надо будет перебираться в старое крыло, бросилась к первой фрейлине, пытаясь высказать ей свою благодарность, но графиня Роддерик придержалась ее порыв.

— Не стоит благодарности, Кэти, тебе, как и всем остальным девушкам, предстоит много работы по подготовке к Балу. И хороший отдых после тяжелого дня просто необходим, если ты собираешься блистать на Балу!

Кэти зарделась, смущенная тем, что ее заподозрили в желании блистать, девушки негодуяще переглядывались, возмущенные тем, что белокурой "выскочке" уделяется слишком много внимания. А Мышильда расцвела довольством — она так вовремя вспомнила о поручении, данном Кэтрин.

— Графиня, но Вы, конечно, поставлены в известность, что Ее Величество поручила фрейлине Брайтон лично проследить за подготовкой апартаментов для гостей в старом крыле замка, — Лейзон сказала эту фразу томным елейным голоском, как бы напоминая. Но ее взгляд сверкал торжеством отомщенной справедливости.

Эвелина усмехнулась про себя — ей давно были известны все уловки камер-фрейлины — и, не задумываясь, нанесла ответный удар.

— Вы, как всегда, не даете забыть о самых важных поручениях, Матильда, — графиня Роддерик обращалась к фрейлине Лейзон самым благожелательным тоном, — полагаю, у Вас уже есть список гостей, которых будут заселять в старое крыло?

— Но я... — Лейзон удивленно захлопала глазами, вопрос первой фрейлины прозвучал слишком неожиданно для нее.

— Ну как же, дорогая моя, — Эвелина подняла брови, показывая свое недоумение, — согласно нашей с вами договоренности обращаться к главному церемониймейстеру могут только первая фрейлина или камер-фрейлина, но никак не простые фрейлины. А расселение гостей утверждает именно он. наш бесценный Валент Лавье и никто другой!

Графиня Роддерик почти нежно улыбнулась Матильде Лейзон, словно не замечая кислого выражения ее лица, а девушки весело захихикали в кулачки. Дело в том, что выдержать общение с главным королевским церемониймейстером Валентом Лавье могли только самые опытные фрейлины, закаленные дворцовой жизнью. Все остальные почти сразу засыпали под монотонный голос, нудно перечисляющий заслуги каждого рода, порядок рассаживания за столом, нюансы дворцового этикета и многое другое. Старик Лавье был кладезем знаний, но у молодых фрейлин почти никогда не хватало сил дожидаться конкретного ответа на свой вопрос. Поэтому и было принято решение, что по вопросам, касающимся этикета, геральдики, церемониала, с Валентом Лавье будут общаться либо первая фрейлина, либо камер-фрейлина. И чаще всего честь такого общения выпадала на долю Матильды Лейзон, у графини Роддерик всегда находились более срочные и неотложные дела.

Вот и сейчас, Эвелина, не принимая возражений, отправила Матильду к церемониймейстеру с наказом получить от него полный список гостей, для которых надо подготовить комнаты в старой части замка. Попытки увильнуть от поручения успеха не имели — Мышильде позволено было только показать комнату, в которую переедет Клози, а после этого Эвелина немедленно отправила ее на поиски Лавье. В последние дни перед Балом неугомонного старика еще надо было поймать, прежде чем задать вопрос. Главный церемониймейстер волновался едва ли не больше всех и неустанно обходил замок, отслеживая малейшее нарушение установленных правил приема и расселения гостей.

— Девушки, вы немедленно отправитесь на помощь Эмме и ее горничным, — скомандовала графиня Роддерик остальным фрейлинам, — надо собрать букеты, расставить их в вазах, убедиться, что гостевые комнаты выглядят достойными своих постояльцев.

Эмма Жернет негодуяще хмыкнула — она терпеть не могла, когда ее работу проверяли девчонки, но Эвелина ласково улыбнулась старшей камеристке, глазами давая понять, что просит ее не вмешиваться. Сообразительная камеристка примолкла, терпеливо дожидаясь, пока уйдет Матильда Лейзон, и девушки разбегутся по тому крылу замка, где все уже было готово к приезду гостей.

Когда в коридоре остались только Кэтрин и Эмма, графиня Роддерик, облегченно вздохнув, пригласила их к себе. Она поймала одну из горничных, убравших сейчас бывшую комнату Северина, и попросила принести чай в комнату, где обычно принимала гостей. Дождавшись, когда расторопная девушка накроет стол и уйдет, Эвелина приступила к разговору. Ей важно было сделать Эмму своим союзником. Пожилая добродушная женщина работала в королевском замке много лет, начала когда-то с должности младшей горничной и поднялась до старшей камеристки. Работу свою Эмма Жернет выполняла честно и ответственно, но главным ее качеством, особо

ценным в глазах Эвелины, было умение хранить тайны и не разносить сплетен. Поэтому графиня Роддерик решила довериться Эмме — она не могла оставить Кэтрин одну рядом с настойчивым капитаном Шенброком, а покровительство старшей камеристки на те дни, что фрейлина Брайтон проведет в старом крыле, было бы лучшей защитой для девушки.

— Кэти, — графиня Роддерик ласково улыбнулась белокурой фрейлине, смотревшей на нее восторженными глазами, — тебе не придется переселяться на ночь в старую часть замка, но дни до Бала ты должна будешь проводить там, никуда не отлучаясь. Таково распоряжение королевы!

Последнюю фразу Эвелина произнесла чуть громче, пресекая попытку Эммы вступить в разговор. Старшая камеристка понятиливо примолкла, ожидая, что последует в продолжении начатого разговора..

— Там же будет присутствовать рота королевских гвардейцев под командованием капитана Отто Шенброка.

Кэтрин пока еще недоумевала, зачем ей так подробно все объясняют, а Эмма Жернет уже покачала головой, выказывая свое недовольство. Она была много опытней юной фрейлины и одной только фразы Эмме хватило, чтобы сопоставить известные ей факты и сделать выводы.

— Капитан Шенброк просил твоей руки, Кэти, и королева не склонна отказать ему в этой просьбе, — Эвелина, наконец, собралась с духом, чтобы обрисовать ситуацию предельно ясно. Кэтрин ахнула, испуганно глядя на графиню, а Эмма негодуяще фыркнула.

— Не слишком ли хороша девочка для такого мужлана, как Шенброк? — возмущенно заявила камеристка.

Эвелина согласно кивнула:

— Ты права, Эмма, капитану Шенброку больше подошла бы крепкая сильная северянка, а не наша хрупкая Кэти. Неволить тебя никто не будет, — добавила она, обращаясь к Кэтрин, пытавшейся сейчас что-то вымолвить в свою защиту, — но капитан серьезно настроен завоевать тебя. Думаю, он воспользуется такой возможностью, когда ты будешь рядом с ним в старой части замка.

— Вот уж за это, сударыня, не переживайте! — решительно высказалась Эмма. — Не дам я этому мужлану такой возможности, ни на шаг девочку одну не отпущу!

— Но я не хочу, не хочу замуж за капитана Шенброка, он мне совсем не нравится! — Кэти, наконец, справилась с волнением и ее звонкий голосок зазвучал решительно и уверенно. — Графиня Роддерик, разве я не могу отказать человеку, которого совсем не знаю и не люблю?

— Конечно, можешь, Кэти, — ласково ответила ей Эвелина, — но, боюсь, капитан Шенброк из тех упрямцев, кого невозможно убедить словами.

— Значит, убедим делом! — решительно заявила Эмма Жерден, сжав в кулак крепкую сильную руку. — Не волнуйся, девонька, и Вы, сударыня, — не допущу я, чтобы они наедине оставались. Если не сама рядом буду, то всегда горничным прикажу, чтобы ни на шаг не отходили.

— Вот и хорошо, — графиня Роддерик облегченно выдохнула, — я знала, Эмма, что на тебя можно положиться.

А Кэти молча схватила руку камеристки, все еще сжатую в грозный кулак, и поцеловала. Растроганная Жернет обняла белокурую голову девушки и с улыбкой в голосе спросила:

— А ведь есть уже у тебя кто-то на сердце, так, девонька? Потому и капитан этот совсем не мил.

Смущенная Кэтрин промолчала и уткнулась носом в плечо своей заступницы, пряча от нее покрасневшие щеки, Эмма и Эвелина понимающе переглянулись, и графиня Роддерик объявила совсем уже другим тоном:

— Сегодняшний день у тебя свободен, Кэти. Пока камер-фрейлина Лейзон найдет Валента Лавье, пока сумеет отвлечь его от важных дел по подготовке Бала, пока добьется от него списка гостей для заселения в старое крыло и выслушает все указания по тому, как обставить их комнаты...

— Да что там выслушивать! — весело сказала Эмма Жернет — Вот уж невелика премудрость! Каждый раз, когда в королевском замке большой праздник, в новом крыле комнат для всех гостей не хватает. Так в старое завсегда заселяют старых дев, да пожилых родственниц, чтобы молодым веселье не портили! Уж который год я им комнаты там готовлю, так что все обставим как должно, тут и думать не о чем!

Эвелина улыбнулась, вспомнив купца Крейстона с его тещей и "стол для кумушек" на предстоящем

Балу.

— Вот что, Эмма, надо бы им там ломберный столик поставить, — предложила она старшей камеристке. Та понимающе усмехнулась.

— Да уж ставим, сударыня, и не один. И чашу для пунша, и для грога, и бар крепкими напитками заполняем! — Эмма весело подмигнула недоумевающей Кэтрин. — Это в ваши годы вином можно баловаться, а старые косточки надо чем покрепче прогреть!

Старшая камеристка добродушно рассмеялась своим же словам, и Эвелина с Кэти не могли не улыбнуться — так заразителен был оптимистичный настрой неунывающей госпожи Жернет.

— Я полагаюсь на Вас, Эмма, и на Ваш бесценный опыт в приеме гостей. А ты, Кэти, считай, что тебе очень повезло поработать вместе с нашей старшей камеристкой. Умение принимать гостей — самых привередливых и придирчивых — тебе обязательно пригодится, и не раз.

Кэти Брайтон кивнула в знак согласия, а доброе лицо Эммы озарила светлая улыбка.

— Вы, вот что, сударыня, — обратилась она к графине, — пока сегодня время есть, отправляйтесь-ка в город. Вам, верно, и платье к Балу шьют — примерить надо, и мелочи всякие — вроде перчаток, сумочек — надо к платью подобрать.

— Ах да, платье! — графиня Роддерик досадливо прикусила нижнюю губу, она вспомнила о своем опрометчивом обещании герцогу Берштейну насчет цвета бального платья. — Я еще не заказывала платье, Эмма. И даже не знаю — успеют ли его пошить в последние дни перед Балом.

— Так Вы езжайте и узнайте, — рассудительно заметила камеристка, — и девочку с собой возьмите: в старом крыле ей сегодня делать нечего, а в замке торчать тоже ни к чему. Увидит кто, доложит королеве, Вам и неприятность будет.

— Ты права, Эмма, — решительно заявила Эвелина, — надо ехать в город и узнавать все на месте. Кэти, ты едешь со мной! Твое платье уже готово?

— Нет, графиня Роддерик, оно только шьется.

— Вот как? Только шьется, когда до Бала осталась пара дней? Ну что ж, заодно и посмотрим, как шьют твоё платье! Иди к себе, Кэти, твои вещи уже перенесли и собирайся — мы едем в город!

С этими словами, вызвавшими полное одобрение Эммы, графиня Роддерик поднялась из-за стола и подняла Кэтрин. Надо было успеть в город в первой половине дня — так оставалась хоть небольшая надежда заказать пошив нового платья, а не переделку готового, купленного в торговой лавке.

Глава 9

Небольшой фаэтон с трудом пробирался среди карет и повозок, заполонивших улицы Арма — столицы Армании. Только мастерство опытного кучера спасало легкую двухместную повозку от столкновения, а пассажиров от падения. И все же девушкам приходилось нелегко, так что, добравшись до главной площади, где располагалась лучшая модельная мастерская Арма "Ателье мадам Лилье", Эвелина с облегчением выдохнула и приказала остановиться.

— Дальше мы пройдем сами, Пьер. Подъедешь сюда же, к центральной площади, примерно в десять вечера — мы как раз успеем обойти лавки и мастерские и будем ужинать в "Веселой утке". Там нас и заберешь.

Немолодой уже возчик вздохнул с явным облегчением — ему совсем не хотелось пробираться сквозь толчею и сутолоку, царившую сейчас на главной площади Арма. Графиня Роддерик, при поддержке Пьера, легко соскочила на землю, а вот Кэти не сразу решилась выйти из фаэтона. Ее пугала большая и шумная толпа прохожих и необходимость пройти через эту толпу. Да и решительность графини, собиравшейся лично проверить, какое бальное платье шьют для фрейлины Брайтон, тоже немного пугала.

— Ну, Кэти, скорей! — Эвелина от нетерпения даже чуть притопнула ножкой в новой черной туфельке. — Довольно всего бояться, всю жизнь за занавеской не просидишь!

Кэтрин вспыхнула от таких резких слов и, не менее решительно, чем графиня Роддерик, спрыгнула на мостовую Арма. Повозка развернулась, чтобы отъехать в более спокойное местечко, где кучер мог бы перекусить и подремать до назначенного времени, а девушки отправились напрямик в мастерскую мадам Лилье. Именно там, у лучшей модистки Армании, были заказаны бальные платья для королевы и ее воспитанниц, а значит, и для Кэтрин. А еще Эвелина питала слабую надежду, что ее давняя приятельница Сесиль Лилье найдет возможность сшить за два дня бальное платье для первой фрейлины. "Интересно, что она скажет, когда узнает о бальном платье не черного цвета?"

Колокольчик нежным перезвоном известил о новых посетительницах, и девушки, увидев, кто к ним пришел, немедленно послали за мадам — первую фрейлину королевы принимали здесь по высшему разряду. Сесиль Лилье не заставила себя долго ждать. Эвелина и Кэтрин только успели расположиться в удобных креслах, как появилась маленькая энергичная хозяйка ателье. Веселые рыжие кудряшки подпрыгивали в такт быстрым шагам и бойкой речи хозяйки. Мадам Лилье вышла в приемную, провожая другую посетительницу, не менее важную, чем первая фрейлина королевы, и, уж конечно, гораздо более богатую.

— Леди Эмеринг, я рада, что мы пришли к соглашению по деталям фасона платья, — Сесиль Лилье обращалась к прекрасной Оливии без всякого подбострания, с достоинством мастерицы, знающей цену себе и своим творениям.

— Надеюсь, вы уложитесь в сроки, готовое платье должны доставить мне домой не позднее, чем утром, в день Бала, — Оливия сияла красотой и очарованием настолько, что Кэтрин, стоявшая за спиной Эвелины, вздохнула едва слышно, восхищаясь природным обаянием актрисы.

— Даже не сомневайтесь, леди, наша фирма никогда не подводит и не берет на себя невыполнимых обещаний, — Сесиль повернула голову и увидела Эвелину с ее спутницей. Светскую улыбку на лице мастерицы тут же сменила искренняя улыбка человека, радующегося приходу приятного гостя.

— Графиня, сколько лет, сколько зим! Что случилось, моя дорогая, что ты, наконец, выбралась ко мне? — мадам Лилье от души обняла приятельницу, с удовольствием отмечая ответную радость в сияющих зеленых глазах.

— Разве ты не в курсе, что случилось, Сеси? — чуть ворчливо заметила Эвелина — Случился Лунный Бал, вот уж не думала, что ты о нем не знаешь.

— А ты все такая же, — весело смеясь, заметила модистка, — спуску никому не даешь, на твой язычок по-прежнему лучше не попадаться.

Графиня только собралась ответить подруге, как вдруг леди Эмеринг посчитала возможным вмешаться в их разговор:

— Счастлива видеть вас, графиня, — Оливия церемонно склонила голову и Эвелина ответила ей тем же, — а кто ваша спутница? Представьте мне юную леди, графиня.

— Кэтрин Брайтон, фрейлина и воспитанница королевы Амалии.

Леди Эмеринг с нескрываемым интересом оглядела девушку, чем заставила ее немало смутиться, а графиня Роддерик поспешно сменила тему разговора.

— Заказали у мадам Лилье бальное платье, леди Эмеринг? — вежливость и манеры Эвелины были безупречны, вот только Сесиль с любопытством взглянула на приятельницу, не узнавая ее под маской светской львицы.

— О, да! — Оливия сияла искренней радушной улыбкой, словно не замечая холодных ноток в голосе собеседницы. — Мадам — лучшая модистка Армании, да и в Дарнии, думаю, не найдется мастериц, подобных ей!

Сесиль весело улыбнулась, с удовольствием принимая комплимент.

— А мне просто необходимо выглядеть безупречно на своем дебюте! Ах, я несколько лет не пела на сцене, и предстоящее выступление на Лунном Балу воспринимаю как дебют после долгого перерыва! Я так волнуюсь, дорогая графиня, как будто мне предстоит выступить на публике впервые в жизни!

— А, так значит, вопрос с Вашим выступлением уже дело решенное? — Эвелина не сумела скрыть удивления — обычно подписи короля приходилось ждать несколько дней, и только в особо срочных случаях несколько часов.

— Герцог Берштейн оказался весьма расторопен, графиня Роддерик, да, впрочем, он и всегда был таким, — Оливия лукаво улыбнулась, словно что-то вспомнив. — Приглашение выступить на Лунном Балу пришло сегодня утром и было заверено подписью короля. Так что моим дражайшим родственникам ничего не оставалось, как выразить свое согласие, и вот я здесь, у драгоценной Лилье!

— Да, Эвелина, все так и есть, — Сесиль на правах старой приятельницы запросто обращалась к первой фрейлине, — мы успели обсудить с леди Эмеринг ткань и фасон бального платья, что должно быть готово послезавтра. Сроки поджимают, но мои мастерицы должны уложиться.

— Вот как... — расстроено проговорила графиня Роддерик, — значит, мне придется искать другую модистку, вряд ли ты возьмешься сшить еще одно платье к Балу?

— Эвелина, — Сесиль была расстроена даже больше своей подруги, — ты же знаешь, что я с удовольствием шью для тебя, но успеть еще одно платье к Балу!.. Боюсь, что это невозможно!

— А разве у Вас до сих пор нет платья? — Оливия не скрывала своего изумления. — Но как же так, графиня? В отличие от меня, Вы давно уже знали, что должны будете присутствовать на торжестве!

— Мадам, но у нас есть одно готовое бальное платье, которое мы тогли бы переделать для графини, — робко вмешалась одна из девушек Сесиль Лилье, — помните, такое великолепное из хакардийского шелка "черного огня"?

— Хакардийский шелк "черного огня"? Тот самый, что отливает пламенем, когда на него падает свет Трех Лун, а при любом другом освещении выглядит просто черным? Неужели у вас в мастерской есть подобное чудо? Тогда сшейте мне платье именно из этого шелка. и я удвою согласованную цену! — глаза Оливии горели воодушевлением, не было никаких сомнений, что актриса серьезно настроена заполнить желаемое.

Но мадам Лилье лишь с сожалением покачала головой:

— Должна огорчить Вас, леди, мы покупаем шелк "черного огня" только под заказ, он очень дорог, чтобы держать отрез на складе, в надежде на богатую клиентку. Вот и этот кусок был заказан три месяца назад специально для одной знатной дамы. Она собиралась произвести впечатление на Лунном Балу, но ее супруг проигрался, дама не смогла оплатить заказ и готовое платье осталось в мастерской. Шелк "черного огня" полностью израсходован, а новый заказ на этот материал будет выполнен не ранее, чем через месяц.

— Эвелин, но если ты согласна на переделку уже готового, мы успеваем к Лунному Балу! — воодушевленная Сесиль внимательно рассматривала фигуру приятельницы, — Пожалуй, платье будет немного длинным для тебя, чуть больше в груди и в талии, но все эти недостатки мы легко исправим! И ты будешь на Лунном Балу в самом шикарном черном платье, какое только можно представить!

Графиня Роддерик поморщилась, очень уж не хотелось отказывать подруге, да еще и объяснять причину своего отказа при Оливии, но бесхитростная Кэтрин опередила ее.

— Графиня Роддерик дала обещание, что придет на Лунный Бал не в черном платье, — девушка бойко сообщила это сногшибательное известие, и тут же смутилась от всеобщего изумленного внимания, причем больше всех была поражена графиня Роддерик.

— Кэти, но откуда? Откуда тебе известно о моем обещании?

Смущенная Кэтрин, путаясь и сбиваясь, пояснила, что ей и другим девушкам про обещание графини сказала Клози, а Клози узнала от одной горничной, а откуда узнала горничная, ей, Кэти, неизвестно, но все девушки уверены, что так оно и есть.

Внимательно слушавшая Оливия рассмеялась так весело и заразительно, что ее смех подхватили и Сесиль, и Кэтрин, и девушки-модистки. Эвелине ничего не оставалось, как улыбнуться вместе со всеми и пошутить на тему, как быстро разлетаются сплетни во дворце.

— Ну что ж, графиня, раз Вы начали разбрасываться столь опрометчивыми обещаниями, другого выхода нет, — заявила леди Эмеринг, отсмеявшись, — вам придется шить себе новое бальное платье, и оно точно не должно быть черным. А что касается готового платья, о котором только что шла речь... Мадам Лилье, Вы смогли бы переделать платье "черного огня" на мою фигуру?

— Пожалуй, на Вас и переделывать почти не придется, — Сесиль Лилье внимательно оглядела леди Эмеринг, — платье как будто на Вас сшито. Надо примерить, конечно, но я и сейчас вижу, что если придется переделывать, то самую малость.

— Отлично, мадам, — весело заявила Оливия, — тогда начнем примерку, и если все пройдет удачно, я буду выступать на Лунном Балу в платье "черного огня". Да, а почему Вы сразу не предложили мне это платье?

— О, леди Эмеринг, — Сесиль Лилье даже чуть смутилась от такого вопроса, — я и подумать не могла, что столь богатая и знатная дама, как Вы, согласится на готовое платье, сшитое совсем для другой клиентки.

— Вот уж пустяки! — Оливия легко отмахнулась от доводов модистки. — Кто ее видел в этом платье, кроме Вас и Ваших мастериц?

Мадам Лилье согласно кивнула, подтверждая, слова клиентки. А Оливия подхватила ее под руку и, почти умоляюще проговорила:

— Мадам Лилье, Вы же не откажете мне в просьбе немедленно померить это платье? А Вы, графиня, — прекрасная леди Эмеринг обратилась к Эвелине, — Вы подождете, пока мадам еще немного времени займется со мной? Совсем немного, уверяю Вас! Но если платье придется мне впору и фасон меня устроит, я перенесу сроки сегодняшнего заказа, и мадам Лилье успеет сшить для Вас платье к Лунному Балу!

— Как же замечательно все складывается! — Сесиль не скрывала своей искренней радости, — Нашими силами сшить два платья за два дня до Бала никак невозможно, но с одним мы вполне справимся, так, девушки?

Девушки дружно кивнули и все в мастерской, включая Кэтрин, смолкли, выжидательно глядя на графиню Роддерик. Эвелина прекрасно понимала, что ей следует улыбнуться и поблагодарить леди Эмеринг за ее великодушие, но никак не могла заставить себя это сделать. Сердце графини сжималось от непонятной боли, когда она представляла блистающую на Балу Оливию Эмеринг — Олли Терн, как называл ее Эрнест — и рядом... И рядом с ослепительно прекрасной актрисой в платье из черного шелка, вспыхивающего вдруг языками пламени, высокую подтянутую мужскую фигуру в жемчужно-сером костюме.

Глава 10

— Эвелина, почему ты молчишь? — бойкая подвижная Сесиль не выдержала первой и принялась тормошить задумавшуюся подругу. — Ты передумала шить платье не черного цвета?

— Нет, Сеси, — Эвелина с трудом оторвалась от своих невеселых мыслей и вернулась в реальность, — я и не могу передумать. Я обещала и выполню свое обещание!

— Хотела бы я знать, кто добился от тебя такого замечательного обещания? — в глазах Сесиль Лилье сияло искреннее детское любопытство, и графиня Роддерик, не выдержав, рассмеялась. Необидчивая Сесиль сама присоединилась к ее смеху, а, отсмеявшись, предложила Эвелине альбом с образцами тканей, чтобы она выбрала материал для бального платья, пока хозяйка ателье будет занята с леди Эмеринг.

Эвелина согласно взяла альбом и почти сразу удивилась самой себе — оказывается, она так давно носила платья черного цвета, что почти забыла, как может выглядеть в обрамлении других красок.

— Вероятно, вы остановитесь на зеленом, не так ли, графиня? — своим прекрасным глубоким голосом произнесла Оливия, решившая вдруг немного отложить примерку вожаденного платья и понаблюдать за тем, как графиня выбирает цвет ткани.

— Почему Вы так решили? — Эвелина немедленно вспыхнула: она и сама подумывала о зеленом, но теперь уже не хотела выбирать цвет по подсказке леди Эмеринг.

— Зеленый цвет несомненно подойдет Вам — он очень удачно сочетается с цветом Ваших глаз, — убежденно произнесла Оливия, казалось, не замечая недоброжелательного отношения графини Роддерик, — Да и королева Амалия, как известно, будет в зеленом, а Вы — первая фрейлина королевы.

— Но это не значит, что я — королевская тень! — Эвелина почувствовала, как нарастает ее возмущение. — Не думаю, что Ее Величество обрадует присутствие рядом дамы в платье того же цвета, что у нее!

— Но какое тогда? — удивленно спросила Сесиль. — Не сиреневое же, как у всех влюбленных в принца фрейлин?

Девушки-модистки захихикали, а Кэтрин в который раз покраснела и поспешила отвернуться, пока ее смущение не заметили. Эвелина задумалась: Лунный Бал был особенным еще и в выборе цвета нарядов. Традиционно придворные дамы и кавалеры выбирали себе наряд в цветах одной из трех Лун — золотистых, зеленых или сиреневых. Исключение делалось в случаях, подобных случаю леди Эмеринг и для гостей Бала.

— Я буду в золотом! — быстро заявила Эвелина, не давая себе времени передумать. — Да, именно так! В бело-золотом платье, цвета Астрим!

— Отличный выбор! Уверена, что Вам очень пойдет такое платье! — в голосе леди Эмеринг звучало одобрение и...удовлетворение? Или графине Роддерик так только показалось из-за ее предвзятого отношения к Оливии?

— Я согласна с леди Эмеринг, выбор цвета очень удачный, — Сесиль Лилье ободряюще улыбнулась подруге, — выбирай себе ткань, дорогая, а я покажу леди платье "черного огня". Как только мы все примерим и обсудим, я полностью твоя, Эвелина! Мы выберем тебе такой фасон платья, которому позавидуют все дамы во всех королевствах!

И маленькая модистка, весело подмигнув подруге, кивнула Оливии, приглашая ее за собой. Вместе с ними ушли несколько девушек, чтобы помочь в примерке, с Эвелиной и Кэтрин осталась только Марта Рейн, старшая помощница мадам Лилье.

— Взгляните, Ваше сиятельство, прошу Вас, — Марта разложила перед графиней альбомы с образцами бело-золотых тканей, — вот чудесный белый атлас, расшитый золотыми узорами, он может подойти для корсажа платья. Есть бархат в бело-золотых тонах — можно сшить вечернее платье из бархата...

Эвелина слушала и не слышала, рассеянно скользя взглядом по тканям, но ни на одной долго не задерживаясь. Она пыталась уловить совсем другие звуки и досадливо морщилась, когда восторженные возгласы Кэтрин, раздающиеся при виде очередного шедевра ткацкого искусства, перекрывали доносящиеся сюда голоса из примерочной. Голоса Оливии, в котором Эвелина слышала удовлетворенное самолюбование, и модисток, выражающих свое восхищение прекрасной клиенткой. Наконец, счастливая Оливия выпорхнула из глубин ателье и радостно сообщила всем, кто был в приемной:

— Платье просто великолепно — и по силуэту, и по отделке! И село почти сразу, как влитое! Я счастлива, графиня, Вы уже второй раз приносите мне удачу! Вчера так быстро отозвались на мою просьбу, а сегодня, только благодаря Вам, я узнала о платье "черного огня" и теперь появлюсь в нем на Лунном Балу!

Эвелина едва смогла скрыть свое негодование — уж кому она не собиралась приносить удачу, так это леди Эмеринг! А веселая возбужденная Оливия, как и прежде, как бы не замечая настроения собеседницы, обратила внимание на альбом с тканями и показала на образец, лежавший сейчас перед графиней:

— Чудесная ткань, не правда ли? Я совсем недавно обновляла будуар, знаете, захотелось сменить прежнюю обстановку на более изысканную. Там теперь вся мебель и стены обиты почти такой же тканью, очень мило получилось, Вы не находите?

Воцарившееся неловкое молчание не смутило Оливию — она продолжала щебетать о том, как красиво смотрятся теперь пуфики, кресла и диваны, обитые "почти такой же тканью" и, закончив свои излияния, невинным голосом поинтересовалась у Эвелины, какой из образцов она выбрала для своего бального платья.

— Из этих образцов — ничего! — сердито заявила графиня Роддерик, захлопнув альбом, — По Вашему примеру, леди Эмеринг, я думаю заказать бальное платье из хакардийского шелка.

— Но, Эвелина, — растерянно начала мадам Лилье, — у нас нет больше...

— Из хакардийского шелка "белое золото"! — объявила графиня Роддерик, гордо взглянув в глаза прекрасной Олли Терн. И немного смутилась от лукавых смешинок, что почудились ей вдруг в глазах певицы. Но светская выучка не позволила Эвелине выразить свое смущение, напротив, она еще больше выпрямилась, расправила плечи и с откровенным вызовом смотрела на ту, кого считала своей...соперницей?

— Прекрасный выбор, графиня! — Оливия высказала свое мнение вполне искренне, по крайней мере, так звучал ее голос. — Но Вы уверены, что можете себе позволить такие траты? Хакардийский шелк "белое золото" стоит немногим меньше "черного огня"!

Леди Эмеринг была права, Эвелина и сама прекрасно знала цену выбранного шелка. Он получил название "белое золото" за необыкновенное свойство — белый изначально материал, казалось, впитывал любые попадающие на него лучи света и преображал их в собственное золотое сияние. Мягкое золотое сияние шелка не ослепляло, не затмевало внешность дамы, одевшей платье из такой ткани, а, напротив, подчеркивало ее красоту, как бы окутывало лучами солнечного света, добавляло живой яркости чертам лица, глазам, прическе. Выбирая шелк "белое золото" для бального платья, любая дама королевства могла быть уверена, что будет самой прекрасной на любом балу. И только одно останавливало модниц — цена этого, во всех смыслах "золотого" шелка. Позволить себе платье, полностью сшитое из "белого золота", могли единицы, а в малых кусках, например, в отделке, шелк почти не проявлял свои драгоценные свойства.

Так что сомнения леди Эмеринг в том, что графиня может позволить себе такое платье, прозвучали вполне уместно, но, высказанные вслух, они лишь подстегнули решимость Эвелины заказать платье именно из "белого золота".

— Сесиль, ты должна знать, — требовательно обратилась графиня к подруге, — не заказывал ли кто себе такое платье к Лунному Балу? Мне не хотелось бы встретить даму в похожем наряде!

— Нет, Эвелина, такое платье точно никто не заказывал! Ко мне буквально вчера заходил управляющий Крейстона и жаловался, что они не нашли покупателя на отрез "белого золота", который закупили специально для Лунного Бала! Я не думаю, что сегодня что-то изменилось!

— Ну и замечательно! — Эвелина решительно тряхнула головой, не давая себе передумать — Сеси, отправь немедленно кого-нибудь к Крейстону, скажи, что я забираю шелк! И теперь, когда мы все решили с тканью, думаю, ты найдешь время обсудить со мной фасон платья? Или у вас с леди Эмеринг остались незакрытые вопросы?

Мадам Лилье вопросительно взглянула на леди Эмеринг, та лишь вежливо улыбнулась и покачала головой, показывая, что у нее нет больше вопросов к хозяйке ателье. Но для графини Роддерик у Оливии нашлось несколько слов на прощанье:

— Я счастлива была еще раз увидеть Вас, дорогая графиня, и восхищена Вашим выбором! Думаю, Вы затмите всех придворных красавиц на Лунном Балу!

"О да, конечно, всех кроме тебя! — сердито подумала Эвелина. — Себя же ты к придворным красавицам не относишь, ты — красавица всего королевства, а не только королевского двора!" Но вслух она сказала совсем другое:

— Благодарю Вас, леди Эмеринг! Видите ли, для меня появление в платье не черного цвета тоже своего рода дебют. И Вы совершенно правы, важно чувствовать себя как можно уверенней в день своего дебюта, так что экономия на бальном наряде здесь будет совершенно неуместна!

— Золотые слова, графиня, золотые слова! — и, послав окружающим ослепительную улыбку, леди Эмеринг распрощалась с хозяйкой мастерской, дав напоследок указания, куда прислать платье, весело улыбнулась Эвелине и Кэтрин, пожелала им хорошо провести день и скрылась за дверью "Ателье мадам Лилье".

Сесиль выдохнула, проводив важную для нее посетительницу, и набросилась на Эвелину:

— Дорогая моя, да ты с ума сошла! Этот шелк обойдется тебе слишком дорого, ты вовек с Крейстоном не рассчитаешься!

— Не переживай, — легко отмахнулась от ее слов Эвелина, — мы буквально вчера оказали важную услугу купцу Фредерику Крейстону, и он сам заявил, что "теперь он наш должник". Так что, я надеюсь, купить у него этот отрез по минимальной стоимости, а если не смогу расплатиться сразу — договорюсь о кредите.

— Ну как знаешь, — мадам Лилье не очень верила в стоворчивость купца, но не видела смысла заранее расстраивать подругу.

— Довольно обо мне! — графиня Роддерик вспомнила, что пришла не одна, и, вообще-то, собиралась посмотреть будущий наряд Кэтрин. — Покажи-ка лучше, что за бальное платье вы шьете для фрейлины Брайтон?

Сесиль Лилье состроила недовольную гримаску и пригласила дам в примерочную. Пока одна из девушек мадам Лилье пошла за платьем, Сесиль с неохотой призналась:

— Эвелина, мне жаль расстраивать тебя и твою милую спутницу, но, боюсь, что платье для леди Брайтон вас разочарует...

— Почему, Сеси? — графиня Роддерик удивленно подняла брови. — Разве ты была в чем-то ограничена, когда придумывала платья для девушек? Насколько я знаю, Ее Величество выделила достаточно средств, чтобы создать самые роскошные наряды!

— Мы не можем знать, сколько средств выделила Ее Величество, — Марта Рейн, на правах старшей помощницы, тоже вступила в разговор, — Здесь, в ателье, пошив бальных платьев для фрейлин заказывала камер-фрейлина Лейзон, она же выбирала ткани и фасоны, она же оплачивала заказ. И все время подчеркивала, что в отделке мы должны быть как можно экономней, что ткани должны быть попроще и подешевле, потому что "бюджет сироток королевы не рассчитан на большие траты"!

Последние слова Марта произнесла тонким елейным голоском, явно копируя манеру Мышильды. Кэтрин хихикнула, графиня Роддерик тоже улыбнулась, но тут же нахмурилась.

— Это я виновата, мне надо было самой проследить за тем, какие платья заказаны для девушек. Но две недели на приеме просителей... У меня просто не было возможности заняться в эти дни чем-то еще. Да я просто представить не могла, что Матильда Лейзон позволит себе так самовольно распоряжаться деньгами королевы!

— О, она не всех обделила! — с деланной веселостью пояснила Марта, — Платья большинства девушек просто очаровательны по всем статьям — и по фасону, и по тканям, и по отделке! Но вот платье леди Брайтон и еще двух фрейлин...

— Кэти? — графиня Роддерик строго посмотрела на фрейлину и той ничего не оставалось, как признаться.

— Все, кто хотел себе роскошное платье, делали подарки камер-фрейлине Мыши... ой, Матильде Лейзон. А я, и еще Клози и Полли, мы не пошли с подарками. У меня просто не было денег на хороший подарок, а Клози сказала, что нам и так должны пошить красивые платья, без всяких подарков. Вот мы и решили ничего не дарить.

Эвелина не успела высказать все, что она думает о поступке Мышильды Лейзон, а заодно и о молчании молодых фрейлин — полуготовое платье Кэтрин принесли в примерочную. Графиня Роддерик ахнула от возмущения, Кэтрин тихонько вздохнула, а мадам Лилье смущенно отвела глаза — редко ей бывало так неловко за платье, выходившее из ее мастерской.

Начать с того, что лиф бального наряда Кэти был из атласа очень светлого сиреневого цвета — самого неудачного оттенка сиреневого, который придает нездоровую бледность лицу и уж никак не подходит для природных блондинок. пышные юбки платья, сметанные из шифона того же светлого

оттенка, взметнулись вширь немного выше уровня талии и немедленно заполнили собой почти половину примерочной. В наряде такого фасона, любая девушка, даже самая худенькая, покажется коренастой толстухой. Объемные рукава из того же шифона и рюши в несколько рядов по линии декольте дополнили образ толстухи еще и неуклюжестью.

— Сеси, я тебя не узнаю, как ты могла пошить такое платье?! А ты, Кэтрин? Как ты могла согласиться носить этот сиреневый кошмар?! — графиня Роддерик даже не старалась подбирать слова повежливей, так она была сердита и на модистку, и на фрейлину.

— Камер-фрейлина сказала, что другого платья все равно не будет, — еле слышно пролепетала Кэтрин.

А вот мадам Лилье высказалась более громко, ей тоже было чем возмутиться.

— Дорогая моя, а что я могу? Одеть девушек за свой счет? Знаешь ли, я не волшебница и деньги зарабатываю честным трудом. Эта старая дева заявила, что лучше меня знает, какие платья нужны девушкам, и если я откажусь шить по ее указке, она найдет другое ателье, более сговорчивое. А мне совсем не хотелось уступать такой заказ конкурентам. Да и девушки не особо спорили на примерках, делали вид, что их все устраивает.

— Полли хорошо шьет, — виновато пояснила Кэтрин, — они с Клози уже забрали платья и переделывают их на свой вкус.

— И как же? — мадам Лилье живо заинтересовалась изменениями, что вносят девушки в ее наряды.

— Добавляют отделку, украшают вышивкой, бисером...

— Пожалуй, и здесь можно что-то исправить, — Сесиль задумалась, глядя на неудачное платье.

— Не можно, а нужно! — резко оборвала ее раздумья графиня Роддерик. — Сеси, ты немедленно оторвешь это убожество в виде рукавов, юбок и рюшечек и выбросишь бледную шифоновую немочь куда подальше! Изволь сделать рукава и юбки из шифона более яркого оттенка, чем атлас на платье! И придумай что-нибудь с лифом — такой бледный никуда не годится!

— Мы задрапируем его темно-сиреневым флером с серебряной нитью, — предложила мадам Лилье. Ее глаза горели вдохновением художника, увидевшего сюжет для своей новой картины, — полупрозрачный флер цвета темной сирени в сочетании с бледным атласом даст самый подходящий оттенок сиреневого для леди Брайтон! Форму рукавов изменим или совсем их уберем, всего лишь наметим складками шифона, легко спадающими с плеч. Лиф немного удлиним, чтобы подчеркнуть хрупкость фигуры, юбки тоже сделаем немного длиннее и не такими пышными, а верхним слоем ткани пустим тот же сиреневый флер с серебряным кантом по кромке. Эвелина, дорогая, да мы в один вечер преобразим платье так, что девочка в нем будет смотреться принцессой, никак не меньше!

— Правда? Неужели такое возможно? — голос Кэти дрожал от волнения, а глаза девушки сияли радостью и надеждой.

— Еще как возможно, малышка, — весело подмигнула ей мадам Лилье, уже вполне довольная собой и своей выдумкой, — вот что мы сделаем: графиня Роддерик сейчас отправится к купцу Крейстону — попробует сторговаться и сбить цену на "белое золото", а ты останешься здесь. Будешь участвовать в переделке и примерять то, что получится. Основная работа по твоему платью сделана, а отпороть неудачные детали и наметить новые мы успеем до прихода Эвелины. Годится такой вариант?

Счастливая Кэти только кивнула — она готова была сама отпарывать и шить, лишь бы платье получилось таким красивым, как рассказала сейчас мадам Лилье. Графиня Роддерик все еще немного сердилась, но уже больше на себя — надо было найти время и поговорить с девушками о их бальных нарядах. Но она так увлеклась своими новыми обязанностями по приему просителей, что обо всем забыла, кроме... "Кроме герцога Берштейна и того, что тебе опять предстоит его увидеть," — услужливо подсказал ей внутренний голос. Эвелина негодуя фыркнула, отогнав подальше глупые мысли, и вслух сказала совсем другое:

— Ну вот, теперь ты говоришь дело, Сеси. Исправляй все как можно скорее, сделай платье фрейлины Брайтон платьем для настоящей принцессы, а я лично прослежу, чтобы твои расходы были полностью оплачены из казны королевы. Да, Сеси, и я надеюсь, ты понимаешь — прокол с платьем Кэтрин должен быть исправлен не в ущерб другим заказам?

Мадам Лилье весело рассмеялась столь прозрачному намеку подруги:

— Неужели ты думаешь, что я смогу не выполнить твой заказ? Да еще после такого твоего грозного выступления? Нет уж, дорогая моя, я совсем не хочу, чтобы ты однажды разнесла мне мастерскую в

приступе гнева!

Слова и смех Сесиль были так заразительны, что Эвелина не могла не улыбнуться. Она и сама знала о своей вспыльчивости, но, увы, это знание не всегда помогало графине сдерживать порывы эмоций.

— Вот что я тебе скажу, Эвелина, — мадам Лилье говорила уже серьезно, — отправляйся-ка ты к Крейстону прямо сейчас, а мы займемся сиреневым платьем. Про твоё бальное платье мы успеем поговорить, когда ты вернешься с "белым золотом". Хотя... ты и правда так уверена в себе, дорогая, что не хочешь изменить свое решение и выбрать другую ткань?

— Уверена, Сеси, — твердо сказала Эвелина, — я или появлюсь на Лунном Балу в платье из "белого золота", или...

Графиня Роддерик чуть примолкла, гордо вскинула голову и продолжила:

— Другого варианта не дано — я буду на Балу и буду именно в этом платье и ни в каком другом!

— Bravo, графиня, узнаю твой упрямый характер! — мадам Лилье, смеясь, проводила подругу до выхода из мастерской и по пути еще успела шепотом поинтересоваться, — Кто эта милая девушка, что ты так заботишься о ней?

— Тшшш, — Эвелина улыбнулась и прижала палец к губам, а потом, почти на ухо, прошептала в ответ, — поверь мне, Сеси, ты никогда не пожалеешь о внимании, оказанном сейчас фрейлине Брайтон, никогда!

После таких многозначительных слов графиня Роддерик выпорхнула из мастерской и легким быстрым шагом отправилась к торговым рядам Крейстона. А мадам Лилье какое-то время в недоумении смотрела ей вслед, пытаясь понять: шутила сейчас ее давняя подруга или говорила вполне серьезно.

Глава 11

Главная лавка Крейстона находилась совсем недалеко от центральной площади Арма, а от "Ателье мадам Лилье" и того ближе — всего-то пройти два проулка и свернуть направо. Эвелина почти бежала — так ей не терпелось поскорее переговорить с купцом — но перед входом в большое, сверкающее витринами, помещение лавки, она приостановилась. Надо было перевести дух, вернуть лицу спокойное беззаботное выражение, прежде чем приступить к переговорам с опытным торговцем. И когда графиня Роддерик входила в торговый зал, по равнодушному, чуть надменному выражению ее лица вряд ли можно было догадаться, что знатная дама пришла сюда не только из простого любопытства.

Звонок над входом в лавку Крейстона прозвучал неожиданно сильным резким звуком, так что Эвелина чуть вздрогнула, однако быстро вернула лицу прежнее холодное выражение. Она прошла внутрь, мельком глянула на прилавок, ряды с рулонами тканей самых разных расцветок и замерла, ожидая, когда к ней подойдет служащий лавки с обычным вопросом: "Чем могу быть полезен знатной леди?"

Но, к удивлению графини Роддерик, на ее приход никто не обратил внимания. Все работники лавки, включая управляющего и продавцов, столпились у лестницы, ведущей на верхние жилые этажи дома, и с нескрываемым любопытством прислушивались к доносящимся оттуда звукам. А звуки были весьма необычные для мирного купеческого дома: стук тяжело топчущих ног, изредка грохот и почти непрерывно брань и крики — причем зычный женский голос перекрывал мужской. Изредка доносились отдельные слова и фразы, да такие сочные порой, что Эвелина удивленно ахнула — не ожидала она от степенного купца подобных выражений. А вот служащие, лучше знавшие своего хозяина, весьма уважительно переглядывались, услышав очередное его высказывание, и благоговейно замирали при особо сильных наворотах, выданных женским голосом.

Наконец, графине Роддерик порядком надоел спектакль, в котором актеров только слышно, и она решительно нарушила тишину "зрительного зала":

— Добрый день! Я хотела бы переговорить с господином Крейстоном по заказу материала для бального платья.

Ошарашенные служащие резко повернулись, старший из них — вероятно, управляющий, — виновато посмотрел на посетительницу и строго скомандовал остальным:

— Все по местам, довольно развлекаться, займитесь работой! — а убедившись, что подчиненные с явной неохотой, но все же стали расходиться, он спросил Эвелину:

— Какой материал Вам угодно выбрать, Ваше Сиятельство? Я старший управляющий торгового дома Фредерика Крейстона и знаю о всех тканях, которые есть у нас в лавке и на складах. Может быть Вы со мной обговорите вопрос заказа, видите ли, — управляющий опасливо покосился наверх, — хозяин сейчас немного занят и, боюсь, сильно не в духе. Если Вы хотите говорить именно с ним, лучше бы Вам прийти в другой день.

Графиня Роддерик чуть улыбнулась про себя — она прекрасно понимала, чем занят Фредерик Крейстон и почему он не в духе сейчас — но вслух сказала почти равнодушным тоном:

— И все же я хотела бы переговорить с Вашим хозяином и не вижу причины переносить разговор на другой день. Передайте господину Крейстону, что пришла графиня Роддерик и желает обсудить с ним условия покупки "белого золота".

— "Белого золота"? — ошеломленно переспросил управляющий.

— Разве я неясно выразилась? — Эвелина приподняла бровь, словно недоумевая, — Мне известно, что у вас на складе есть отрез белого хакардийского шелка, того самого, что называют "белым золотом", и я собираюсь купить весь отрез для своего бального платья. Вы готовы обсуждать со мной цену и условия покупки?

— О нет, Ваше Светлость, что Вы! Это слишком большая сумма, чтобы я взял на себя ответственность за нее! Пожалуй, ради такого вопроса я потревожу хозяина даже сейчас!

Управляющий низко поклонился графине и, не сводя с нее восторженных глаз, боком стал пробираться к лестнице. Эвелина уже опасалась, что и подниматься по лестнице мужчина будет спиной вперед, но он все-таки развернулся и с неожиданной прытью взлетел наверх. Осторожный стук в дверь, скорее всего, наверху просто не услышали. А когда управляющий рискнул приоткрыть дверь и просунуть туда голову, раздался возмущенный рев и в несчастного полетело что-то из посуды. Бедолага еле успел отскочить в сторону, как по ступенькам, весело громыхая, запрыгал изрядно помятый серебряный кувшин. Испуганный мужчина прижался к стене, явно не решаясь повторить попытку вторжения, и графиня Роддерик поняла: пора брать дело в свои руки.

Она стремительно пошла к лестнице, попутно подхватив с пола пострадавший кувшин, усмехнулась слаженному восторженному вздоху за спиной, и, не оборачиваясь, взлетела по ступенькам на второй этаж. Графиня рванула на себя дверь, из-за которой доносились грохочущие звуки и зычные голоса, и смело вошла в комнату.

Перед ней была, скорее всего, малая гостиная купеческого дома, предназначенная для приема гостей за чашкой чая. Добротная удобная мебель, белоснежные вышитые салфетки, подушки и подушечки в креслах и на диванах — все говорило о том, с какой любовью создавали женщины чистоту и уют в своем доме. Но сейчас про чистоту и уют можно было только догадываться. В комнате, где шумела семейная ссора, царил самый настоящий хаос: на полу осколки цветочного горшка и рассыпанная земля, подушки и подушечки безжалостно разбросаны по всей комнате, стулья и кресла перевернуты или сдвинуты с места.

В центре хаоса, царящего в гостиной, возвышались две фигуры — уже знакомый Эвелине Фредерик Крейстон и, напротив него, невысокая, крепко сбитая, пожилая энергичная дама — та самая теща, Джудит Форбин, из-за которой Крейстон приходил вчера на прием.

Зять и теща смотрели друг на друга непримиримыми врагами; в поднятых руках госпожа Форбин держала серебряный поднос, явно намереваясь огреть им "любимого" зятя, как только подвернется удачный момент для такого благого дела. Но момент никак не подворачивался — ушлый зятек защищался большой диванной подушкой и, выглядывая из-за нее, костерил тещу на чем свет стоит. Джудит Форбин в долгу не оставалась, но главной цели — стукнуть по глупой голове зятя, да посильнее, — добиться никак не могла. Ситуация была патовая, поэтому открывшейся двери оба соперника обрадовались как временной передышке и все свое внимание перенесли на наглеца, посчитавшего возможным мешать душевному семейному скандалу.

— В прошлый раз непонятно было, надо еще раз объяснить? — рявкнул Крейстон.

— Если кто что не понял с первого раза, я и повторить могу! — и Джудит Форбин от души замахнулась не очень-то легким серебряным подносом, причем держала его в одной руке.

— Господин Крейстон, — Эвелина очень старалась не рассмеяться, а, наоборот, говорить как можно более холодным и суровым тоном, — потрудитесь объяснить, что сейчас происходит в Вашем доме? Почему Вы сейчас не принимаете покупателей в торговом зале, а сражаетесь с этой милой доброй женщиной? Да еще и хорошими вещами разбрасываетесь — ведь могли бы и в голову кому-нибудь попасть!

С этими словами графиня Роддерик прошла в комнату, по пути сунув в руки опешившему Крейстону мятый кувшин, и с величественным видом устроилась в одном из кресел. Соперники, никак не ожидавшие визита постороннего лица, да еще и знатной дамы, разом притихли. "Милая добрая женщина" придирчиво разглядывала посетительницу, а Крейстон, осознавший наконец, кого он видит в своем доме, отбросил кувшин в сторону и со всем уважением поклонился графине, на что та благосклонно кивнула.

— Госпожа графиня, как же рад я Вашему визиту, вот право слово, очень Вы вовремя! Вот, матушка, — обратился Фредерик к теще, — это и есть та самая графиня Роддерик, что распределяла места — кто где будет сидеть на праздновании Лунного Бала.

Джудит Форбин глянула на нежданную визитершу с явным доброжелательством, но тут же горестно поджала губы и тяжело вздохнула. Эвелине больше всего хотелось улыбнуться — знала она такие женские уловки — но улыбаться было никак нельзя. И графиня с сочувственным видом спросила у пригорюнившейся "старушки":

— А что случилось, госпожа Форбин? Ведь я говорю сейчас с Вашей тещей, госпожой Джудит Форбин? — обратилась она к Крейстону. Купец молча кивнул, с интересом ожидая продолжения речи графини, — Вы недовольны местом за особым столом купеческого зала? Хотели бы что-то изменить?

— Вот я-то как раз довольна, голубушка, — резким звучным голосом заявила теща Крейстона, — очень даже довольна и столом, и компанией. А вот зятек мой...

Теща так угрожающе глянула на беднягу Крейстона, что он невольно отступил поближе к графине, а, поймав ее вопросительный взгляд, ответил со всей возможной пылкостью:

— Да как же, госпожа графиня! Вся семья вместе будет, а матушка отдельно, нельзя же так!

— Господин Крейстон, — мягко сказала Эвелина, в лучших своих дворцовых интонациях, — я сожалею, но мы не имеем возможности разместить всю Вашу семью за одним столом с госпожой Форбин и другими уважаемыми дамами.

Надо было видеть, как приосанилась Джудит Форбин после этих слов и как уничижающе глянула

она на зятя.

— Но ведь матушка могла бы и с нами за одним столом посидеть... — якобы неуверенно начал Крейстон.

Джудит грозно нахмурила брови, а Эвелина вскинула руку, как бы отметаая ненужные доводы.

— Это совершенно невозможно, господин Крейстон. Ваша названная матушка, Джудит Форбин, получила личное приглашение за подписью королевы. Вы хотите отказать самой королеве?

Фредерик Крейстон отчаянно замотал головой, а торжествующая теща только что изображавшая "разбитую горем старушку" гордо выпрямилась и заявила:

— Не будем мы отказывать, так-то, зятек! И на балу я за особым столом сидеть буду, на месте, которое мне незабвенный мой Ури своей честной службой и заслугами перед королем обеспечил!

Джудит Форбин всхлипнула, поддавшись нахлынувшим чувствам, а Эвелина и Фредерик весело переглянулись.

— Очень я благодарна Вам, госпожа графиня, — Джудит обращалась уже напрямую к Эвелине. и та с вежливой улыбкой кивнула расчувствовавшейся женщине, — вовремя Вы здесь появились и слова правильные сказали. Моих-то слов зятю моему маловато было, не понимал он! А Вы ему все как надо и разъяснили!

Госпожа Форбин опять было приняла грозный вид, но Крейстон быстро сориентировался и виноватым голосом начал каяться в своих грехах и в том, что он "хотел, как лучше, чтобы матушка с нами была, разве ж я знал!"

Наконец, теща, вполне удовлетворенная раскаяньем зятя, успокоилась настолько, чтобы вспомнить и о других, не менее важных событиях. Ее цепкий взгляд опять остановился на графине и почтенная дама, не долго думая, спросила:

— А неужто Вы для того и пришли, чтобы зятя моего проверить, как он со мной обходится?

— Нет, нет, госпожа Форбин, совсем не для этого, — заверила ее смеющаяся Эвелина, — у меня и в мыслях не было проверять господина Крейстона, хотя, надо сказать, я рада. что пришла в такой удачный момент.

— Да уж, удачный, ничего не скажешь! — весело хмыкнул Крейстон, оглядывая разоренную комнату.

— А для чего же тогда?

Въедливая женщина не давала собеседнице уйти от ответа, и графиня Роддерик, собравшись с духом, как могла спокойно пояснила:

— Я пришла переговорить с Вашим зятем о покупке шелка "белое золото" для своего бального платья.

Глава 12

— Вот оно что! — Крейстон, не сумевший сдержать эмоции, громко присвистнул.

Джудит Форбин шикнула на забывшегося зятя и с каким-то задумчивым удивлением глянула на Эвелину. Графиня, несколько смущенная реакцией старой дамы, в свою очередь спросила:

— Почему Вы так смотрите на меня сейчас, госпожа Форбин?

— Да я уж и не знаю, говорить ли Вам... — лицо старой женщины вдруг озарила такая светлая добрая улыбка, что Эвелина невольно подалась вперед, почувствовав что-то очень важное для себя в молчании госпожи Форбин.

— Говорите, прошу Вас, — голос девушки чуть дрогнул от внезапно нахлынувшего волнения.

— Вроде и не так давно это было, а уж побольше семи лет прошло, — неспешно начала Джудит Форбин. Какая-то особенная светлая печаль была сейчас на ее лице, а глаза смотрели ласково и сочувствующе. Удивленный Крейстон присел рядом с дамами, недоумевая, что же случилось с его тещей, еще совсем недавно такой воинственной и грозной.

А госпожа Форбин продолжала, обращаясь уже к зятю:

— Ты же никогда не закупал больше одного отреза "белого золота", верно, Фреди, уж больно он дорог, покупателей мало на него, — Крейстон только кивнул, соглашаясь. — И тогда, семь лет назад, у нас всего один такой кусок на складе был, а молодой граф пришел купить ткань на платье для своей невесты.

Эвелина ахнула, прижав ладони к щекам — она поняла, что старуха Форбин говорит сейчас о ее Северине. Понял это и Крейстон и в который раз подивился памяти своей тещи. А Джудит Форбин, увлекшись воспоминаниями, перестала обращать внимание на слушателей. Она рассказывала сейчас историю, происходившую так давно для тех, кому чуть больше двадцати, и так недавно для самой рассказчицы, года которой перешагнули шестой десяток.

Она вспоминала, как молодой веселый граф появился на пороге их лавки и с ходу заявил, что скоро женится на самой лучшей девушке Армании и ему нужна самая красивая ткань для ее свадебного платья. "Веселый был, радостный и как будто сиял весь, будто солнце вместе с ним в лавке появилось, — старая женщина и сама словно помолодела, вспоминая юного Северина, — он же вроде шатенистый был, а рыжинки в волосах отливали. И глаза темные, а искорки в них золотистые, прям как янтарь на свету". Эвелина слушала неожиданно поэтичные воспоминания госпожи Форбин и не замечала, как текут по глазам слезы. Ее Северин был именно такой — солнечный и радостный. Он и ссориться не умел, да и не находилось рядом с ним людей, ищущих ссоры. Наоборот, казалось, все любили юного графа и относились к нему только по-доброму.

— А потом, что было потом, госпожа Форбин? — всхлипывая, спросила Эвелина.

— Эх, матушка, расстроили Вы нашу гостью, — Крейстон, заметивший, наконец, состояние графини, подал ей чистый платок и крикнул, чтобы принесли чаю и еще чего покрепче, "чтобы в себя прийти".

Эвелина благодарно приняла платок и согласно кивнула, не особо вслушиваясь в слова гостеприимного хозяина. А госпожа Форбин, переждав всплеск эмоций, вызванный ее рассказом, продолжала:

— Самую лучшую материю хотел, за ценой, говорит, не постою! Еще и друг с ним был, герцог... — Эвелина только досадливо махнула рукой, показывая, что знает о ком идет речь, и умоляюще посмотрела на старую даму, ожидая продолжения рассказа. Но вместо тещи продолжил сам Крейстон.

— Вспомнил я теперь эту историю, всю, как есть, вспомнил. Был тогда у меня отрез "белого золота", но и покупатель на него уже был — старый Шенброк, не к ночи будь помянут!

Графиня Роддерик вздрогнула, услышав имя одного из главных заговорщиков, устроивших мятеж, в котором погиб юный Северин.

— Я ведь и аванс уже взял, ну как я мог отказать! — с досадой воскликнул Крейстон. — А муж Ваш покойный, граф Роддерик, и приятель его как на грех увидели этот отрез. И так им захотелось, чтобы именно из него Ваше свадебное платье было, так они меня уговаривали! Но не мог я отступить, раз аванс уже взял, не мог слово свое обратно забрать!

— Я понимаю, — кивнула графиня Роддерик, успевшая немного прийти в себя, — а что было потом?

— А вот потом появился мой дорогой Ури Форбин, вот уж настоящий купец был, не чета нынешним! — Джудит Форбин уничижающе покосилась на зятя, показывая, кого она причисляет к нынешним. — Он и слова правильные нашел, чтобы покупатели от "белого золота" отступились и не в обиде остались, и ткань на Ваше платье выбрать им помог!

Эвелина вспомнила, каким нежным и воздушным было ее платье, какой хрупкой и юной она в нем выглядела и как восторженно смотрел на нее Северин. Слезы опять нахлынули на глаза графини, и она, отвернувшись, чтобы скрыть лицо, быстро спросила:

— И что за слова сказал им тогда Ваш муж, госпожа Форбин?

Старуха, довольная вопросом, значительным голосом произнесла:

— Очень важные слова он им сказал, госпожа графиня! Он сказал, что через семь лет будет Лунный Бал и вот тогда пусть граф, супруг Ваш, приходит в лавку Крейстона. Его будет ждать отрез "белого золота" на бальное платье для молодой графини! А еще мой старик дал слово, что ни у кого не будет такого платья на этом Лунном Балу, кроме как у графини Роддерик!

Эвелина не могла уже сдерживать слезы, она спрятала лицо, уткнувшись в спинку кресла и только старалась не рыдать громко. Подумать только, ее Северин, ее дорогой муж! Уже тогда, семь лет назад, он заботился о том, чтобы она была самой красивой на Лунном Балу!

Графиня не видела смущенного лица Крейстона, не заметила, как, по его зову, в комнату вбежали Рейвен и Айлин — жена и дочь Фредерика. Вдвоем они принялись хлопотать над плачущей девушкой — подносили нюхательные соли, уговаривали выпить настойку пустырника. Ничего не помогало, пока в дело не вмешалась сама госпожа Форбин. Недрогнувшей рукой она налила полную стопку "чего покрепче" — домашней анисовой настойки — и приказала Эвелине выпить залпом. Графиня автоматически выполнила требование и ахнула, судорожно глотая воздух. Соленый огурчик на одной вилке, соленый грибочек на другой завершили процесс успокоения расстроенных нервов.

Эвелина вполне пришла в себя, почти прежним строгим взглядом оглядела семейство Крейстонов, улыбнулась, заметив встревоженные лица женщин, и со всей искренностью сказала Джудит:

— Благодарю Вас, госпожа Форбин! Ваше... лекарство было как нельзя кстати!

— Да уж сколько раз анисовую проверяла, и не было еще случая, чтобы от какой болезни не помогла! — старая женщина улыбнулась так тепло и сердечно, что Эвелине вдруг никуда не захотелось уходить из дома, где помнили ее Северина и по-дружески отнеслись к ней самой. Но, увы, она оставалась первой фрейлиной королевы и должна была вернуться к своим обязанностям как можно скорее.

Графиня Роддерик выпрямилась, еще раз поблагодарила все семейство и решительно обратилась к Фредерику Крейстону, державшему в руках какое-то срочное письмо, только что принесенное посыльным.

— Господин Крейстон, я покупаю отрез "белого золота", который лежит сейчас у Вас на складе. Надеюсь, Вы не откажете мне в кредите, если я не смогу расплатиться сразу?

— А,? Что Вы сейчас изволили сказать, госпожа графиня? — задумчивый вид Крейстона, оторвавшего взгляд от распечатанного письма, явно показывал, что мыслями купец сейчас не в комнате, а в тех событиях, о которых только что прочитал.

— Нет, ну и зятек у меня! — возмущенная Джудит Форбин опять начала закипать, а ее дочь и внучка, пожалуй, готовы были объединиться с ней в негодовании на главу дома. — Госпожа графиня ясно сказала, что покупает "белое золото" и просит тебя продать шелк в рассрочку, если вы в цене не сойдетесь! А только, коли хочешь знать мое мнение, Фреди, не должен ты с графини ни копейки лишней брать, вот как! Свои деньги вернешь и довольно с тебя будет!

— Да, папа, пожалуйста, — Айлин так рьяно поддержала бабушку, что Эвелина заподозрила ее в подслушивании. Но, впрочем, подслушала Айлин или нет — это было неважно. Важнее был ответ Фредерика Крейстона на просьбу графини о кредите — даже по самой низкой цене Эвелина не смогла бы выплатить стоимость шелка сразу.

Крейстон увидел сколько женских глаз: требовательных, просящих, ожидающих, — смотрит на него сейчас и добродушно рассмеялся.

— Сколько же заступников в моем доме Вы нашли, госпожа графиня! — Крейстон улыбнулся всем женщинам сразу и торжествующе заявил, — А заступаться-то и не надо! Не придется Вам в кредит шелк покупать, вот что я Вам скажу, потому как покупка Ваша уже семь лет назад почти полностью оплачена!

— Как? — Эвелина ахнула, веря и не веря услышанному, — Неужели Северин...

— Точно так, сударыня, — широко улыбаясь, пояснил Крейстон, — уж очень ему хотелось тогда видеть Вас в "белом золоте" на Лунном Балу, да чтобы у других такого наряда не было. Вот он и внес аванс, почти в стоимость шелка, ну, может, пятую часть оплатить осталось, но такую-то сумму Вы и сразу заплатить сможете, верно я говорю?

— Пожалуй, верно, — Эвелина задумчиво кивнула, — но как могло такое быть, что Северин уже тогда расплатился за отрез "белого золота" почти полностью? У него не могло быть при себе столько денег, разве что он занял в долг...

Эвелина умолкла, понимая, кто мог одолжить графу Роддерiku недостающую сумму, и не заметила, каким подозрительным взглядом сверлит зятя Джудит Форбин. Очнувшись она только от радостного возгласа Крейстона:

— Да, я же письмо из дворца получил! Взяли-таки на место помощника звездочета младшего Линнеля, пристроили парня!

И Фредерик Крейстон сунул письмо прямо в руки тещи, да еще и пальцем ткнул в те строчки, которые считал самыми важными. Недоумевающая Джудит сердито глянула на зятя, потом все же прочитала письмо и расплылась в улыбке. Она по-доброму глянула на Эвелину и дружески заметила:

— Ну что же ты, графинюшка, вроде и не рада, что ладно так получилось с покупкой твоей? Твой теперь отрез, тут и сомневаться нечего!

— А я вот сомневаюсь, госпожа Форбин, — неожиданно для себя Эвелина решила довериться опытной в торговых делах женщине, — не могло у моего Северина быть столько денег, чтобы заплатить почти всю сумму за отрез "белого золота". Если бы я точно знала, сколько он своих денег потратил, а сколько одолжил...

— Ну, сколько бы ни одолжил, какая уж теперь разница, коли за долгом тем до сих пор никто не пришел. Не пришел раньше, значит и сейчас не спросит, и говорить здесь не о чем, — рассудительно заметил Крейстон.

А старая Форбин, глядя в глаза Эвелины, добавила:

— Верно, у хорошего друга одолжил, раз долга не спрашивает. А если хороший друг он был, то и ему в радость будет — увидеть тебя на Балу в том платье, о котором твой покойный муж мечтал.

Смущенная и убежденная последними словами, графиня Роддерик отбросила ненужные сомнения и быстро договорилась с Крейстоном по сумме, которую следовало доплатить за драгоценный шелк. Ее дружно уговаривали посидеть еще, почаяевничать, но Эвелине уже не терпелось забрать свою покупку и бежать к Сеси — показать ей шелк, обговорить как будет выглядеть платье.

Крейстон понимающе улыбнулся, увидев каким азартом горят глаза девушки, и вызвал двух приказчиков покрепче — проводить дорогую покупательницу с не менее дорогим грузом. Отказываться от сопровождения Эвелина не стала — она и сама побаивалась идти одна с такой ценной покупкой. Дружески попрощавшись с семейством Крейстонов, графиня Роддерик обещала "непременно заходить" просто в гости. Уже на пороге она не выдержала — вернулась. крепко обняла и расцеловала старую Джудит Форбин, так тепло вспоминая ее Северина. Добрая женщина понимающе улыбнулась и сама расцеловала знатную даму — такую строгую поначалу и такую человечную и искреннюю сейчас.

— Эх, а все же золотая у меня теща! — глубокомысленно заметил Крейстон, вышедший проводить дорогую гостью, — Вот еще бы не так упряма она была — цены бы ей не было!

— Разве? — весело спросила Эвелина, — А может, будь она покладиста, Вы, господин Крейстон, совсем бы от скуки извелись? Ну что за интерес, когда все с тобой согласны и поспорить не с кем?

Крейстон расхохотался от неожиданного вопроса, а пока он утирал слезы, вызванные приступом смеха, Эвелина поняла, что не давало ей покоя в истории с драгоценным шелком.

— Фредерик, — графиня и сама не заметила, как перешла на дружеский тон в общении с Крейстоном, — почему Вы сразу не сказали мне, что семь лет назад Северин уже внес аванс за "белое золото"?

Озадаченный Крейстон почесал затылок и не очень уверенно ответил:

— Да как Вам сказать, госпожа графиня... поначалу-то я и совсем не вспомнил эту историю, все-таки семь лет прошло...

— Вы, один из лучших купцов Армании, и забыли, кто и за что внес Вам аванс? — глаза графини Роддерик смотрели требовательно и недоверчиво, и Крейстону пришлось собраться, чтобы ответ звучал убедительно.

— Так, Ваша Светлость, те, кто аванс заплатил, обычно сами и приходят — или за товаром, или за деньгами. А здесь и не пришел никто, и я закрутился совсем, вот и не вспомнил сразу. Да что же Вы думаете-то, что я обманываю Вас, что ли? — вскричал купец, заметив, что его объяснениям не очень-то верят. — Госпожа графиня, мне в убыток продавать и деньги терять совсем не след, так у меня вся торговля скоро прогорит! Не вспомнил сразу, виноват. Не приди Вы сегодня, верно, уже после Бала деньги Вам вернул бы, что авансом уплачены. А так все ладно вышло: и Вы с покупкой, и я слово сдержал!

Успокоившийся Крейстон закончил, наконец, свою речь и испытующе посмотрел на графиню — верит она ему или нет. Что же касается Эвелины, ее убедили слова купца о том, что в убыток себе он торговать не будет, и графиня забыла последние сомнения. Она схватила сверток с драгоценной покупкой, никому его не доверяя, тепло простилась с купцом и в сопровождении охраны отправилась обратно в "Ателье мадам Лилье".

Глава 13

Счастливая, возбужденная Эвелина сама не заметила, как пробежала расстояние от лавки Крейстона до ателье. Она распахнула дверь, под переливчатый звон колокольчика влетела сразу в примерочную, минуя другие комнаты, и торжествующе открыла сверток перед Сесиль, Кэтрин и всеми, кто был сейчас в мастерской.

— Смотри, Сеси, вот оно, "белое золото"!

Драгоценный шелк золотистой лентой вырвался из обертки, застелив собой всю длину закройного стола и свободно свисая по его краям. Воцарившуюся тишину нарушали лишь восхищенные вздохи зрителей.

И было чем восхищаться! Золотое сияние шелка не ослепляло, не заставляло прикрывать глаза — оно было ласковым и теплым, какими бывают лучи солнца, пробившиеся сквозь густую листву. Магические светильники в мастерской потускнели перед сиянием необыкновенного материала. А лица восхищенных девушек, окруживших волшебную ткань, казались нежнее и прекрасней. Золотое сияние отражалось в их глазах, скрадывало тени и морщинки, озаряло особенной неповторимой красотой каждую, кто была сейчас рядом.

Когда, наконец, присутствовавшие немного пришли в себя и смогли говорить спокойно, Сесиль обратилась к подруге:

— А знаешь, Эвелина, я ведь в первый раз вижу "белое золото" такой чистоты и силы!

— А разве оно бывает разным? — вопрос, возникший почти у всех, первой озвучила Кэтрин. Она стояла в полуготовом платье, которое прямо на ней и поправляли — что-то отпарывали, что-то пришивали. Поправляли, пока не появилась Эвелина с необыкновенной покупкой. а тогда уже и мастерицы ателье, и сама Кэтрин забыли обо всем, кроме чудесного шелка.

— А вы не знаете этого? Не знаете, что "белое золото" никогда не бывает одинаковым? — удивленно спросила мадам Лилье и, увидев, как все присутствующие, включая Эвелину, отрицательно качают головой, принялась объяснять. — "Белое золото", так же как и "черный огонь" — особенные виды шелка, коконы для них собирают только в одной долине Хакардии — в долине Фей. Говорят, что самые настоящие феи жили когда-то в этой долине, но исчезли, когда люди поселились слишком близко к ним.

— Как жалко! — вздохнула впечатлительная Кэтрин. — А что же было дальше?

— А дальше... — Сесиль Лилье загадочно улыбнулась. — А дальше в этой долине начали иногда находить всякие чудесные вещи, а еще собирать с тутовых деревьев шелковые коконы и делать шелк, равного которому нет ни в одной стране нашего мира. "Черный огонь" отзывается на лунный свет и сияет в ночи языками пламени. Надо обладать очень сильным духом, чтобы не испугаться самой себя, когда ты вдруг загорись во тьме поярче любого костра. Но это пламя не обжигает, оно дарит свет и надежду тем, кто отчаялся в пути, кто не может найти верную дорогу.

— А "белое золото"?

— А с "белым золотом" еще интересней. Хакардийцы иногда называют этот шелк просто "солнечным" — он впитывает в себя солнечный свет и тепло, чтобы щедро одарить ими тех, кто окажется рядом. Но у "белого золота" есть и еще одна особенность — платья из этого шелка отзываются не только на солнечный свет, но и на свет души своей хозяйки, если можно так сказать о наших мыслях и чувствах. Ни один человек с черной душой и черными мыслями не сможет долго носить такое платье — оно потеряет свою белизну, потемнеет и начнет тускнеть.

— Неужели такое бывает? — недоверчиво спросила Эвелина. — Что-то я не слышала, чтобы платье, пусть даже из самой волшебной ткани, темнело от черных мыслей своей хозяйки. Да и про "белое золото" все рассказывают только как про ткань, сияющую солнечным светом, никто не говорил, что белый хакардийский шелк может потемнеть.

— Да какая же дама признается в том, что своими черными мыслями, испортила дорогое платье?! — возмутилась Сесиль, слегка задевая сомнениями подруги. — Эвелин, поверь мне, я знаю, что говорю! Семь лет назад я сама видела, как темнело платье графини Шенброк, сшитое из "белого золота"! Она даже надеть его ни разу не смогла — платье начало тускнеть уже при первой примерке! А когда эта дама надела готовое...

— Верно, верно, — подхватила Марта, — я работала тогда у мадам и прекрасно помню, как все произошло. Леди только надела платье, начала рассматривать себя перед зеркалом, и вдруг увидела, что белый цвет темнеет, а золотое сияние шелка совсем померкло. Ох, и визгу было! В чем только она нас не обвинила тогда: и в заговоре, и в колдовстве...

— Да, все так и было, — мадам Лилье кивнула, подтверждая слова помощницы, — за работу она так и не расплатилась, а ее муж грозился, что заставит нас вернуть стоимость испорченного шелка. Уж не знаю, чем могла бы закончиться эта история, если бы не...

Сесиль оборвала себя на полуслове, виновато взглянув на Эвелину. Но графине Роддерик не надо было объяснять, какие события имела в виду подруга.

— Ты хотела сказать, если бы не мятеж и последовавший затем разгром заговорщиков?

— Да, дорогая, — виновато согласилась мадам Лилье, — прости, что напомнила тебе про эти дни.

— А знаешь, Сеси, — Эвелина улыбнулась, но легкая печаль таилась в ее улыбке, — ведь из того отреза шелка, что не пошел на пользу графине Шенброк, ты вполне могла сшить мое свадебное платье...

— Как такое может быть? — искренне удивилась модистка.

И графиня Роддерик рассказала историю, услышанную в доме Крейстона, не забыв упомянуть и про аванс, еще в те годы внесенный Северином.

— Эвелина, но это же просто невероятно, это чудо, что семь лет назад твой Северин выбрал тебе ткань для платья к Лунному Балу! И вот что я сейчас скажу — у тебя будет самое лучшее платье, какое только можно сшить! Это обещаю тебе я, Сесиль Лилье, лучшая модистка Армании и Дарнии!

Маленькая фигурка застыла на месте, упрямо сдвинув брови и высоко вскинув подбородок, словно ожидая, что с ней будут спорить. Но спорить было некому — девушки полностью поддерживали свою хозяйку, а Эвелина обняла подругу и весело сказала:

— Верю, Сеси, конечно, я тебе верю! На свете просто нет платья, которое ты не смогла бы сшить!

— А вот это в точку! — довольно заявила мадам Лилье и все дружно рассмеялись. — Но вот что, дорогая, прежде чем мы приступим к твоему платью, посмотри-ка на девочку — что ты теперь скажешь о ее наряде?

Девушки расступились, давая графине Роддерик возможность увидеть Кэти в полуготовом наброске, который вскоре будет ее бальным платьем. Фрейлина, повинаясь движению руки Эвелины, медленно закружилась, давая возможность рассмотреть себя со всех сторон. Сияющие глаза самой Кэтрин сильнее всяких слов говорили о том, как ей нравится будущее бальное платье. Да и графиня Роддерик почувствовала удовлетворение: платье получалось не просто "лучше, чем было", оно обещало стать великолепным!

Темно-сиреневый флер с серебряной нитью скрыл блеклые краски атласного лифа, юбки из шифона цвета яркой сирени, немного приподнятые сзади, расширялись вниз постепенно, не сразу, создавая форму колокольной чаши. Полоска темно-сиреневого флера с серебряной окантовкой была пущена по верхней юбке, придавая торжественность наряду. Рукава, как и обещала мадам Лилье, всего лишь наметили легким касанием шифона к плечам и предплечьям. Не было никаких рюшей и воланов, платье получалось праздничным, но не вычурным, как раз под характер Кэтрин, не любившей никакой помпезности. Легкая серебристо-сиреневая дымка флера в прическе девушки — и наряд был почти готов, оставалось только сшить по наметке.

— Ну вот, теперь совсем другое дело! — удовлетворенно заметила графиня Роддерик. — В таком наряде можно и с принцем Лунный Вальс танцевать, так Кэтрин?

Расшалившаяся Эвелина весело подмигнула Кэти Брайтон, с удовольствием наблюдая, как быстро вспыхнули ее щеки после, казалось бы, шуточного вопроса. Девушки из ателье подхватили шутку, посмеиваясь над смущенной фрейлиной, а вот мадам Лилье задумалась. Она серьезно глянула на подругу, и Эвелина чуть прикрыла глаза, утвердительно отвечая на ее молчаливый вопрос.

Закончив с платьем Кэтрин, хозяйка ателье оставила с ней Марту — устранять последние недоделки, отправила девушек по рабочим местам, а сама устроилась рядом с Эвелиной — обсудить фасон платья из "белого золота".

Понятно было, что такой материал нельзя облекать в жесткие формы, платье должно быть свободным, легким, почти воздушным — "ну вот представь, что ты одна из фей той долины и придумай, какое платье ты стала бы носить". Эвелина лишь улыбнулась на эти слова, подумав, что сказала бы ее Сеси, узнай она о самоназначении первой фрейлины королевы на должность крестной феи? Но вслух ничего подобного не произнесла. Они обсуждали фасоны и, наконец, сошлись на одном, устроившем их обеих. Модистка и графиня подошли к столу, где мерцал золотом таинственный шелк, и Эвелина, повинаясь какому-то внутреннему чутью, вдруг обратилась к куску ткани, как к живому существу:

— Прости, дорогой, что мы будем резать тебя, — графиня нежно провела рукой по шелку, и он как будто ответил ей, засиял ярче и ласковым теплом прикоснулся к погладившей руке, — мне так жаль, что мы, люди, не умеем творить чудеса, создавать красоту, не причиняя боли...

— Ты увлеклась, Эвелина, разве ткань, даже самая волшебная, может чувствовать боль? — мадам Лилье осторожно дотронулась до плеча подруги, призывая ее оторваться от созерцания золотого света.

— А мне все кажется, что шелк, чувствующий мысли, не может быть мертвым и бездушным, — призналась графиня, виновато глядя на модистку.

И вдруг, словно отзываясь на только что сказанные слова, "белое золото" засияло нестерпимо ярко, так что девушки вкрикнули и закрыли глаза, защищаясь от ослепляющего света. А когда сияние угасло, на столе лежало бальное платье — самое легкое и воздушное, самое прекрасное из всех возможных. Платье, какое могла бы носить фея, оказалась она сейчас среди людей.

— Но это невозможно, совершенно невозможно... — шептала изумленная Сесиль Лилье, — ни одна портниха мира не смогла бы сотворить такое чудо! Это не шелк, это лучи солнца, воплощенные в ткани!

И правда, казалось, что солнечные лучи вплетаются в невесомую материю, собираются там в полосы света и золотистыми волнами создают силуэт волшебного платья.

— Велли, — в потрясении от только что произошедшего чуда мадам Лилье даже не заметила, как сократила имя графини, — скажи мне правду: у тебя в роду были феи?

— Не знаю, Сеси, — Эвелина отвечала вполне серьезно. Сейчас, когда на ее глазах волшебный шелк превратился в необыкновенное платье, графиня готова была поверить любому новому чуду. Даже в то, что она сама стала феей.

Мастерицы ателье, испуганные яркой вспышкой, сбежались как бабочки на огонь и, сейчас, почти не дыша, любовались чудесным нарядом. Первой опомнилась Кэтрин, она умоляюще посмотрела на графиню и попросила:

— Ваша Светлость, наденьте, пожалуйста! Позвольте нам увидеть Вас в этом платье!

Сесиль Лилье и все девушки присоединились к просьбам, да и самой Эвелине не терпелось увидеть себя в волшебной обновке. Она согласно кивнула, и модистка быстро принялась помогать подруге переодеваться. Когда, наконец, графиня Роддерик надела свое необыкновенное платье и взглянула на себя в зеркало, она замерла, не узнавая девушку в отражении. Сияние платья стало более приглушенным, оно не затмевало все вокруг своим блеском, а всего лишь мягко освещало нежные черты лица и теплым солнечным облаком окутывало стройную фигуру. Эвелина с удивлением рассматривала невероятно красивую молодую женщину в зеркале и никак не могла поверить, что видит там саму себя.

— Дорогая моя! — выдохнула Сесиль Лилье — Тебе королевским указом надо было запретить носить черный! Ну как ты могла прятать от всех такую красоту!

— Это всего лишь волшебство шелка... — попыталась сказать Эвелина, но восторженные голоса девушек не дали графине договорить. Их дружный хор был так настойчив, что Эвелина быстро перестала отбиваться от комплиментов и просто любовалась отражением в зеркале.

Когда пришло время снимать платье, графиня невольно вздохнула — так тепло и уютно было ей в волшебном наряде и настолько красивой она в нем выглядела!

— Не грусти, моя фея, — смеясь сказала мадам Лилье, — ты ненадолго с ним расстаешься. Уже сейчас заберешь его с собой, а через два дня обновишь свой сказочный наряд на Лунном Балу!

— Да, ты права, Сеси, — признала Эвелина, — но мне так хорошо в нем, так... Вот просто слов нет, чтобы высказать!

— Понимаю, — мадам Лилье говорила с подругой и одновременно помогала ей надеть прежнее черное платье, — но не можешь же ты всю жизнь проходить в одном и том же!

— А знаешь, — Эвелина нежно погладила снятое и бережно сложенное рядом платье, — в этом, наверное, смогла бы. Уж очень оно пришлось мне по душе.

И снова в ответ на добрые слова и ласку женской руки, платье отозвалось теплом и светом, словно показывая, что слышит и понимает свою хозяйку.

— Невероятно, никогда не видела ничего подобного! — мадам Лилье, да и все девушки,

столпившиеся вокруг, не скрывали своего восторга. Им довелось увидеть самое настоящее чудо, в этом все они были уверены. Но Сесиль Лилье не была бы самой успешной модисткой Арма, если бы позволяла себе долго витать в облаках. Она оглядела бездельничающих мастериц и спросила так строго, как только могла:

— Так, а почему здесь никто не работает? Вы что, забыли, что должны переделать сиреневое платье леди Брайтон? Если успеете сделать все сегодня и никаких нареканий не будет, завтра же закроем мастерскую на несколько дней! Несколько готовых платьев я и сама отдам заказчицам, а вы свободны, можете начинать готовиться к Лунному Балю!

Глава 14

Радостный слаженный визг не дал мадам Лилье договорить. Счастливые девушки подхватили Кэти и помчались в швейный цех — скорей, скорей все доделать, чтобы завтра уже заняться только собой и своими платьями.

Смеющаяся Сесиль перехватила одну из них, приказав принести чай и сладости для себя и Эвелины. В ожидании Кэтрин, подруги удобно устроились в мягких креслах и наслаждались ароматным чаем с вкуснейшими конфетами.

— Все же мне повезло больше, чем моему соседу месье Шенье, — с удовлетворением заметила Сесиль, — у меня уже, можно считать, все заказы выполнены, завтра отдам последние платья — и все, объявляю выходные на неделю, не меньше! А вот он, бедолага, до сих пор никак не разберется со своими клиентами. Особенно один придиричивый попался — старший внук Берти Линнелъ.

— Это какой же? — заинтересовалась Эвелина. — Корнелис, тот, что звездами увлекается?

— Нет, что ты, дорогая! — Сеси чуть презрительно отмахнулась от такого предположения. — Корнелис — младший, а не старший. Он и на Бал не особенно собирался, а если и пойдет, то какой костюм ему ни одень — такой недотепа даже не заметит разницы!

— А кто же у них старший? — не то, чтобы Эвелине было особенно интересно, но надо же поддерживать разговор.

— Эвелин, как ты можешь не знать?! — Сесиль явно была потрясена неведением подруги. — Не знать то, что давно известно всем жителям Арма! Да ведь старший внук Берти Линнелъ и есть тот самый знаменитый менестрель, Айвен Лунный Бродяга!

— Да ты что?! — графиня Роддерик не скрывала изумления. — Но как могло случиться, что оба купеческих сына нашли себе дело, совсем не связанное с торговлей?

— Ой, там темная история, — мадам Лилье, довольная вниманием подруги, чуть кокетничала, набивая себе цену, — говорят, что жена купца Линнелъ из дворян, но точно никто ничего не знает!

Модистка со значением глянула на графиню, и Эвелина нетерпеливо схватила ее за руку:

— Сеси, прекрати тянуть кота за хвост, рассказывай мне все, что ты знаешь про этого Айвена!

Мадам Лилье, донельзя удивленная волнением графини, попыталась было что-то спросить, но оборванная резким и строгим: "Рассказывай немедленно, все вопросы потом!", — только вздохнула. Когда Эвелина Роддерик была в подобном настроении, спорить с ней решались только те, кто плохо ее знал.

Сесиль Лилье к подобным наивным людям себя не относила, а потому послушно принялась выкладывать все, что ей было известно о семье Линнелъ.

А известны ей были те сплетни, что ходили среди горожан больше двадцати лет назад. В городе до сих пор помнили, как молодой купец Трейн Линнелъ вернулся домой из первой самостоятельной торговой поездки. Он вернулся не один, а с юной прекрасной девушкой и заявил родителям, что она — его жена. О девушке никто ничего толком не знал, только то, что она сама о себе рассказала. А рассказала она немного — звали ее Сюзанна, родом с юга, сирота, без родных и друзей.

Где жила до встречи с Трейном, почему убежала оттуда, как могло случиться, что у молодой, прекрасно воспитанной девушки нет никакой родни?

— Она не объявляла себя дворянкой, — увлеченно рассказывала Сесиль, — но ее происхождение и так было понятно: по нежным ручкам, по тому, как она говорила. Да и музыка Сюзанна была обучена, и языкам — всему, чему дворянских дочерей обучают. Старшие Линнели поначалу не хотели признавать невесткой пришлую незнакомку, но Трейн угрожал уйти из дома, и они смирились. Вскоре выяснилось, что Сюзанна ждет ребенка, а Трейн и не отказывался, сразу заявил, что ребенок от него.

Но когда мальчик, Айвен то есть, родился, в нем ни одной черточки от Линнелей не было. И на Сюзан не похож совсем — она черноглазая, а мальчишка в особую породу южан пошел, в тех, кто сам черный, а глаза светлые. И вот тогда Берти Линнелъ совсем невестку со свету сживать начала: и ребенок на ее сына не похож, и родился раньше срока, если от того дня считать, когда Сюзанна к торговому каравану Трейна прибилась. Трейн Линнелъ поспорил было с матерью, а потом взял семью, да и съехал от родителей, дом снял и свое дело открыл. Почти два года старшие Линнели с сыном не общались, а потом Лунный Бал объявили, ну тот, что двадцать два года назад был. И все, весь Арм увидел — какой яркий Лунный Цветок вокруг Трейна и Сюзан засиял!

Сесиль рассказывала с таким восторгом, словно видела все своими глазами, и графиня невольно увлеклась историей купца и юной дворянки. Эвелина живо представляла испуганную девушку, пристающую к купеческому каравану, и молодого купца Линнеля, взявшего опеку над юной незнакомкой. Были они супругами, когда приехали в Арм, или стали ими только потом, пожив рядом и привыкнув друг к другу, — графиню Роддерик сейчас не интересовало. Она думала, как же извилисты порой бывают линии судьбы, вот и простой менестрель вдруг оказался дворянином, пусть только наполовину.

Эвелина вернулась из своих мыслей к рассказу подруги как раз вовремя, чтобы услышать, как танец на Лунном Балу и раскрывшийся Цветок изменил отношение Берти Линнеля к невестке. Свекровь сама приехала к семье сына с просьбой о прощении, и младшие Линнели вернулись в родительский дом. Вскоре родился второй сын, тот самый Корнелис. И дедушка, и бабушка души не чаяли во внуках, особенно в старшем.

— В его внешности, конечно, ничего от Линнелей нет, но старик всегда утверждал, что внук в него умом пошел. Образование им обоим хорошее дали, и языкам учили, и наукам, и музыке — все, как Сюзи Линнель захотела. И вот образование это дворянское их и стубило, — глубокомысленно заметила Сесиль, вызвав невольный смешок у подруги, — напрасно ты смеешься сейчас, Эвелина. Купцам надо свое торговое дело знать, ну может языки еще, географию — если они с другими странами торгуют. А изучать звезды, музыкой заниматься — эти занятия совсем не для тех, кому суждено торговлей на жизнь зарабатывать! Вот и доучились внуки Линнеля до того, что младший ни о чем, кроме звезд думать не может, а старший совсем из дома ушел.

— Но не просто же так он ушел, Сеси, была какая-то причина?

— Старый Линнель надумал старшего внука женить, чтобы дурь из головы выветрилась. Невесту ему нашел из хорошего купеческого рода, а внук возьми — и откажись жениться. Не готов еще, говорит, к семейной жизни. Вот тогда Айвен и разругался с домашними: и с дедом, и с отцом, и с Берти Линнель. Да так разругался, что из дома ушел — доказать родным, что у него своя голова на плечах есть и решения он сам за себя принимать будет! — торжествующе выпалила Сесиль и уставилась на подругу, ожидая ее реакции. Эвелина же рассмеялась и спросила совсем не то, чего ждала модистка.

— Сеси, ну вот откуда тебе все так хорошо известно? Я готова поверить, что ты сама участвовала в скандале семейства Линнелей.

— Вот еще, выдумала! — мадам Лилье с возмущением глянула на Эвелину, — Мне вполне хватило рассказов Берти Линнеля — она же у меня одевается. Не в бальные платья, конечно, но, знаешь, на ее вкус угодить посложнее будет, чем на придворных модниц! А уж сколько я в те дни про ее непутевого внука наслушалась — ты представить себе не можешь! И главное, ну никак она не понимала, почему ее Айвен из спокойного уютного дома ушел по дорогам шляться? Все переживала, где он там и что с ним?

— Так сейчас Айвен домой вернулся? И сколько же лет его не было?

— Ну, как сказать, вернулся... — Сесиль задумалась, подбирая точные слова, — домой-то он зашел, но живет отдельно, у них не остановился. Но все Линнели знают, что их Айвен будет петь в королевском дворце перед гостями Лунного Бала, и очень им гордятся! А пригласила его лично королева Амалия, верно, Эвелина?

Графиня Роддерик, кивнула, подтвердив слова о королеве, и мадам Лилье продолжила:

— Не было Айвена, наверно, лет пять или чуть больше. Уходил совсем еще мальчишкой, а вернулся сейчас — видела я его издали — красивый такой, фигура совершенно мужская: высокий, плечи широкие, сильный! Ничего мальчишеского в нем не осталось. Да и не бедным вернулся — слава впереди него бежит, а деньги за выступления, говорят, ему такие платят, что не удивлюсь, если он уже и дом себе в столице купил!

— Так, значит, Лунный Бродяга теперь насовсем в Арме останется, только здесь выступать будет? Ой, вот хорошо бы было! — это раздался от двери восторженный голосок Кэтрин. Девушка уже переоделась и была готова отправляться во дворец, она только ждала графиню, ну и, заодно, слушала рассказ мадам Лилье.

— Кэти, ты уже готова? Присядь рядом, скоро мы уходим — нас ждет ужин в "Веселой утке", надеюсь, ты не забыла? — сухой тон графини смутил девушку, и она умолкла, соображая, в чем успела провиниться. Но дело было совсем не в Кэтрин — графине Роддерик хотелось вытянуть из подруги все, что та знает про Айвена и понять, как можно использовать эту информацию.

— Так что там с костюмом Айвена для Лунного Бала? — напомнила Эвелина мадам Лилье.

— Ах, да, ты же еще не знаешь! — Сесиль вспомнила, с чего начала рассказ о блудном

менестреле. — Как только Айвен появился у родных и объявил, что будет выступать на Лунном Балу, старуха Линнель потянула его к месье Шенье — лучшему мастеру по мужским костюмам. Айвен сначала отказывался, но бабушка его уговорила "не позорить семью и одеться как положено". И вроде все хорошо шло, мне сам Шенье так говорил. И модель костюма они выбрали, и выкройку удачную сделали, и отделку подобрали. А на днях Айвен пришел в нему в мастерскую, мрачный как туча, и заявил, что костюм его должен быть черным. Представляешь, Эвелина?! Совершенно черным, даже без всякой отделки!

Ну, Шенье не так-то прост, он тут же доложил Берти Линнель. Старуха как узнала, так за сердце и схватилась. Все допытывалась у внука, что случилось, почему он черный цвет выбрал, но так и не узнала ничего. Айвен только сказал: "Или в черном костюме пойду, или меня совсем на Балу не будет!" А Берти Линнель заявила, что если ее внук черный наденет, то вместо Бала будет на ее поминках в этом костюме сидеть! Вот и вышло так, что у Шенье один заказ до сих пор даже не начат: ну как тут выберешь ткань, чтобы и одному заказчику угодить, и другого не обидеть! С Берти Линнель он ссориться не хочет, но и внук бабке в упрямстве не уступает, вот и не знает мастер: кого слушать, какой цвет для костюма выбрать.

— Я знаю цвет! — решительно заявила графиня Роддерик. Она примерно представляла себе, что могло случиться, если менестрель выбрал черный костюм, и не собиралась мириться с такой несправедливостью. Одной певицы в черном на Лунном Балу вполне хватит, незачем еще и певца ей под стать наряжать!

— Ты знаешь, Эвелина? Но откуда? И как ты можешь быть уверена?..

Эвелина прервала подругу и уже более спокойно пояснила:

— Точнее, я не совсем знаю. Я знаю имя дамы, к которой Лунный Бродяга равнодушен, и уверена, что он согласится на костюм в тон ее платью.

— Так кто эта дама, Эвелина, дорогая, ты ведь мне скажешь? — в глазах мадам Лилье загорелось такое искреннее любопытство, что графиня не смогла сдержать улыбки.

— Скажу, пожалуй, без твоей помощи мне не обойтись. Но обещаю, что никто, слышишь, никто не узнает ее имени хотя бы до Бала. После Лунного Бала, так уж и быть, можешь рассказывать, но раньше...

Эвелина умоляюще посмотрела на свою подругу, не всегда умевшую держать язык за зубами.

— Сеси, дорогая, если ты расскажешь прежде, чем они станцуют Лунный Вальс, этот танец может вообще не состояться, понимаешь. Рядом с девушкой есть человек, который сделает все, чтобы не допустить ее встречи с Айвеном. Думаю, он уже что-то предпринял, поэтому наш менестрель и потребовал костюм черного цвета.

— Эвелин, ну за кого ты меня принимаешь? — возмущение мадам Лилье было неподдельным. — Конечно, я никому не скажу. Уж два-то дня я смогу удержаться, чтобы не сообщить такую важную новость!

Звонкий смех мадам Лилье подхватили и Кэтрин, и Эвелина. Графиня Роддерик, смеясь, сказала, что не сомневается в выдержке своей подруги, и поднялась, собираясь уходить. Но прежде она подошла к своему драгоценному платью, чтобы попрощаться с ним.

— Не скучай без меня, — графиня прикоснулась к легкому шелку и улыбнулась ответному теплему сиянию, — тебя укроют сейчас плотной тканью и отправят во дворец, в мои комнаты. Сегодня же вечером мы встретимся, а через два дня отправимся на Бал!

Переливы света, пробежавшие по всей длине платья, были ей ответом. Графиня улыбнулась волшебному наряду и повернулась к Кэтрин, замороженно наблюдавшей за ее действиями.

— Кэти, ну что ты застыла? Мы отправляемся или ты хочешь дожидаться готового платья?

— Ждать не обязательно, — ответила за Кэти мадам Лилье, — все детали оговорены, платье не раз примеряли — оно сидит на девушке просто идеально. Перед тем, как отправить наряды вам во дворец, я лично просмотрю сиреневое платье еще раз. Уверена, что проблем с ним больше не будет.

— Отлично, Сеси. Да, и вот еще что, — графиня вспомнила важную деталь, — Скажи, ты обращаешься к услугам мага, чтобы зачаровать платье от порчи?

— Само собой, Эвелина! По просьбам клиенток, конечно, и за отдельную оплату.

— Оплата будет, — улыбнулась графиня практичности подруги, — будь добра, вызови мага, чтобы он зачаровал сиреневое платье. А солнечное, думаю, и само за себя постоять сумеет.

Эвелина мельком глянула на свой наряд и успела заметить, как волшебное платье, словно подтверждая ее слова, сверкнуло яркой молнией и почти сразу вернулось к прежнему спокойному сиянию.

— Невероятно! — выдохнула Сесиль, тоже заметившая блеснувшее молнией платье, — Думаю, магу его и показывать не стоит, чтобы избежать лишних расспросов.

— Согласна с тобой, дорогая, но для сиреневого платья мага обязательно пригласи, — Эвелина кивнула подруге и обратилась к Кэтрин, — Кэти, так ты готова, можем идти?

И опять фрейлина Брайтон не успела ответить, возмущенный возглас мадам Лилье остановил ее попытку:

— Эвелина, что значит "можем идти"?! Ты же не назвала имя таинственной возлюбленной Айвена!

— Ах, да, конечно, — графиня умолкла с задумчивым видом, как бы вспоминая,

— Эвелин, брось притворяться, думаешь, я не раскушу твоих уловок! — Сесиль Лилье готова была не в шутку рассердиться на подругу, когда смеющаяся графиня поймала ее и притянула поближе к себе.

— Маркиза Эльзи д'Анжу, — сказала Эвелина шепотом, так чтобы слышала только мадам Лилье.

— Ах, вот он что... — Сесиль задумалась, — ну что же. пожалуй, я знаю, какого цвета должен быть костюм менестреля...

— Какого? — живо спросила Эвелина.

— Зеленый, моя дорогая, сочный и яркий, классического изумрудного оттенка! В нашем ателье шили бальное платье для девушки и, поверь мне, она будет одной из первых красавиц Бала! Тот старый дракон, что оплатил платье, не поскупился для юной леди. Но, боюсь, ей бедняжке, не в радость были его щедроты. Она и платьем-то особо не интересовалась, все говорила "делайте, как хотите, вам лучше знать".

— Ах, Сеси, я уверена, что старый негодяй подстроил какую-то подлость, чтобы разлучить влюбленных! Если бы я могла хоть раз встретиться с девушкой до Бала!

— Ну встретиться ты с ней можешь, — неожиданно заявила мадам Лилье, — ее платье потребовало особо сложной отделки, и мы немного задержали его в ателье. Так что, за готовым платьем юная леди придет только завтра, в первой половине дня.

— Как удачно, Сеси, как замечательно все выходит! Я как раз собиралась завтра с утра заехать к обувщику и галантерейщику — подобрать туфли и перчатки под наши с Кэти платья. И теперь уж обязательно заеду к тебе — поговорить с девушкой, выяснить, что могло случиться между ней и Айвеном! Не отпускай ее без меня, слышишь, Сеси? Если она появится раньше, придумай что-нибудь, чтобы задержать ее. Сделай это для меня и для них, дорогая моя, и двое влюбленных будут обязаны тебе своим счастьем! — графиня не сумела сдержать переполнявшие ее радостные эмоции, она схватила подругу за руки и закружила по примерочной.

Легкая на подъем Сесиль Лилье, смеясь, подхватила движения Эвелины, а когда дамы остановились, запыхавшаяся модистка весело спросила:

— Так какого цвета шьем костюм менестрелю?

— Зеленого, Сеси, только зеленого, того же оттенка, как платье! И отделку, подходящую, чтобы они с девушкой смотрелись парой. Сможешь донести нашу идею до месье Шенье?

— Идею-то я донесу, и даже платье донесу, — задумчиво сказала мадам Лилье, — а вот кто убедит старика, что зеленый цвет устроит его заказчика?

— Скажешь, что так распорядилась графиня Роддерик, первая фрейлина королевы Амалии, — Эвелина гордо вздернула свой аккуратный носик, — думаю, авторитета королевы будет достаточно, чтобы месье нам поверил?

— Королевы или ее первой фрейлины?

— Ай, дорогая, какая разница! — Эвелина небрежно махнула рукой на сомнения Сесиль, — Главное, правильно подать информацию, так чтобы ни у кого не возникло подозрений, что первая фрейлина королевы действует не от имени Ее Величества! А уж это-то ты сумеешь, верно?

— Сумею, не сомневайся, — смеясь заверила подругу мадам Лилье, — сразу после вашего ухода пойду порадовать старика, что цвет костюма Лунного Бродяги выбран решением первой фрейлины

королевы.

— Точно! И это решение изменить никому невозможно! — веселая Эвелина подняла руку с вытянутым вверх указательным пальцем и, погрозив им кому-то невидимому, значительно заявила, — Вы слышите меня, герцог? Никому!

После такого заявления графини смеющаяся Сесиль выпроводила их с Кэтрин из ателье, сказав, чтобы не мешали больше своими "выступлениями на публику".

И графиня Роддерик,

взяв под руку Кэтрин Брайтон, в самом лучшем настроении отправилась в "Веселую утку", рассчитывая не только на хороший ужин, но и на доверительный разговор с маленькой фрейлиной, влюбленной в принца.

Глава 15

Ресторанчик "Веселая утка" пользовался особой популярностью у знатных аристократок Арма. Вкусные изысканные блюда, легкие приятные вина можно было найти и в других ресторанах. Но "Веселая утка", кроме отличной кухни и разнообразной карты вин, привлекала клиенток еще и своей уютной, почти домашней, обстановкой, позволяющей почувствовать себя не на королевском приеме, а в кругу друзей. Были в ресторанчике и, так называемые, "королевские кабинеты" — столы, устроенные в особых нишах, магически защищенные от просматривания и прослушивания, — места за ними заказывали, заранее предупреждая хозяев.

Графиня Роддерик отправила посыльного с заказом на "королевский кабинет" сразу, как только решила ехать в город вместе с Кэти. Ей необходимо было переговорить с девушкой, чтобы убедиться в искренности ее чувств к принцу Дэниэлю, а более надежного места для разговора нельзя было придумать.

Эвелину и ее спутницу уже ждали в ресторане — хозяин лично встретил дам у входа и проводил к заказанному столику. Место было удобное: девушки свободно могли наблюдать за публикой в зале или рассматривать в окно прохожих. Но, благодаря магической защите, их самих никто не сумеет толком разглядеть и запомнить, а услышать о чем они говорят было совсем невозможно. Столик обслуживали только доверенные официанты, и репутация заведения была самой надежной гарантией того, что разговор Эвелины и Кэти останется тайной для любого, излишне любопытного, клиента.

Графиня Роддерик не спешила начинать серьезную беседу. Чай в "Ателье мадам Лилье" не заменил пропущенный обед, так что прежде серьезных разговоров обеим девушкам следовало хорошо поесть, чтобы восстановить утраченные за день силы.

Эвелина уже не первый раз была в "Веселой утке", так что, с согласия Кэти, она выбрала блюда и вина на свой вкус. Кэтрин, которой в суматохе примерок даже и чая не досталось, с большим аппетитом ела все, что приносили услужливые официанты. Легкое розовое вино — "дамское", как чуть пренебрежительно отозвался о нем хозяин, лично принимавший заказ — тоже понравилось маленькой фрейлине. Глаза уставшей девушки заблестели, щеки порозовели — под цвет выпитого вина, — а, когда принесли десерт, насытившаяся Кэти с тяжким вздохом откинулась в удобном кресле.

— Ой, Ваша Светлость, спасибо Вам! Все было очень вкусно, я так наелась, что и самый маленький кусочек больше не поместится!

— Ты очень пожалеешь, Кэти, если не попробуешь здешние десерты, — смеясь, предупредила девушку Эвелина, — более вкусного пирожного с бизе и взбитыми сливками не готовят даже во дворце!

— Правда? — глаза Кэтрин стали совсем большими от удивления — она не могла представить себе, что где-то готовят вкуснее, чем на дворцовой кухне. — Тогда я обязательно попробую. Вот только совсем чуть-чуть отдохну и попробую!

— Правильное решение, Кэтрин Брайтон! — графиня Роддерик подняла бокал, шутливо салютуя своей спутнице, отпила немного и, отставив вино в сторону, совсем другим, серьезным тоном предложила юной фрейлине — А пока отдыхаешь, расскажи мне, малышка Кэти, когда вы с принцем Дэниэлем успели полюбить друг друга?

— Но откуда Вы?.. — Кэтрин вскрикнула от удивления, услышав вопрос первой фрейлины, и умолкла на полуслове.

— Если бы только я... — с легкой усмешкой ответила Эвелина, — вчера вечером вас с Дэниэлем выследила Мышильда. И теперь весь дворец, включая королеву, а может быть, и короля, знает о вашей любви и о том, что принц собирается пригласить тебя на Лунный Вальс.

— Так вот почему?.. — Кэтрин опять не договорила, она побледнела как полотно, когда осознала, что про их вчерашнее свидание знает королева. Слова застряли у девушки на языке, и Кэти растерянно смотрела на первую фрейлину, не зная, чего от нее ожидать: дружеской поддержки или жесткого выговора.

Эвелина поняла состояние девушки и ласково улыбнулась ей:

— Я не враг тебе, Кэти. Меньше всего я собираюсь мешать вашей с Дэниэлем любви, но, к сожалению, вокруг принца очень много тех, кто готов разлучить вас ради высоких целей.

Маленькая Кэтрин, испуганная словами графини Роддерик, совсем спряталась в глубоком кресле, только большие синие глаза звездами сияли на бледном личике, да золотистые локоны выделялись

на темном фоне обивки.

— Кэти, я очень хочу помочь вам, но прежде чем вмешиваться, мне нужно понять, насколько серьезны ваши чувства. Дэниэль обручен с принцессой Дарнии Александриной и, чтобы разорвать их помолвку, нужен повод намного сильнее легкой влюбленности!

Слова Эвелины о "легкой влюбленности" неожиданно задели маленькую фрейлину. Щеки Кэтрин вспыхнули, девушка гордо выпрямилась в кресле и дрогнувшим от волнения голосом заявила:

— Ваша Светлость, я люблю Дэниэля по-настоящему, так люблю, что готова все отдать ради его счастья! И он любит меня точно также сильно! Дэн... то есть Дэниэль, рассказывал мне о помолвке с принцессой Дарнии. Он знает, что Александрина любит не его, а совсем другого человека. Дэниэль собирался лично поговорить с принцессой перед Балом. Ваша Светлость, он уверен, что принцесса поймет нас и не будет в обиде за несостоявшуюся свадьбу!

Кэтрин умоляюще смотрела на графиню своими огромными глазами, и Эвелина только вздохнула, поддаваясь сочувствию к влюбленным.

— Вот что, Кэти, давай-ка, пока мы вдвоем, обращай ко мне без всяких Светостей и Сиятельств, договорились? Про план Дэниэля в отношении принцессы Александрины я поняла. Но объясни мне, как случилось, что наследный принц Армании полюбил скромную незнатную фрейлину?

— Да я и сама не очень понимаю, почему он так полюбил меня, Ваша... Эвелина, — быстро поправила Кэти под строгим взглядом графини Роддерик. А потом начала рассказывать историю их любви: маленькой незнатной фрейлины Кэтрин Брайтон и наследного принца Армании Дэниэля.

Начался ее рассказ с самой первой встречи, почти семь лет назад, когда принцу Дэниэлю было тринадцать, а маленькой Кэти чуть больше десяти лет.

Совсем недавно разгромили заговорщиков, посланники короля только начали восстанавливать законный порядок в тех областях страны, где шла гражданская война. И прежде всех остальных забот, король Август приказал собрать во дворце дворянских детей, оставшихся сиротами после гибели родных. Их отцы не изменили присяге на верность и героически погибли в битвах с изменниками, а сейчас настало время короля вернуть долг семьям, лишившимся кормильцев.

Слушая Кэти, Эвелина вспомнила события того времени и детей, неожиданно появившихся во дворце. Их было немногим больше десяти, мальчики и девочки от семи до двенадцати лет. С сиротами занимались учителя, подготавливая их к поступлению в лучшие учебные заведения страны. И маленькую Кэти Эвелина вспомнила: девочка выделялась среди всех золотыми локонами и бойким характером. А еще она была такой маленькой и худенькой, что выглядела лет на семь, не больше. Графиня Роддерик удивилась, узнав сейчас что Кэти было тогда десять, а не семь.

Кэтрин увлеклась рассказом, видно было, что она не раз переживала заново самую первую встречу с Дэниэлем. Их знакомство произошло так легко и просто, как может быть только у детей, необремененных еще условностями света. Маленькая бойкая Кэти, очень не любившая долго сидеть на скучных уроках, ухитрилась сбежать и спряталась там, где ее никто не догадался искать — в закрытой от посетителей части дворца, где располагались покои королевской семьи. Малышка ухитрилась незамеченной проскользнуть мимо стражи и забрела довольно далеко, засмотревшись на непривычную для нее роскошную обстановку.

Неожиданно маленькая Кэтрин услышала капризный мальчишеский голос. Юный принц выговаривал с неловкостью слуге, застегивавшему на нем колет. Кэти Брайтон было так непривычно видеть взрослого, в ее понимании, мальчишка, которого одевали как куклу, что девочка звонко рассмеялась. Удивленный принц не позволил слугам выгнать маленькую незнакомку и, пытаясь реабилитироваться, предложил Кэти посмотреть на его тренировку в фехтовании.

Дэниэль и предположить не мог, что маленькая девочка не раз видела, как ее отец — офицер Его Величества — тренируется сам и тренирует других. Принц думал похвастаться своими успехами, но малышка легко и просто развеяла все его надежды. Понаблюдав немного, Кэти закричала: "Так нечестно, они тебе поддаются!", — и даже сумела объяснить, сколько раз уже закололи бы принца, будь это настоящая схватка.

— Как же он разозлился тогда, Эвелина, Вы представить себе не можете. Он так кричал и ругался на своих разодетых придворных, что я наконец-то поняла — передо мной самый настоящий принц, а не глупый избалованный мальчишка, каким он показался мне поначалу, — Кэтрин увлеклась и рассказывала взахлеб, заново переживая первые детские впечатления. Она совсем позабыла о недавних тревогах и была такой хорошенькой сейчас, что графиня Роддерик невольно залюбовалась непосредственной искренней девушкой. А Кэти продолжала свои воспоминания.

Она, рассказывала, как взрослые хотели прогнать дерзкую девчонку, но принц Дэниэль очень доходчиво объяснил им, что разозлился не на "маленькую нахалку", а на тех, кто "столько лет делал

из него дурака".

— Он сам так сказал, я нисколько не придумываю, — утверждала Кэти, и Эвелина верила словам юной фрейлины. Графиня и сама смутно помнила тревогу, поднявшуюся в покоях королевы и переживания Амалии, узнавшей, что ее сын потребовал "перестать с ним нянчиться и относиться к нему как к мужчине"! Эвелина искренне удивлялась тому, как встреча с маленькой девочкой повлияла на юного принца. Она с интересом слушала, как принц не позволил маленькой Кэти сбежать, защитил ее от сердитых придворных. Дэниэль пригласил девочку пообедать с ним, расспросил, узнал, что Кэтрин осталась сиротой, и очень сочувственно к ней отнесся. А еще он попросил Кэти присутствовать вместе с ним на уроках и тренировках и смотреть, чтобы ему "не давали поблажек".

Жалобы придворных королю успеха не имели — неожиданно для них Август остался очень доволен изменившимся поведением сына и запретил препятствовать его встречам с Кэтрин. Учителя давали уроки сразу двум ученикам и вскоре выяснилось, что в некоторых науках маленькая Кэти знала побольше Дэниэля. Принц не особенно загружал свою память историей и географией, да и над задачками не любил думать слишком долго. А малышка Брайтон на лету схватывала объяснения учителей и не стеснялась задавать вопросы, если чего-то не понимала.

Примерно через полгода, когда для Кэти пришло время отправляться в пансион, юный Дэниэль совершенно изменился. Он не позволял себя одевать, строго следил, чтобы с него спрашивали как с обычных учеников и не делали поблажек на тренировках. А под влиянием рассказов Кэтрин о военных походах — она пересказывала услышанное когда-то от отца и его товарищей — принц даже начал учиться готовить. Если ему пытались запретить, Дэниэль строго говорил:

— Вы хотите, чтобы я однажды заблудился в лесу и умер от голода, потому что ничего не умею?

Запрещавшие умолкали, а король, довольный успехами сына, брал его с собой на охоту и приказал учить принца всему, что может пригодиться в походной жизни.

— Ну вот, а потом я уехала и стала учиться в пансионе, — рассказ Кэтрин увлек обеих девушек настолько, что они и не замечали, как им второй раз меняют остывший чай на горячий. Вкусные пирожные, каких и во дворце не попробуешь, оставались нетронутыми — о них и о чае, временно забыли.

— Сначала Дэниэль часто писал мне, и я отвечала. А потом что-то случилось... Может быть, мои письма перестали доходить до принца, или ему наскучило писать воспитаннице пансиона, но последние три, нет, даже четыре года, мы совсем не переписывались и ничего друг о друге не знали.

Эвелина только усмехнулась: последние три-четыре года Дэниэль был под опекой первого министра, который лично начал воспитывать из молодого принца руководителя государства. Неудивительно, что письма перестали приходить — герцог Берштейн не мог позволить наследному принцу переписку с незнатной девушкой.

Глава 16

— А когда я вернулась во дворец и стала фрейлиной королевы, Дэниэль совсем не обращал на меня внимания. Я думала — он меня забыл или не хочет вспоминать, что мы были знакомы, — голосок Кэти дрогнул от грустных воспоминаний, — А потом была большая королевская охота, и я... меня напугали, я хотела убежать и заблудилась...

Кэти заговорила сбивчиво и неуверенно, и Эвелина сердито вскинула голову.

— Что случилось тогда на охоте, Кэтрин, говори яснее!

— Несколько придворных кавалеров... они начали окружать меня... я знала от девочек про такую игру и хотела убежать...

Графиня нахмурилась, слушая виноватый голос Кэти. Она тоже знала любимую "охотничью" игру придворных шалопаев — окружить юную неопытную фрейлину, увести ее в сторону от общей охоты и взять выкуп за то, что отпустят. Обычно выкуп брали в виде поцелуев, заходить дальше молодые наглецы не рисковали, опасаясь гнева королевы. Но для молоденькой фрейлины и несколько страстных поцелуев опытных ловеласов могли оказаться серьезным потрясением.

— Так ты сбежала от них? — Эвелина требовательно посмотрела на фрейлину, и Кэти, вздохнув, продолжила рассказ.

— Да, у меня получилось убежать, но я гнала лошадь, не разбирая дороги, а когда остановилась, совсем не понимала, где сейчас нахожусь и куда мне идти.

— И что же было дальше?

— Меня нашел Дэниэль! — голосок Кэти зазвучал радостью и восторгом. — Когда меня стали искать, он понял, что могло произойти. И заставил придворных, ну тех, что меня напугали, признаться и показать место, где я от них сбежала. А потом Дэн пустил по моему следу своего Верного, и они меня нашли — Дэниэль и Верный!

Кэтрин с гордостью посмотрела на графиню Роддерик, словно ожидая от нее восторженных отзывов о сообразительности принца. Но так и не дождавшись, продолжила, чуть смущаясь тому, что предстоит рассказать..

— Был уже совсем вечер, почти стемнело, и принц предложил переждать ночь в охотничьем домике, в том, что рядом с горами.

Эвелина кивнула, давая знать, что понимает о каком домике речь, и улыбнулась пришедшим воспоминаниям. Домик на границе леса, рядом с горами, назывался "Убежище влюбленных". Внешне это был обычный охотничий домик, построенный для того, чтобы припозднившиеся охотники могли провести там ночь. Очень часто так оно и было — заезжие охотники готовили себе ужин из собственных припасов или из тех, что находили в доме, проводили там ночь и утром спокойно возвращались по домам. Но если Убежище находила влюбленная пара... Вот тогда никто больше не мог войти в дом, пока там оставались влюбленные, а они получали возможность спокойно объясниться друг с другом, не опасаясь, что им помешают. Люди верили, что здесь не обошлось без магии фей — только феям было под силу устроить Убежище влюбленных в таком, обычном с виду, доме.

Многие молодые пары, зная секрет Убежища, специально приезжали сюда, чтобы признаться в любви, сделать предложение, а иногда, и провести первую брачную ночь. И юный Северин когда-то сделал предложение Эвелине именно в Убежище влюбленных, а сейчас Кэти рассказывала, как она и принц остановились в чудесном доме, защищенном магией фей.

— Мы остались там, и Дэниэль сам приготовил похлебку — он зайца подстрелил — так вкусно было, просто очень! — замечтавшаяся Кэти рассмеялась, наверно, вспомнив Дэниэля в роли повара. — А потом мы с ним так хорошо поговорили! И все выяснили — почему он перестал писать мне письма, и почему сначала не хотел меня видеть...

— Почему же? — немного раздраженно спросила Эвелина, ей вдруг стало обидно, что их с Северином Убежище открыло двери для другой влюбленной пары.

— Он перестал получать письма от меня, а когда написал лично заведующей пансионом — узнать, что со мной случилось, — получил очень странный ответ. Дэниэлю сообщили, что я обручена, люблю своего жениха, и он больше не должен мне писать. Ну какой жених, если мне было не больше тринадцати лет, как я могла встретить и полюбить кого-то, не выходя из пансиона? — Кэти всплеснула руками, искренне удивляясь нелепости подобных домыслов, — Не понимаю, почему заведующая написала так Дэну, может быть, она ошиблась, перепутала меня с кем-нибудь? Но

Дэниэль ей поверил и перестал мне писать. А когда я закончила пансион и вернулась во дворец, он сначала делал вид, что не замечает меня — выжидал, когда же появится этот несуществующий жених. Дэн говорил, что сам хотел понять, как сильно я люблю жениха. И готов был вызвать его на дуэль, чтобы добиться моей любви. Вот смешной, правда? Ну как он мог подумать, что есть на свете еще хоть один мужчина лучше, чем он? Что можно полюбить кого-то другого?

Недоумение Кэти было настолько искренним, что графиня улыбнулась. Ей и самой были близки последние слова маленькой фрейлины: когда-то Эвелина точно также не понимала, как можно кого-то считать лучше ее Северина. Да и сейчас она не знала человека лучше своего погибшего мужа, никого не знала, совсем никого! Графиня Роддерик сердито тряхнула головой, отгоняя глупые мысли, упрямый черный локон в который раз выбился из прически, и девушка привычно вернула его на место.

— Так что же было дальше, Кэти? — быстро спросила Эвелина, не позволяя себе отвлекаться от рассказа фрейлины.

— Мы всю ночь проговорили тогда, — мечтательное выражение больше не сходило с милого личика Кэти, — Дэниэль рассказывал, что все время помнил меня, помнил нашу первую встречу. В те дни он очень старался научиться всему только из-за меня — хотел, чтобы я не смеялась, а, наоборот, восхищалась его успехами. Пока я была в пансионе, Дэниэль не бросил занятия; Он представлял, как мы снова встретимся, и он будет уже совсем взрослым — сильным, умным, отважным, — а я полюблю его. Только после ложных известий о моем обручении, Дэн начал обращать внимание на других девушек, но они ему совсем не нравились, представляешь? Ему не нравилось, что они все время восхищаются им, говорит лстивые комплименты, притворяются. Даже когда Дэн злился и начинал ругаться, девушки совсем не обижались, а хвалили его остроумие. И тогда он решил, что дождется меня и сделает все, чтобы отбить у жениха и убедить в своей любви.

Графиня Роддерик слушала Кэтрин очень внимательно, не перебивая и не задавая уточняющих вопросов. В мыслях она не переставала удивляться, каким сильным оказался характер у маленькой хрупкой девчушки и насколько серьезное влияние она оказала на молодого принца. А Кэти, все больше волнуясь, продолжала:

— Эвелина, он все эти годы помнил обо мне и хотел быть достойным меня, а я помнила его. Понимала, что принц Армании не может любить простую незнатную девушку, но в глубине души надеялась на какое-то невероятное чудо. И чудо произошло, ты можешь мне поверить! В ту ночь принц Дэниэль признался мне в любви, и я призналась, что давно люблю его, — Кэтрин не заметила, как перешла на "ты" в разговоре с первой фрейлиной, а Эвелина не стала поправлять ее. Графине Роддерик было неважно сейчас, как Кэти к ней обращается, важнее были ее чувства, которыми девушка делилась с ней так искренне и доверчиво.

— А потом... — Кэти смущенно умолкла, не договорив фразы, и графиня Роддерик, улыбаясь, продолжила за нее.

— А потом вы целовались и шептали друг другу признания в любви, пока не пришло утро, и вы не слышали крики егерей и придворных, отправленных на поиски принца.

— Ой, а откуда ты знаешь? — глаза Кэти стали совсем большими от изумления, и Эвелина рассмеялась ее детской непосредственности.

— Кэтрин, в моем знании нет ничего загадочного! Все свидания в Убежище влюбленных проходят именно так или почти так! Всю ночь влюбленную пару никто не тревожит — до них попросту не доносятся никакие посторонние звуки. А наутро голоса и шум начинают проникать в домик, и тогда влюбленные сами решают: выходить им оттуда или еще задержаться. А вы как поступили?

— Дэн не мог не выйти, он сказал — иначе весь лес перевернут и наделают много ненужного шума, — Кэти так старательно повторила слова Дэниэля, что графиня Роддерик с трудом сдержала улыбку, — сначала вышел принц, показал, что с ним все в порядке, и велел всем отправляться обратно, а он поедет следом. Дэниэль дал мне свой амулет для отвода глаз, и я смогла вернуться вместе с ним. А когда я появилась среди фрейлин, никто так и не понял, где я была и с кем.

Действительно, вспомнила Эвелина, отсутствие Кэти было замечено, но все, даже Мышильда, решили, что девушка попросту заблудилась и лишь к утру смогла найти верную дорогу.

— Мы встречались в дворце так часто, как только могли и старались, чтобы никто не узнал о наших встречах, — Кэти заканчивала свой рассказ, оставалось совсем немного, чем она еще хотела поделиться с первой фрейлиной, — Дэниэль особенно настаивал, что надо скрывать наши отношения до начала Лунного Бала. Он говорил — нам очень повезло: в этом году будет ночь слияния Трех Лун, и мы сможем перед всеми показать силу своей любви. Когда Лунный Цветок раскроется вокруг нашей пары, никто уже не посмеет нас разлучить. Но до Бала надо быть очень осторожными, чтобы нас не поймали.

— Он верно говорил, Кэти, — графиня Роддерик одобрила слова принца и тут же раздосадованно воскликнула, — но как вы могли допустить, что Мышильда вас выследила?!

О том, что и она сама, и первый министр были свидетелями вчерашнего свидания маленькой фрейлины и принца, Эвелина благоразумно промолчала. Одной Мышильды вполне достаточно, чтобы весь дворец узнал тайну влюбленных, и Кэтрин прекрасно об этом известно.

— Уже оставалось так мало дней до Бала, все было спокойно, никто и не подозревал о наших встречах, и мы почти забыли, что надо скрываться и прятаться от всех, — расстроено пояснила Кэти, — а еще Дэниэль подарил мне тогда кольцо в знак нашей помолвки, и я...

— И ты совсем потеряла голову, так, Кэти? — графиня Роддерик, мило улыбаясь, закончила недосказанную фразу. Кэтрин виновато кивнула, а Эвелина, не скрывая любопытства, спросила: — Кэтрин, а ты носишь подарок принца? Покажешь мне, какое кольцо он для тебя выбрал?

Кэти радостно кивнула, но тут же выражение ее лица сменилось на испуганное:

— Ой, а я же оставила кольцо у Мышильды!

— Как такое могло случиться? — Эвелина недоумевающе и чуть рассерженно посмотрела на растерянную фрейлину.

— Я не хотела носить кольцо до Бала, боялась ненужных вопросов, вот и положила его в шкатулку с украшениями, — торопливо объясняла Кэти, — у меня там еще бусы, заколки...

— Кэтрин!.. — Эвелина прервала девушку, заставляя вернуться к главному вопросу.

— Да, простите, Ваша... Эвелина. Сегодня утром, когда меня собирались перевести в старое крыло, я взяла с собой шкатулку и все время держала ее в руках. А Мыши... ой, Матильда Лейзон заметила и спросила, что у меня там. Я сказала, что пустяки, недорогие украшения. Но она все равно предложила сохранить пока шкатулку у себя и сказала, что сразу отдаст, как только я вернусь в свою комнату.

— А, ну в таком случае, все не так страшно, — Эвелина успокоенно откинулась на спинку кресла, — при всех ее недостатках, чужое Матильда никогда не брала. Если, конечно, не учитывать случаи, подобные сегодняшнему — когда камер-фрейлина Лейзон по своему усмотрению тратила деньги, выделенные королевой.

Графиня Роддерик усмехнулась своим мыслям и предложила Кэтрин все-таки попробовать пирожные, тем более, что остывший чай только что вновь заменили горячим. Кэти, успевшая вернуть аппетит за время рассказа, с удовольствием принялась уплетать вкуснейшее лакомство, а Эвелина пила чай и серьезно обдумывала сложившуюся ситуацию.

Несомненно было, что первый министр прекрасно знал историю отношений Кэти и Дэниэля, но не придавал большого значения чувствам принца к молодой фрейлине. И если молодым сейчас не помочь — им не позволят встретиться на Балу и станцевать Лунный Вальс. Но как им помочь? Графиня Роддерик пока не знала, но была уверена, что обязательно придумает — не зря же она взялась стать крестной феей!

Глава 17

— Ну что, Кэти, хороши пирожные, лучше, чем во дворце? — весело спросила Эвелина, наблюдая, как девушка увлеченно доедает очередное кондитерское чудо "Веселой утки".

— Ой, да, очень вкусные! — смущенная Кэтрин только сейчас осознала, что забыла о всех правилах приличия и ела вкуснейшие пирожные руками, как в детстве! Да еще и пальцы, кажется, облизывала — такой вкусный был крем.

Графиня Роддерик, в который раз сегодня, рассмеялась, увидев ее вспыхнувшие щеки.

— Если хочешь, можем взять коробку с пирожными с собой, утром будет у нас вкусный завтрак.

Кэти удивленно взглянула на графиню и тут же вспомнила, что ее временно переселили к первой фрейлине. Девушка быстро кивнула, соглашаясь на завтрак с пирожными, и подумала: "Какое счастье, что графиня на нашей стороне! Рядом с ней я ничего не боюсь!"

А Эвелина уже расплачивалась с хозяином, не забыв оставить щедрые чаевые, принимала от него коробку с пирожными — "совершенно бесплатно, подарок от заведения дорогой клиентке" — и вежливо благодарила за прекрасный ужин. Кэтрин тоже сказала несколько слов благодарности, и веселые, чуть захмелевшие, посетительницы вышли из ресторанчика под звездное небо Арма.

Три Луны еще не вошли в полную силу: золотая Астрим затмевала собой зеленую Селвию, а сиреневая Эрзина только показалась из тени зеленой сестры. Но все же, они все три сияли сейчас среди звезд, и Эвелина, обхватив Кэтрин за плечи, запрокинула голову, любуясь красотой ночного неба.

— Кэти, только две ночи остается до Лунного Бала, считая сегодняшнюю, и два дня! Неужели мы не сумеем провести эти дни так тихо и незаметно, чтобы первый министр забыл о нас и о своих коварных планах? Как думаешь?

Кэтрин Брайтон, тоже засмотревшаяся на красоту звездного неба, не очень-то поняла — почему Эвелина вспомнила сейчас первого министра. Но выпитое вино кружило голову, присутствие рядом старшей подруги придавало уверенности, и Кэти, потрянув золотыми локонами, уверенно заявила:

— Конечно, сумеем, Эвелина! Я и не сомневаюсь, что у нас все получится!

— Ах ты, маленький храбрый воробушек! — смеющаяся графиня обняла отважную фрейлину, а потом окинула взглядом площадь в поисках фаэтона. К счастью, Пьер уже ждал своих пассажиров, совсем недалеко от "Веселой утки", девушкам осталось только поудобней устроиться, а там они и сами не заметили, как легко и быстро добрались до дворца.

Весело смеясь, болтая о пустяках, Эвелина и Кэтрин неспешно шли по коридорам дворца. Они так устали, особенно Кэти, почти весь день простоявшая на ногах, пока ей примеряли и подгоняли платье, что идти быстрым шагом ну никак не получалось. Но дворцовые лестницы и повороты успешно преодолевались, апартаменты первой фрейлины неуклонно приближались. Девушки уже готовились радостно выдохнуть и открыть заветные двери, за которыми их ждал долгожданный отдых, когда их путь преградила высокая фигура в жемчужно-сером костюме.

— Посещали городские магазины, Ваша Светлость? — знакомый язвительный голос прозвучал так неожиданно, что Эвелина вздрогнула. Но тут же взяла себя в руки и задала встречный вопрос:

— С каких пор я должна отчитываться перед первым министром?

— О, с Вас я не потребую отчета, госпожа первая фрейлина, — герцог Берштейн преувеличенно вежливо склонил голову и тут же выпрямился, холодно глядя на Эвелину, — но почему Ваша спутница проводит время не в старом крыле замка, как ей приказано, а сопровождает вас за покупками?

— Это было мое распоряжение, герцог Берштейн, — холодность ответа Эвелины совпадала с тональностью вопроса, — я поручила камер-фрейлине Лейзон отправиться к главному церемониймейстеру и взять у него список гостей, для которых необходимо подготовить комнаты в старом крыле. В ожидании списка фрейлина Брайтон отправилась со мной в город.

— Видите ли, господин первый министр, — Эвелина присела в легком, чуть насмешливом реверансе, — я, в отличие от Вас, дословно помню распоряжение Ее Величества. Королеве угодно было сказать, что фрейлина Кэтрин Брайтон не должна появляться в новом крыле замка до позднего вечера. Или Вы будете утверждать, что мы вернулись слишком рано?

— Ваш ответ принимается, графиня, но только на сегодняшний день. Полагаю, завтра утром фрейлина Брайтон приступит, наконец, к выполнению поручения королевы и займется делом в

старой части замка?

— Непременно, герцог, — Эвелина почти нежно улыбнулась своему собеседнику, — вот только не с самого утра, а чуть попозже. С утра мы с Кэтрин еще раз должны поехать в город — купить туфли, перчатки, платочки, сумочки...Ну знаете, всякие мелочи, которые женщины каждый раз покупают заново, как только у них появляется новое бальное платье?

Графиня Роддерик нарочно объясняла так подробно и сохраняла при этом самое невинное, чуть кокетливое выражение лица. Она надеялась, что герцог, как и всякий разумный мужчина, сбежит от женщины, увлеченно перечисляющей список дамских покупок. Но, к ее удивлению, слова о "мелочах к бальному платью" произвели совсем не тот эффект, на который графиня рассчитывала. Герцог Берштейн заметно оживился, утратил свой холодный равнодушный вид и с интересом спросил:

— Так Вы заказали себе бальное платье, Эвелина? Оно шьется или Вы купили готовое?

Графиня Роддерик почувствовала вспышку раздражения от неуместного любопытства Эрнеста и с трудом сдержала себя, чтобы не ответить слишком резко. А Кэти, все это время стоявшая тихо как мышка, видимо, вспомнила впечатления от чудесно возникшего наряда и совершенно неожиданно воскликнула:

— Ах, если бы Вы видели, Ваше Сиятельство, какое красивое платье будет у графини Роддерик! Оно все, полностью, из шелка "белое золото", и его никто не шил, представляете?! Эвелина попросила шелк, и платье само появилось, как по волшебству!

Неизвестно, насколько понял Эрнест рассказ Кэти, и поверил ли он ему, но суровость полностью исчезла с лица первого министра. Он озорно улыбнулся — совсем как вчера, когда ужинал с Эвелиной и ухаживал за ней, — и весело уточнил:

— Так бальное платье графини уже готово, леди Брайтон? И кто же его шил, если оно "появилось как по волшебству"? Может, феи?

Кэтрин очень серьезно кивнула, соглашаясь с идеей про фей и хотела что-то еще добавить к сказанному, но графиня Роддерик перехватила нить разговора:

— Вы все выяснили, что хотели, господин первый министр? Или у Вас остались еще вопросы?

— Вопросов больше нет, графиня Роддерик, — повеселевший Эрнест не спешил вернуться к прежнему деловому тону разговора, — но есть просьба. Вы позволите мне увидеть Ваше бальное платье из "белого золота"?

Возмущенная Эвелина уже открыла рот, чтобы ответить отказом, но Эрнест быстро добавил:

— А я взамен позволю фрейлине Брайтон завтра утром отлучиться в город вместе с Вами и постараюсь, чтобы у королевы не возникло вопросов по вашим городским поездкам.

Конечно, графиня Роддерик могла сказать, что фрейлины королевы подчиняются ей, а не первому министру, и королеве Амалии она сумеет все объяснить и без помощи герцога. Но Эвелине вспомнился рассказ Крейстонов, аванс, внесенный за драгоценный шелк. Вспомнилось и то, что ее Северин не имел тогда столько денег, чтобы внести полную сумму аванса, а друг, одолживший деньги, все эти годы так и не напомнил о долге...

— Хорошо, Эрнест, пройдемте, я покажу Вам. Платье должны были доставить к нашему возвращению.

Графиня Роддерик легко обошла фигуру в сером и отправилась к своим апартаментам, Кэти поспешила за ней, а вот герцог Берштейн ненадолго застыл на месте, недоумевая, что же могло случиться с Эвелиной, если она без всяких споров согласилась показать ему свое бальное платье.

Графиня не ошиблась — платье было уже доставлено, распаковано и размещено в гардеробе, среди других ее нарядов. И даже не будь весь остальной гардероб Эвелины в черном цвете, волшебное платье все равно выдало бы себя мягким солнечным сиянием из темноты неосвещенной комнаты.

— Вот оно, красивое, правда? — непосредственная Кэти обратилась с вопросом к герцогу Берштейну, вошедшему вслед за дамами в комнату, и строгий первый министр не нашел лучших слов для ответа, кроме восхищенного:

— Очень!

Эвелина, как раз доставшая платье из гардероба, чтобы еще раз полюбоваться им, не могла не согласиться. Платье из "белого золота" было так прекрасно, что, казалось, ни один портной мира,

даже самый лучший, не сумеет создать подобного. И не потому, что платье отличалось особенной сложностью кроя, скорее, наоборот, — в легкости и естественности каждой складки, каждой волны света, создавшей силуэт необыкновенного наряда, таилось то волшебство, что кажется совсем простым, когда его видишь. И становится невероятно сложным, если берешься сам сотворить что-либо подобное.

Герцог Берштейн, не скрывая восторга, рассматривал чудесный наряд и даже попробовал было намекнуть Эвелине на то, что предпочел бы любоваться платьем, сидящим на дамской фигуре, а не разложенном на диване в гостиной, но графиня сделала вид, что не понимает намека. Она и так уже раскаивалась, что пригласила Эрнеста к себе, поддавшись мимолетным чувствам, и мечтала сейчас о том, чтобы первый министр поскорее ушел, не задавая вопросов о том, как девушки провели день.

Но герцог и сам понимал, что ему здесь не очень рады. Он еще раз похвалил платье, выразил свое восхищение тем, какой удачный выбор цвета сделала графиня, на что получил насмешливое:

— Я обещала Вам, что на Балу буду в платье не черного цвета и, как видите, не забыла своих обещаний!

— Да, графиня, Вы — человек слова, что тут говорить! — Эрнест весело улыбнулся сердитой первой фрейлине и обратился к Кэтрин — А Ваше платье леди Брайтон? Оно тоже готово или еще шьется?

Эвелина вскинулась, пытаясь помешать Кэти ответить: еще не хватало, чтобы герцог увидел ее наряд и понял — девушка не теряет надежды составить пару принцу в туре Лунного Вальса. Но вмешательство не понадобилось, Кэтрин расстроено сказала:

— Мой наряд еще не доставили, маг только утром сможет прийти. Вот записка от мадам Лилье с объяснениями.

— Дай-ка сюда записку, Кэти! — графиня Роддерик быстро забрала листок из рук девушки, опасаясь, как бы излишне любопытный гость не сунул туда свой нос и не узнал лишнего. Но в записке было всего лишь несколько строк:

"Дорогая моя, Эвелин! Платье девушки готово, но маг сможет прийти только утром. Подъезжайте обе ко мне, я уже сегодня отправила Марту к обувщику и галантерейщику, образцы пришлют к нам в ателье. Леди Брайтон сможет примерить платье, и тут же подобрать к нему туфли и перчатки. А тебе, дорогая, думаю, не сложно будет сделать выбор и без примерки. Завтра утром я жду вас обеих."

Графиня Роддерик с торжествующим видом показала записку герцогу:

— Теперь Вы убедились, что для фрейлины Брайтон еще одна поездка в город просто необходима?

— О да, вполне убедился! — Эрнест улыбался в прежней своей манере первого министра — холодно и чуть насмешливо — но в серых глазах таились веселые лукавые искорки. — Отправляйтесь, дамы, желаю вам удачно решить все свои вопросы! Но не позднее, чем со второй половины дня фрейлина Брайтон должна заняться делом, порученным королевой!

— Конечно, Ваше Сиятельство! Я отправлюсь в старое крыло замка, как только мы вернемся из города! — голосок Кэти прозвучал звонко и уверенно. Эрнест усмехнулся ее убежденности, но ничего больше не стал говорить. Он раскланялся с дамами, получил молчаливый кивок на дверь от Эвелины и реверанс от Кэти и отправился из покоев первой фрейлины в свои одинокие холостяцкие комнаты.

— Уф, наконец-то он ушел, — с облегчением произнесла Эвелина, сбрасывая туфли и усаживаясь в мягкое удобное кресло.

— Знаешь, — задумчиво произнесла Кэтрин, — а по-моему, герцог Берштейн очень хороший человек. И к тебе очень хорошо относится.

— Он хороший? — графиня Роддерик даже подскочила от возмущения. — Кэти, да если бы на вмешательство герцога, ты сейчас спокойно жила бы в своей комнате, встречалась по вечерам с Дэниэлем и ждала Лунного Бала!

— Правда? — глаза Кэти распахнулись от удивления, — А мне он показался таким добрым и все понимающим...

— Кэти! — чуть раздраженно одернула ее Эвелина, — Не забывай, что герцог Берштейн, в первую очередь, — политик. И с какой бы симпатией он ни от носился к тебе или ко мне, он без малейшего сожаления пожертвует своими чувствами ради политических целей!

— Ой, как жалко, — маленькая фрейлина разочарованно вздохнула и хотела добавить что-то еще, но графиня Роддерик решительно пресекла ее попытку.

— Довольно о нем, ты поняла меня, Кэтрин Брайтон? — дождавшись виноватого вздоха, графиня продолжила, — Сейчас мы вызовем горничную, пусть поможет тебе принять ванну и приготовиться ко сну. А я отправлюсь к Лейзон — надо забрать у нее списки гостей, разобраться, как она потратила деньги, выделенные фрейлинам на бальные платья, да и шкатулку твою вернуть обратно. Верно я говорю?

Эвелина улыбнулась энтузиазму, с каким Кэтрин закивала головой, соглашаясь. Да и то сказать, ванны были только в апартаментах первой фрейлины и камер-фрейлины, все остальные девушки довольствовались посещением общей купальни. Так что радость Кэти была вполне понятна.

Графиня Роддерик дернула за шнур, вызывая горничную. Появившаяся девушка, на удивление, не была заспанной в такой поздний час. Получив задание приготовить ванну для леди Брайтон, горничная собралась уже выполнять указание, но была остановлена вопросом первой фрейлины:

— Ты не знаешь, камер-фрейлина Лейзон еще не ложилась?

— Ой, да как же мне не знать, Ваша Светлость, когда я весь вечер в ее комнатах провела! — девушка хихикнула, — Госпожа Мышиль... то есть Матильда, сначала изволили волосы покрасить особым составом, потом сушили и на папильотки накручивали, а сейчас у нее маска на лицо наложена! Вот как ванну молодой госпоже приготовлю, так и надо будет пойти к ней, маску снять.

— Вы уж не серчайте на меня, — обратилась горничная к Кэтрин, — да только я одна здесь, остальные-то отдыхают, А маску непременно надо вовремя снять, иначе госпожа Мышильда добьется, чтобы меня из дворца выкинули!

— Я не сержусь, — заверила ее Кэти, — конечно, иди и делай все, как надо. А в какой цвет камер-фрейлина волосы перекрасила?

— В белый, госпожа, вот очень похожий на такой, как у Вас. Только у Вас-то золотым волосы отливают, а у нее больше в желтизну пошли. Да и не закрутить их никак теперь — ну точно пакля стали! Солома — она и есть солома, как ты ее ни крась!

На такое неожиданное заключение горничной Эвелина и Кэтрин только и могли, что дружно рассмеяться. Добродушная девушка широко улыбнулась их веселью и уточнила:

— Так пойду я ванну готовить, пока время у меня есть?

— Иди, конечно, — Эвелина согласно кивнула, — а я пока отправлюсь к Матильде. Думаю, выслушать меня маска на лице ей не помешает.

— Оно может и не помешает, — горничная приостановилась на пути к ванной, — но как бы Вы, госпожа графиня, не испугались ее. Уж очень черная маска получилась, вроде грязь такая есть, специальная, для красоты лица. Но как сейчас, так страшнее госпожи Мышильды в этой маске я, пожалуй, и не видела еще никого.

— Спасибо тебе за предупреждение, — со всей возможной серьезностью поблагодарила Эвелина, — теперь я точно знаю, чего мне ожидать и постараюсь не бояться.

Графиня действительно поняла со слов горничной, о какой маске идет речь. Это была специальная омолаживающая грязь, магически зачарованная. Использовали ее очень редко по той причине, что маска из магической грязи давала сильный обратный эффект — за пару недель возвращенной юной внешности дамы расплачивались резким старением и с трудом восстанавливали прежнее состояние кожи. Чаще всего на подобную процедуру решались засидевшиеся в невестах старые девы. Прийти красавицей на бал, поймать там наивного простака, желательно, побогаче, подвести его к признанию в любви, а еще лучше — к обещанию жениться... Если дама была достаточно опытна и решительна, а кавалер непозволительно молод и наивен, за дни возвращенной молодости дама успевала выйти замуж. Как правило, лицо жены, вдруг резко постаревшей после нескольких дней замужества, становилось неприятным сюрпризом для молодого мужа, дело доходило до скандальных разводов, маски запрещали, наказывали за их применение, но...Деньги, как всегда, умели обходить большинство запретов.

Так что графиню Роддерик не удивило, что Матильда Лейзон достала где-то запретную грязь для омолаживающей маски. Ее больше занимала мысль, что же Мышильда задумала, какого жениха она вознамерилась поймать в свои сети во время Лунного Бала? А в том, что Лейзон готовится именно к Лунному Балу, первая фрейлина не сомневалась.

Едва постучав, Эвелина дернула на себя ручку двери и влетела в апартаменты Мышильды. В приемной, как и следовало ожидать, никого не было; свет горел только в спальне камер-фрейлины.

"Но почему только в ее спальне? Куда она разместила Клози?" — и первая фрейлина, возмущенная очередным самоволием подчиненной, стремительно вошла в освещенную комнату.

Картина, которую увидела графиня Роддерик, заставила ее внутренне вздрогнуть. Даже предупрежденная о маске на лице Лейзон, Эвелина едва сдержала вскрик, увидев блестящее под светом лампы, черное, как смоль, лицо камер-фрейлины с белыми кругами, оставленными возле глаз. Глаза Матильда держала закрытыми; она полусидела в кровати, запрокинув голову назад, обложенная подушками везде, где только можно. Еще один слой блестящей черной грязи был намазан на шею и бюст госпожи Лейзон — на ту его часть, что называют зоной декольте. Волосы, бывшие недавно серыми, приобрели желтовато-белый цвет и, накрученные на папильотки, создавали вокруг головы что-то типа овечьих кудряшек, еще больше оттеняя черноту маски.

Встревоженная появлением чужого человека, Мышильда завопилась, отыскивая вслепую колокольчик на столике рядом с кроватью, но Эвелина уверенно перехватила ее руку.

— Не нужно так волноваться, госпожа Лейзон, это всего лишь я, первая фрейлина графиня Роддерик.

Услышав голос первой фрейлины, ее подчиненная неохотно приоткрыла глаза, и серые буравчики злобно уставились на графиню, без слов спрашивая, что ей здесь понадобилось. Сказать вслух что-то подобное Мышильда никак не могла — маска стягивала кожу настолько плотно, что полностью лишала ее возможности говорить. Эвелина поняла это и, успокаивающе похлопав Лейзон по руке, заговорила с ней сама.

— Матильда, я пришла к Вам обсудить несколько срочных вопросов. Сейчас я перечислю их, а Вы попытаетесь ответить сразу или подготовите ответ сегодня же, а доложите завтра, с самого утра, договорились?

Неохотный кивок черной головы, и графиня Роддерик продолжила;

— Первое, что меня интересует: почему я не вижу Клози в Ваших апартаментах? Кажется, я достаточно ясно сказала, что девушка несколько дней будет жить с Вами, и просила выделить для нее комнату?

Глухое мычание и движение рукой, показывающее в сторону гостевой спальни, было ответом для Эвелины. Графиня легко поднялась, оглядела комнату, убедилась, что вещи Клози находятся там, постель для нее приготовлена, и догадалась, где сейчас может быть девушка.

— Вы хотите сказать, что мой приказ выполнен, Клози переехала к Вам, просто сейчас отсутствует?

Подтверждающий небрежный жест рукой в сторону входной двери рассердил Эвелину, и она продолжила гораздо более строго:

— А теперь я объясню Вам, госпожа Лейзон, почему отсутствует фрейлина Клози! Потому, что они вместе с Полли переделывают свои бальные платья, испорченные по Вашему указанию!

Негодующее мычание черной маски графиню Роддерик не остановило, она была уверена в своей правоте.

— Матильда, как Вы посмели самовольно распоряжаться деньгами королевы? По какому праву Вы лишили несколько девушек красивых бальных платьев, а остальных вынудили дарить Вам подарки? Сейчас Вы не можете ответить, но завтра с утра, будьте добры, предоставьте мне отчет о том, как израсходована сумма, выделенная для воспитанниц королевы Амалии!

— Ой, да как она израсходована! — Клози как раз появилась на пороге, привлеченная громким голосом, выговаривающим камер-фрейлине, и включилась в разговор. — Тратила на себя, да на своих прилипал, вот как она израсходована!

— А вы почему молчали, Клози? Почему позволяли такое безобразие и даже не подумали мне пожаловаться?

Девушка пристыженно опустила глаза, но отмолчаться у нее не получилось. Графиня Роддерик продолжала расспросы, не обращая внимания на попытки чернолицей Матильды что-то сказать жестами и мычанием.

— Вы успели уже переделать платья?

— Почти успели, Ваша Светлость, — чуть виновато ответила Клози, — платье Полли совсем готово, а с моим надо еще немного повозиться. Ой, Вы бы знали, как Полли хорошо все придумала! Свое платье она расшила бисером, а мое вышивает золотыми нитями! Так что на Бал у нас с ней будем

выглядеть не хуже тех расфуфыренных красоток, что Мышильде подарки носили!

Довольная собой Клози уничижительно глянула на злобную черную маску, но Эвелина ее довольства не разделяла.

— А если бы у Полли не было таланта к вышивке, что тогда вы стали бы делать?

— Ну, мы тогда... — Клози замялась, не желая отвечать, и графиня Роддерик ответила за нее.

— Вы тогда, как и все, пошли бы к камер-фрейлине с подарками? И даже не подумали бы, что не у всех девушек есть возможность сделать подарок госпоже Лейзон?

— А почему мы должны за других думать? Пусть каждый сам за себя решает — как ему поступить, а у нас и своих забот хватает! — опомнившись Клози перешла в наступление и была уверена в своей правоте. Эвелина только вздохнула — не было у нее сейчас времени объяснять девушке, в чем та не права. Да и не поняла бы Клози ее объяснений.

— Вот что, Клози, подготовьте с Полли список расходов на переделку ваших нарядов: бисер, золотые нити, что там еще было... Да, и не забудьте посчитать работу! И не стесняйтесь, считайте по той цене, как взяли бы за вышивку и украшения в лучших ателье Арма!

— Посчитаем, Ваша Светлость, завтра же посчитаем, — глаза Клози весело загорелись, девушка и не думала скрывать, как ее радует возможность вернуть свои деньги.

— Нет, Клози, не завтра, а сегодня, прямо сейчас! К Матильде все равно скоро придет горничная — снимать маску, зачем тебе мешаться? Лучше посчитай за это время, сколько вы с Полли потратили. Подготовишь счет и отдашь мне, а я лично прослежу, чтобы госпожа Лейзон оплатила его полностью!

Серые мышинные глазки злобно блеснули, из-под черной маски раздалось негодующее мычание, но Клози, которой не терпелось уже поделиться хорошими новостями с подружкой, бойко предложила:

— Графиня Роддерик, так я пойду к Полли прямо сейчас? Вон уже в часах последние песчинки падают, и правда, зачем мне тут мешаться?

Эвелина снисходительно усмехнулась наивной хитрости молодой фрейлины: песчинок в верхней части часов оставалось не менее трети от их полного числа, но легко отпустила Клози. Разговор с камер-фрейлиной был еще не закончен, но нельзя же отчитывать Лейзон в присутствии молодой фрейлины!

— Матильда, — дождавшись ухода Клози, графиня Роддерик заговорила жестко и строго, в упор глядя на камер-фрейлину, скрытую под черной маской, — завтра с самого утра я жду от Вас подробный отчет. Могу предположить, что на бальные платья фрейлин Вы потратили гораздо меньше средств, чем выделила Ее Величество. Так вот, вся разница должна быть возвращена в казну, Вы поняли меня, госпожа Лейзон?

Глухое негодующее мычание и ненавидящий взгляд серых глаз, казалось, вполне удовлетворили первую фрейлину в качестве ответа.

— Учтите, Матильда, — сумму, указанную Вами в расходах, я сверю с мадам Лилье, так что не советую Вам ошибаться, — в прежнем жестком тоне продолжила Эвелина, — счет на расходы Клози и Полли Вы оплатите из собственных средств. Из собственных, Матильда, и никак иначе! Такой денежный штраф будет самым меньшим наказанием для Вас, госпожа камер-фрейлина!

Да, чуть не забыла, точно также, из собственных средств, Вы оплатите дополнительный счет мадам Лилье на переделку платья фрейлины Брайтон. Вы все запомнили, Матильда Лейзон? — графиня Роддерик удовлетворенно окинула взглядом вскинувшуюся было маленькую тощую фигуру и спокойно договорила. — Вижу, что запомнили и, надеюсь, поняли правильно. Я не намерена оставлять безнаказанным Ваш проступок, госпожа Лейзон, и завтра с утра жду Вас с отчетом и объяснениями. А сейчас, будьте добры, — списки гостей для заселения в старое крыло замка. Вы успели подготовить их или были так заняты улучшением своей внешности, что не сочли нужным выполнить мое поручение?

Злобные серые глаза метнулись в сторону, рука Мышильды показала на бумаги, лежащие на столике у кровати. Эвелина взяла листы, пробежала глазами и удовлетворенно кивнула: списки были составлены верно и даже заверены подписью старого Ксавье, главного дворцового церемониймейстера.

— Замечательно, Матильда, Вы блестяще справились с таким непростым поручением! — графиня Роддерик улыбнулась застывшему неподвижно черному лицу и доверительно продолжила, — Мне всегда приятно работать с Вами, госпожа Лейзон, Вам можно доверить решение самых сложных

вопросов. Поэтому я не стану докладывать Ее Величеству о маленьком недоразумении с расходами. Конечно, при условии выполнения всех требований, который я только что озвучила. Вас удовлетворит такое решение вопроса?

Эвелина увидела нескрываемое облегчение в серых глазках Мышильды — узнай о ее самоволии королева, камер-фрейлина уже не смогла бы так бесконтрольно тратить выделенные фрейлинам деньги. Проверяли ее сметы расходов очень редко, и утратив доверие королевы, Матильда Лейзон теряла гораздо больше, чем сумму на переделку трех бальных платьев.

— Ну что же, раз мы пришли к соглашению, Матильда, мне осталось пожелать Вам спокойной ночи и удалиться, — графиня Роддерик привычно улыбнулась, как всегда улыбалась при светской беседе, и вспомнила, — ах, да! Остался еще один вопрос: Вы забрали сегодня утром у фрейлины Брайтон ее шкатулку с украшениями, чтобы сохранить у себя, пока она живет в старом крыле. Но, как Вам известно, переселение не состоялось, Кэтрин временно перебралась в мои комнаты, так что шкатулку можете вернуть. Где она, Матильда? Покажите, и я заберу безделушки Кэтрин, чтобы у Вас не болела голова за их сохранность..

Эвелина говорила легко, не придавая большого значения вопросу, и очень удивилась, заметив, как суетливо забегали серые мышиные глазки.

— Матильда? — недоумевающая спросила Эвелина, — Со шкатулкой что-то случилось?

Черная голова отрицательно мотнулась из стороны в сторону, и рука показала на будуарный столик, где стояли баночки с кремами и лосьонами. Там же была и простая лакированная шкатулка, совершенно неподходящая для окружающей вычурной обстановки.

Графиня Роддерик подошла к будуару, взяла в руки шкатулку и показала ее Матильде.

— Это она? — Лейзон увердительно прикрыла глаза, а когда открыла... в них промелькнула такая ненависть, что Эвелина опешила. Графиня открыла шкатулку — колечко с сиреневым сапфиром было на месте — и недоумевающе взглянула на Мышильду, пытаясь понять чем вызвана ее вспышка. Но серые глаза уже смотрели спокойно, почти доброжелательно, и графиня, окончательно простившись с Матильдой, поспешила в свои комнаты. Уже в коридоре она услышала громкий неприятный звон — как только последняя песчинка осела вниз, сработала магия песочных часов, заведенных на определенный промежуток времени. Горничная стремглав пробежала мимо Эвелины и вихрем ворвалась в комнаты Лейзон — пришло время снимать маску из черной магической грязи.

Глава 18

Графиня Роддерик вошла в свои комнаты, держа в руках шкатулку и листы со списками гостей. Она задумалась так, что не сразу заметила отсутствие Кэти в комнатах. Эвелине не давала покоя вспышка ненависти в глазах Мышильды, графиня пыталась понять причину ее злобы, но никак не находила разумных объяснений. Конечно, ненависть камер-фрейлины могла объясняться тем, что она видела кольцо с сапфиром раньше и знала, кто подарил его Кэти. За годы службы во дворце Матильда Лейзон не сумела найти себе достойного жениха, поэтому завидовала черной завистью всем влюбленным фрейлинам. Девушки к этому уже привыкли и не обращали внимания на ее шипение и злобные взгляды. Но ненависть в глазах Мышильды, когда она увидела шкатулку, была слишком эмоциональна для обычного ее настроения... Эвелина пыталась, но никак не могла избавиться от тревожного чувства, будто что-то она упустила из виду, не учла каких-то препятствий на пути влюбленных.

Наконец, усилием воли графиня выбросила из головы непонятные ей самой мысли, прислушалась к звукам, долетавшим до нее и улыбнулась. Кэти Брайтон нежилась сейчас в ванной и распевала веселую любовную песенку, одну из сочиненных Лунным Бродягой. Девушка увлеклась так, что вряд ли заметила бы вошедшего в ванную комнату, а уж что делалось за дверью ее совсем не занимало. Эвелина вспомнила себя, впервые попавшую во дворец, в комнаты для приближенных короля, и поняла, что ждать маленькую Кэти придется еще долго. Раз так, следовало пока чем-то заняться, и графиня Роддерик зашла в спальню, где временно разместили фрейлину Брайтон. Эвелина поставила шкатулку рядом с кроватью, чтобы Кэти увидела заветное колечко, как только войдет в комнату. Списки гостей графиня пока отложила в сторону, утром следовало обсудить их с Эммой Жернет.

Пристроив шкатулку у изголовья Кэтрин, Эвелина замерла, оглядывая такую знакомую комнату, когда-то оформленную в солнечно-зеленых тонах. Так называл этот оттенок зеленого граф Северин Роддерик. Он едва не свел с ума обивочных дел мастера, объясняя, в каких цветах хочет видеть свою спальню.

— Как Вы не понимаете, она должна быть темно-зеленых тонов, но не мрачной, как будто солнце светит сквозь густую листву!

Когда Эвелина подошла к ним, рассерженный мастер готов был уже вернуть аванс и отказаться от заказа. Обрадованный Северин схватил невесту за руку и подтащил ее, ничего не понимающую, поближе.

— Посмотрите в ее глаза, видите? Они темно-зеленые, но одновременно солнечные, радостные! Именно в таких цветах я и хочу оформить свою спальню!

— А зачем это тебе? — удивленно спросила юная Велли. Она только недавно пришла и не уловила еще сути разговора.

— Как зачем? — в свою очередь поразился Северин ее непониманию. А потом важно и медлительно, как учитель нерадивой ученице, начал объяснять, — Велли, мы будем жить во дворце и должны соблюдать все правила этикета! Все, понимаешь?! У нас, у каждого, будет своя спальня, и когда мы... ну, побудем вместе, потом нам придется разойтись по своим спальням и спать отдельно, каждому у себя. Так вот, я хочу засыпать, глядя в твои глаза, понимаешь?! Я хочу, чтобы вокруг меня был солнечно-зеленый цвет, такой же, как цвет твоих глаз! Тогда я буду засыпать, представляя, что погружаюсь в омут глаз моей любимой Велли, и мне будут сниться самые лучшие сны!

Довольный собой и своей выдумкой Северин задорно посмотрел на невесту, а возмущившаяся Эвелина воскликнула:

— Ах, так! Ты будешь тонуть в моих глазах и видеть самые лучшие сны, а мне будет сниться непонятно что?! Ну уж нет, так дело не пойдет! — теперь Эвелина схватила мастера за руки и заставила всмотреться в глаза Северина. — Смотрите, смотрите какой у него цвет глаз! Цвет темного янтаря, пронизанного золотыми искорками! Мне нужна спальня, оформленная точно в таких же красках, как глаза моего жениха, я тоже хочу тонуть в них, засыпая и видеть самые лучшие сны!

Опешивший поначалу мастер, наконец, пришел в себя и весело рассмеялся, добродушно глядя на молодых влюбленных. Он еще поворчал для порядка, но все-таки сумел найти оттенок зеленого, который Северин посчитал подходящим, а спальню Эвелины оформил в теплых янтарных тонах.

Будущее семейное гнездышко молодые влюбленные создавали со всей энергией и вдохновением. Их Величества выделили для семьи Роддерик апартаменты, расположенные так удачно, что половина Северина находилась в мужской части придворных покоев, а половина Эвелины — в женской. Северин устроил себе приемную, кабинет и спальню — через стену от спальни Эвелины. Будущая

графиня предпочла более домашний интерьер: спальню, гостиную и будуар, так необходимый каждой придворной даме. Вход в комнаты Эвелины и Северина был отдельный, а между собой части апартаментов соединялись общей дверью спален.

Прогнозы Северина по строгому соблюдению правил этикета так и не сбылись — молодые супруги не находили в себе сил разлучаться после бурных ласк, они засыпали и просыпались в одной кровати, и почти всегда в комнате Северина. Молодой граф Роддерик все чаще задерживался допоздна на совещаниях у Его Величества — заговорщики уже поднимали головы, на окраинах Армании становилось все беспокойней. И Эвелина, опасаясь, что муж не станет будить ее, если вернется поздно, устраивалась на его кровати и, бывало, крепко засыпала там, так и не дождавшись прихода любимого.

Когда же граф Роддерик, наконец, возвращался, он будил свою Велли поцелуем. Точнее, не будил, просто целовал, легко и нежно прикасаясь к ее лицу, но Эвелина всегда просыпалась. Она улыбалась самым родным и любящим глазам и спрашивала:

— Ты на самом деле пришел или только мне снишься?

— Ты сомневаешься в моей реальности? Ну так я тебе докажу, что существую на самом деле! — шутливая угроза Северина немедленно начинала исполняться, и молодая графиня получала самые убедительные доказательства, что любимый муж ей не приснился.

После трагической гибели Северина, Эвелина долго не могла перейти в свою спальню. Она, как прежде, засыпала в кровати мужа, в тщетной надежде, что однажды ее разбудят знакомые губы... Но сны больше не становились реальностью, как ни хотела этого молодая вдова.

Одну часть апартаментов Северина почти сразу отделили для других придворных. Эвелина с замиранием сердца ждала приказа освободить и спальню, но такого приказа все не было, и графиня догадывалась почему. Эрнест, пользуясь своей властью, запретил отбирать у нее дорогую сердцу комнату, где еще жила память о Северине — в вещах, к которым он прикасался, в легком аромате фиалок, который Эвелина всегда чувствовала, целуя мужа, хотя Северин утверждал, что фиалкой пахнет именно она.

Графиня Роддерик так задумалась, что не услышала легких шагов за спиной и пришла в себя только от прикосновения к плечу. Встревоженная Кэти внимательно смотрела на нее, чуть испуганная каплями слез в глазах старшей подруги.

— Эвелина, что случилось? Ты плачешь?

— Все хорошо, Кэти, я просто вспомнила... — графиня оборвала саму себя и перевела разговор в другое русло, — скажи-ка лучше, как ты устроилась? Все в порядке, тебе здесь нравится?

— Ой, все очень хорошо! — Кэти быстро отвлеклась от грустных мыслей и весело защебетала, расхваливая спальню. Она искренне благодарила графиню за ее заботу, и даже решилась спросить, куда ведут еще одни двери ее спальни, крепко запертые сейчас толстой щеколдой.

— Через эти двери можно было бы пройти в мужские комнаты, но не советую тебе ими пользоваться, — лукаво улыбаясь ответила Эвелина, — с той стороны герцог Берштейн приказал устроить архив, так что, если попытаешься открыть дверь, на тебя обрушится гора пыльных бумаг вместе с полками.

— Я и не думала об этом, — Кэти смущенно отвернулась, пряча глаза, — врать она никогда не умела, — и быстро спросила, — А Мыши... Матильда отдала шкатулку?

— Да, Кэти, отдала. Но лучше сама посмотри, все ли в порядке с твоим кольцом, что-то не понравилось мне выражение лица Матильды, когда она возвращала шкатулку.

Обрадованная Кэтрин быстро схватила темный ящичек, достала оттуда драгоценное колечко, полюбовалась им на свету и надела на палец.

— Эвелина, все хорошо, колечко то самое, что Дэн мне подарил, я точно знаю!

Заметив, как удивилась графиня Роддерик ее уверенности, фрейлина охотно пояснила:

— Я не могу сказать как именно, но точно чувствую, что это то самое колечко! Да ты посмотри на него, разве найдется еще одно такое же?

Девушка подняла руку к свету, и Эвелина невольно засмотрелась на великолепный камень цвета темной сирени. На свету грани сапфира засияли еще ярче, переливаясь чуть ли не всеми возможными оттенками сиреневого цвета, а не только темными. Перстень был в форме колокольчика, — сапфировый цветок и нежный стебелек с листьями из белого золота, — и очень

подходил к бальному платью Кэтрин.

— Замечательное колечко, Кэти! — совершенно искренне воскликнула Эвелина. — Обязательно носи его и не вздумай больше снимать, ты меня поняла?

— Да, конечно! Но почему ты так настаиваешь на этом, Эвелина?

— Не знаю, — графиня Роддерик задумалась, пытаясь облечь в слова непонятные ей самой чувства, — не знаю, Кэти, но уверена, что так будет правильно. Носи колечко, не снимая, а на глупые вопросы просто не отвечай, договорились?

— Хорошо, — Кэтрин явно была довольна указанием, ей и самой не хотелось расставаться с дорогим сердцу колечком.

Больше девушки ничего обсудить не успели — в комнаты первой фрейлины вернулась горничная, убежавшая к Мышильде снимать маску. Услышав от нее, как страшно выглядит сейчас камер-фрейлина: "вся красная, гладкая, да блестящая, как будто по ней горячим утюгом прошлись", — графиня Роддерик и Кэтрин весело рассмеялись.

Энергичная девушка, без лишних указаний, приготовила ванну уже для Эвелины и принялась расчесывать длинные золотые волосы юной фрейлины. А графиня Роддерик уютно устроилась в облаке мягкой ароматной пены, собираясь спокойно обдумать события прошедшего дня. Но собственные мысли не подчинились Эвелине — они упрямо возвращали ее к тем счастливым часам, которые молодые супруги провели в солнечно-золотой спальне.

Даже покинув ванну и отдав себя в ловкие руки горничной, умело ухаживающей за ее густыми черными волосами, Эвелина никак не могла заставить себя думать о сегодняшних проблемах. Она и спать легла с мыслями о Северине и, может быть именно поэтому, увидела его во сне.

Счастливый, сияющий радостью, молодой человек с рыжинками в темных волосах и такими знакомыми янтарными глазами, подошел к своей Велли и взял ее за руку. Эвелина видела, что на ней платье из "белого золота", так удачно купленное сегодня. А Северин был в костюме солнечно-зеленого цвета, под цвет глаз любимой жены. Графиня не успела спросить мужа, почему они одеты в разные цвета, он первым взял ее за руку и, улыбнувшись своей неповторимой — светлой и открытой — улыбкой, куда-то повел за собой. Недоумевающая Эвелина послушно шла за своим Северином, и вот перед ними возникли ступени главного храма Армы, в котором пара Роддерик когда-то венчалась. Северин начал подниматься вверх по ступеням храма, и Эвелина поднималась рядом с ним. Велли хотела спросить мужа, зачем они сюда идут, ведь они уже обвенчаны. но не могла произнести ни слова. А на самой верхней ступени к ним подошел высокий худощавый мужчина в бело-золотом костюме, под цвет ее платья, и протянул к ней руку, чтобы забрать от Северина. Изумленная графиня повернулась к мужу, а он кивнул ей, улыбаясь нежно и чуть грустно, и подвел совсем близко к загадочному незнакомцу. Эвелина пыталась развернуться, выхватить руку, сбежать вниз по ступеням, но Северин удерживал ее — крепко и очень бережно, не позволяя уйти. Графиня вскинула голову, внимательнее всмотрелась в лицо мужчины в бело-золотом костюме и узнала его. Узнала знакомые глаза — серо-синие, цвета грозового неба. Граф Северин Роддерик привел сюда свою Велли, чтобы вручить ее руку никому иному, как герцогу Берштейну, ожидавшему их на самой верхней ступени главного храма Арма...

Глава 19

— Нет, Северин, слышишь, нет! — Эвелина закричала, возмущенная поступком мужа, и подскочила на кровати, не вполне понимая еще, что проснулась. Утренние лучи солнца заливали комнату, яркие отблески перебегали по стенам и потолку, приветствуя новый день. А графиня Роддерик видела перед собой взволнованное лицо Эрнеста, трепетное ожидание в его серо-синих глазах и вспоминала, как ласково и понимающе смотрел на них обоих Северин.

— Как ты мог? — графиня Роддерик взяла с прикроватного столика портрет мужа и обратилась к нему, изливая свое негодование. — Как ты мог сам отдать меня другому мужчине? И кому? Неужели ты думаешь, что Эрнест остался тем же веселым шалопаем, которого ты знал семь лет назад? Да ты сейчас хотел отдать мою руку самому черствому человеку Армании, человеку для которого самые сильные чувства не имеют значения, если они являются помехой для политических интересов!

Солнечные лучи коснулись лица на портрете, золотые искорки зажглись в янтарных глазах. Юный граф Северин озорно, совсем по-мальчишески, улыбался своей Велли, а она, все еще обижаясь, резким движением руки вернула портрет на место. Невозможно было спорить с тем, кто уже не ответит тебе, и Эвелине расхотелось убеждать Северина, что его лучший друг давно стал напыщенным первым министром, забывшем зачем дано человеку сердце.

Графиня Роддерик решительно вскочила с кровати и умылась самой холодной водой, чтобы прогнать подальше впечатления от нелепого сна. Она словно осознанно не оставляла себе ни минуты на раздумья: с силой дернула колокольчик, вызывая горничную, и лично отправилась будить Кэтрин. Девушка еще сладко спала, но Эвелина не знала жалости этим ранним солнечным утром.

— Кэти, довольно нежиться, вставай! У меня слишком много дел сегодня, чтобы ждать, когда ты выспишься!

Дел действительно хватало, и тянуть с их выполнением графиня Роддерик не собиралась. Вбежавшая горничная услышала столько указаний, что едва не запуталась. Но сметливая девушка правильно сообразила начать с вызова в комнаты графини старшей камеристки Эммы Жернет. Опытная женщина сразу поняла, что первая фрейлина сильно не в духе сегодня, и быстро распорядилась своими подчиненными. Уже через несколько минут Эвелину одевали и причесывали, готовя к выезду в город. Такой же процедуре безжалостно подвергли полусонную Кэти, предварительно ополоснув ее заспанное личико водой, не менее холодной, чем та, которой умывалась графиня. Завизжавшая от холода девушка быстро пришла в бодрое состояние, и Эмма весело рассмеялась, глядя на раскрасневшиеся щеки и сердито сверкающие синие глаза юной фрейлины. Возмущенный вид Кэтрин развеселил и графиню Роддерик, помогая забыть гнетущие впечатления, оставленные сном. Первая фрейлина понемногу приходила в обычное деловое настроение, и пока Кэти одевали и причесывали, успела обсудить с Эммой список гостей, полученный вчера от Мышильды.

Список подвергся тщательному рассмотрению, но, в итоге, был полностью одобрен старшей камеристкой:

— Так и есть, Ваша Светлость, этих дам завсегда в старом крыле размещают, а вот эти две впервой там будут, ну да я их вкусы и по прежним приездам помню, не волнуйтесь, все как надо сделаем.

Отчет от Мышильды тоже поступил вовремя, с самого утра, как и требовала от нее графиня Роддерик. Клози, которая принесла и отчет, и расчеты своих с Полли расходов, весело хихикнула, сообщив, что красный цвет лица после маски еще не сошел, поэтому Матильда Лейзон вряд ли выйдет сегодня из своих комнат. Эвелина милостиво кивнула — отсутствие вездесущей Лейзон было ей только на руку, графине совсем не хотелось, чтобы камер-фрейлина доложила королеве о том, где с утра находится Кэтрин.

Отчет Матильды был очень близок к правде, а вот Клози и Полли, вероятно, немного преувеличили свои расходы, но в разумных пределах. Счет от "Ателье мадам Лилье" графиня Роддерик собиралась забрать сама, во время утреннего визита. Постепенно, занимаясь делами, Эвелина смогла совсем выбросить из головы встревоживший ее сон. А когда Кэтрин, в полной готовности для выезда в город, вышла из своих комнат, графиня уже вполне благодушно предложила ей сначала выпить чай с пирожными из "Веселой утки", доставленными вчера. Эмму тоже оставили на утренний чай, и женщина от души нахваливала "невиданную во дворце" вкуснотищу.

Кроме пирожных дамы успели обсудить еще и неожиданные перемены во внешнем виде Мышильды, причем старшая камеристка несказанно удивила графиню Роддерик, сообщив, что блондинкой стала не только камер-фрейлина Лейзон, но почти все молодые фрейлины, и даже некоторые горничные.

— Вот дурехи-то, — смеясь, рассказывала Эмма внимательным слушательницам, — пустил кто-то слух, что нашему принцу блондинки нравятся, вот они и рады стараться! У Их Высочества от такого числа белых кудряшек, не иначе, голова на Балю закружится, вот что я вам скажу! Это же все, как куклы, одинаковыми будут — и платья у всех сиреневые, и прически из отбеленных волос!

Эвелина глянула на побледневшую Кэти и, легко догадавшись о причинах ее волнения, весело улыбнулась фрейлине:

— Да пусть и все девушки будут блондинками, нашу Кэтрин все равно ни с кем не спутаешь, верно, Эмма?

— Да что тут говорить, сударыня, — добродушная камеристка немедленно поддержала графиню, — таких золотых волос, как у нашей девочки, ни у кого не получится, как ни старайся!

После таких добрых слов краски вернулись на личико Кэти, и девушка робко улыбнулась своим собеседницам, чуть смущаясь от их комплиментов. А когда графиня Роддерик весело добавила, что принц не только по цвету волос будет себе пару для Лунного Вальса выбирать, улыбка Кэти стала по-настоящему счастливой, и она нежно погладила колечко, которое со вчерашнего вечера больше не снимала.

Когда завтрак был окончен и последние указания старшей камеристке оставлены, графиня Роддерик напомнила Эмме, чтобы она лично подошла после обеда в ее апартаменты и забрала с собой Кэти.

— Если не сможешь подойти сама, пришли горничную из тех, кому ты доверяешь, поняла? Я не хочу, чтобы Кэтрин одна шла мимо охранников, переведенных в старое крыло, и наткнулась там на Шенброка.

— А как же, сударыня, неужели я не понимаю? Вы не волнуйтесь, девочку одну никуда не отпущу, я уж обещала Вам вчера, все и сделаю, как обещано.

Получив подтверждение Эммы, убедившись, что все другие ее указания выполняются, Эвелина удовлетворенно вздохнула и, весело подмигнув притихшей Кэтрин, заявила:

— А вот теперь, когда все при деле, а само дело не стоит на месте, мы можем отправляться в город, к Сесиль Лилье!

Кэти немедленно вскочила с места, и девушки, на том же фаэтоне, под водительством того же Пьера, отправились на Центральную площадь Арма в "Ателье мадам Лилье". Они собирались выбрать туфли и перчатки из присланных образцов и встретиться с магом, который взялся зачаровать платье Кэтрин. А еще Эвелина очень надеялась встретить у Сесиль маркизу Эльзи д'Анжу и понять, что с ней произошло, почему юная девушка была так равнодушна, выбирая платье для Лунного Бала.

В утренние, но не ранние, часы пробираться по улицам Арма было не в пример легче, чем вчера, во второй половине дня. Все, кто занят делом, уже разошлись по рабочим местам и начали новый трудовой день, а время бездельников, шляющихся по кафе и магазинам, еще не наступило. Так что Пьер подвез своих пассажиров прямо ко входу в "Ателье мадам Лилье" и там же остался ждать их возвращения.

Колокольчик прозвенел знакомой веселой трелью, и сама хозяйка, Сесиль Лилье, вышла навстречу ранним посетительницам.

— Эвелина, доброе утро, дорогая! Ты сегодня первая клиентка, никого еще не было, даже Барти не появлялся, а уж маркизы я так рано совсем не ожидаю!

— Ничего, Сеси, — спокойно ответила Эвелина, обнимая приятельницу, — Кэтрин пока примерит платье и выберет подходящие туфли, да и я найду, чем заняться.

Образцы бальных туфель и перчаток доставили в ателье с самого утра, так что "чем заняться" графиня решила быстро. Сначала Сесиль и Эвелина еще раз полюбовались Кэтрин в новом сиреновом наряде и помогли фрейлине выбрать наиболее подходящие аксессуары к ее бальному платью. Закончив с выбором для Кэти, Эвелина попыталась найти в имеющихся образцах более-менее подходящие к сиянию "белого золота", но к своему огорчению поняла, что не видит ничего, что ее устроило бы. Когда графиня совсем отчаялась подобрать себе туфли и перчатки в комплект к платью, легкомысленная Сесиль вдруг заявила, махнув рукой:

— А знаешь, что я тебе скажу, подруга! Выбирай-ка ты туфли не по цвету, а по ноге, чтобы сидели изящно и ловко! А за подходящий цвет не волнуйся, с твоим волшебным платьем и ты сама, и весь твой наряд ярче всех засияете!

Озадаченная такой неожиданной идеей, графиня Роддерик не сразу с ней согласилась, но примерив еще несколько пар и выслушав от Марты, что "нет ничего точно такого в магазинах, уж поверьте мне, Ваша Светлость, я сама им объясняла и видела, что они предложить могут", решила последовать мудрому совету. Так что к приходу городского мага, вызванного, чтобы зачаровать платье Кэтрин, все покупки девушек были упакованы и, стараниями Пьера, даже уложены в фаэтоне. Оставалось только забрать платье и можно было возвращаться во дворец. Но Эвелина не теряла надежды дождаться маркизы д'Анжу, и умышленно тянула время, распивая чай с Сесиль и болтая о пустяках. Что же касается верного кучера — ему не пришлось скучать в одиночестве, ожидая своих пассажиров. Марта Рейн, неожиданно для всех, предложила напоить Пьера чаем со свежей сдобой, и увела его в комнату, где обычно обедали девушки мадам Лилье. Сегодня в ателье было тихо, Сесиль, как и обещала, отпустила своих мастериц готовиться к Балу, оставив в помощь одну только Марту.

За разговорами и чаем время проходило незаметно, но Эвелина не забывала о главной цели сегодняшнего визита. Перезвон колокольчика у двери заставил графиню радостно посмотреть на вход, и тут же вздохнуть, выдав свое разочарование. В дверях появился неизвестный Эвелине лысый маленький толстячок в круглых очках. Нелепую старомодную шляпу мужчина снял сразу, как только вошел, а теперь пытался протереть запотевшие очки концом длинного шарфа и одновременно удержать в руках снятую шляпу. Сесиль Лилье, увидев, кто пришел, немедленно вскочила с места и подбежала к толстяку, осыпая его упреками:

— Барти, соня ты этакий! Наконец-то соизволил появиться! Тебя, увальня, две знатные дамы ждут, а ты и не думаешь торопиться!

Все это мадам Лилье выговаривала, одновременно снимая с толстяка теплый сюртук и раскручивая на нем шарф, казавшийся бесконечным. Сам же Барти успел только протереть очки, а сейчас беспомощно оглядывался, пытаясь пристроить шляпу, которую он все еще держал в руках.

— Дай сюда этот нелепый предмет, который ты считаешь головным убором! — Сесиль прикрикнула на неповоротливого толстяка, быстро освободила его от ценного груза и вернулась к прежнему занятию, не переставая выговаривать благодушно улыбающемуся мужчине. — Опять ты намотал на себя столько одежек, словно подрядился изобразить кочан капусты! Барти, ну сколько раз тебе говорить — нельзя так кутаться, когда на улице совсем уже весна!

— Весенняя погода — самая опасная для тех, кто подвержен простудам, — степенным баском ответил визитер, явно похудевший после того, как с него сняли сюртук и шарф. Как будто в подтверждение своих слов, мужчина чихнул, успев прикрыть нос большим клетчатым платком, и, виновато улыбнувшись, поклонился присутствовавшим дамам. — Леди, прошу меня извинить! Хронический насморк, он, знаете ли, ничем не излечивается.

Кэти вежливо кивнула, давая понять, что не сердится на странного посетителя, а графиня Роддерик с нескрываемым любопытством рассматривала нескладного посетителя и свою подругу. Эвелину заинтересовал не столько смешной толстячок, сколько заботливое отношение к нему Сесиль, обычно не склонной к сентиментальностям или нежностям. Мадам Лилье, освободив, наконец, гостя от верхней одежды, перешла к официальным представлениям:

— Знакомьтесь, мой давний добрый приятель, городской маг Бартоломью Форбенкс! Один из лучших магов Армании, между прочим! — последнюю фразу Сесиль произнесла с такой гордостью, что Эвелина не сдержала улыбки и еще внимательней пригляделась к "лучшему магу Армании" и своей подруге. Явно было, что их связывает что-то большее, чем просто деловые отношения. Графиня задумалась, не понимая, как Сеси сумела удержаться и ни разу не упоминать Бартоломью Форбенкса в их разговорах, а мадам Лилье бойко продолжала процедуру знакомства:

— А перед тобой, Барти, моя хорошая подруга графиня Роддерик, первая фрейлина королевы Амалии, и юная фрейлина Ее Величества леди Кэтрин Брайтон! Две знатные дамы, у которых полно занятий при дворе, ждут тебя уже второй час, а тебе и дела никакого нет!

Бартоломью Форбенкс, совершенно невозмутимо, словно не было груды упреков, высыпавшихся недавно на его голову, раскланялся, поцеловал руки дамам и удостоился любезной улыбки от графини Роддерик.

Что касается Кэтрин — девушка рассматривала мага большими удивленными глазами, а когда он закончил с церемонией знакомства и выпрямился, вдруг выпалила:

— А Вы и правда маг?

Возмущенная мадам Лилье хотела немедленно вступить, но Бартоломью, неожиданно твердо, остановил ее жестом руки и, добродушно улыбаясь, спросил девушку:

— Что заставляет Вас сомневаться?

— Ну... — смущенная Кэти не знала, куда девать глаза, но все-таки ответила, — разве есть болезни, которые маги не умеют лечить?

— Вероятно, нет, все зависит только от силы и умения мага.

— Но у Вас же хронический насморк! — Кэтрин выдала фразу про насморк так быстро, как только могла, и тут же спряталась за Эвелину, опасаясь возмездия от рассерженного мага.

Но Бартоломью, а вместе с ним и все присутствующие только рассмеялись наивности девушки.

— Вот оно в чем дело! — маг вытирал слезы, выступившие от смеха, и никак не мог прекратить смеяться. — Ох, простите, прекрасные дамы, так уж я смешлив от природы, что ничего не могу с этим поделать!

Наконец, немного отдышавшись, Бартоломью Форбенкс вполне серьезно ответил Кэти:

— Видите ли, дитя мое, маг может исцелить любого, кроме самого себя. Себя мы лечим обычными средствами, магические нам не помогают. А хронический насморк... Хронический насморк — такая гадкая болезнь, что ее никакие медицинские средства не берут!

И Форбенкс снова чихнул, подтверждая только что сказанное. Сочувствие, увиденное в синих глазах юной фрейлины, как будто воодушевило мужчину и, не обращая внимание на сердитые тычки в бок от мадам Лилье, Бартоломью увлеченно начал объяснять Кэти Брайтон, сколько сложностей таит в себе работа мага. Эвелина уже собралась прервать затянувшуюся лекцию, как Бартоломью Форбенкс взял Кэти за руку, поднял ее ладонь повыше, так чтобы кольцо принца оказалось прямо перед его глазами, и заявил:

— Вот и Ваше колечко, юная леди, стоило немалых трудов магу, создавшему на нем защитные чары! Но теперь Вы можете быть уверены, что в любой опасности Ваше маленькое колечко будет грозным оружием для того, кто посмеет напасть на Вас! И без Вашего на то разрешения, это чудесное колечко даже в руки взять весьма затруднительно, а уж носить его сможете только Вы и никто другой, так умело оно зачаровано!

Кэтрин и сама слушала рассказ мага о колечке, как зачарованная, приоткрыв рот и не сводя глаз с рассказчика. Девушка даже не подозревала, какие возможности таит драгоценный подарок и не догадывалась о его магических свойствах. А вот Эвелина, наконец, поняла, почему с такой ненавистью смотрела на шкатулку Мышильда — скорее всего, камер-фрейлина хотела примерить колечко и получила по рукам, причем, в самом прямом смысле.

— Но я ничего не знала о магии кольца, он не говорил мне... — только и могла пролепетать растерянная Кэти. Графиня Роддерик, заметив внимательную заинтересованность в глазах мага, переставшего вдруг выглядеть увальнем и растяпой, немедленно включилась в разговор, не позволяя Кэтрин сказать слишком много.

— Он просто не успел, Кэти, вы расстались слишком быстро, — мягко напомнила фрейлине Эвелина и тут же спросила мага, отвлекая его от изучения лица смущенной фрейлины. — Господин Форбенкс, так Вы считаете, что кольцо зачаровано на защиту Кэтрин?

— Вне всякого сомнения, дорогая леди! — с поклоном ответил Бартоломью. — И ставил эту защиту очень сильный маг, пожалуй, я не ошибусь, если предположу, что это был главный маг короля.

— Довольно предположений, господин Форбенкс, — взволнованная Эвелина прервала мага несколько резко. Но не могла же она позволить ему зайти в своих предположениях слишком далеко и вспомнить, что подобную магическую защиту, как правило, устанавливают только для членов королевской семьи. Что сказал Дэниэль главному королевскому магу, где он взял каплю крови Кэти, чтобы магическая защита была задействована именно на нее, графиня Роддерик могла только догадываться. Но ей совсем не хотелось, чтобы догадывался кто-то еще.

Бартоломью оказался очень понятлив. Он прервал свои размышления и словно опомнившись, поинтересовался, где же платье, ради которого его пригласили. Городского мага торжественно ввели в примерочную и показали сиреневый шедевр мадам Лилье. Выразив свое восхищение, толстячок Барти приступил к работе и вскоре весело сообщил, Кэтрин, что она может не бояться ни случайно пролитого на ее платье бокала вина, ни опрокинутой тарелки. Все подобные неприятные сюрпризы просто-напросто отлетят в сторону, отраженные защитой. и, возможно, попадут на того, кто подстроил фрейлине пакость.

Когда Бартоломью Форбенкс выслушивал восхищенную благодарность от Кэтрин и получал свою плату, колокольчик у входа снова зазвенел. В дверях ателье появились те, кого особенно ждала графиня Роддерик: маркиз д' Анжу с дочерью Эльзи. Но д' Анжу появились не одни, вместе с с ними в ателье вошел высокий надменный старик, одетый не просто богато, а роскошно, хотя и старомодно. "Граф д' Жене, — с неожиданной неприязнью подумала Эвелина, — несомненно, он.

Сопровождает девушку повсюду, как самый злобный страж".

Глава 20

Вошедшие посетители немедленно удостоились самого любезного внимания со стороны хозяйки. Извинившись, что она сегодня одна в ателье, Сесиль сама приняла от надменного старика его богатый камзол, щедро украшенный золотой вышивкой и вставками из драгоценных камней. Веселый, очаровательно любезный маркиз д'Анжу не позволил даме ухаживать за собой. Он щедро рассыпал комплименты бойкой рыжекудрой хозяйке, помог Эльзи снять шаль, пристроил собственный камзол и, наконец, заметил других посетителей.

— Ах, госпожа графиня, какая неожиданная встреча! Очень, очень приятно вновь увидиться с Вами! — все это маркиз говорил практически на ходу, шустро подбегая к Эвелине, чтобы поцеловать ей руку. — А Ваша очаровательная спутница?

— Фрейлина Ее Величества, леди Кэтрин Брайтон, — церемонно представила девушку графиня Роддерик, — а Ваши спутники, маркиз?

— О, со мной Эльзи, моя дочь, и наш сосед, граф Огюст д'Жене, — восторженный взгляд маркиза яснее всяких слов говорил о том, что в его представлении юная Эльзи и старик д'Жене были почти семейной парой.

Эвелина внимательно рассматривала дочь маркиза, внешне не проявлявшую никакого интереса к происходящим вокруг нее событиям. Высокая, красиво сложенная, черноглазая смуглянка Эльзи была бы несказанно хороша, если бы не потухший взгляд и равнодушный вид, совершенно не подходящий для юной девушки. Что же касается графа д'Жене... Как бы предвзято не относилась к нему Эвелина, она вынуждена была признать, что в молодости граф несомненно был очень привлекателен. Он и сейчас оставался подтянутым и стройным, в отличие от кругленького маркиза, волосы графа поседели, но не утратили густоты и были уложены свободной пышной волной. Седина волос неожиданно придавала особую импозантность худому лицу, смуглому, как у всех южан. А необычный цвет глаз — светло-серый, почти серебристый на фоне темной загоревшей кожи, — притягивал и завораживал, не давая отвести взгляд. Графиня Роддерик, с трудом справилась с желанием пристальней всмотреться в серебристые глаза и, мысленно вздохнув, признала — несмотря на возраст, Огюст д'Жене не может не иметь успеха у женщин. Его портили, пожалуй, глубокие морщины, да тонкие, чопорно поджатые губы. Но эти детали могли показаться несущественными для девушки, отдающей предпочтение богатству, а не молодости и красоте.

— Граф, маркиз, маркиза, проходите, прошу Вас! — мадам Лилье хлопотала вокруг важных клиентов. — Располагайтесь, где вам удобней, может быть чашку чая с дороги?

— Мы недавно завтракали, мадам, — голос графа прозвучал сухо и резко, в легком раздражении он едва не стукнул по полу концом трости, которую держал в руке, но вовремя сдержался. — позвольте напомнить, что маркиза д'Анжу прибыла для последней примерки бального платья. Оно готово, я полагаю?

— Конечно, конечно, готово, Ваша Светлость! Последняя примерка — это уже почти формальность, но все же она необходима во избежание досадных случайностей. Вышивка была весьма сложной и могла перетянуть вырез платья...

Граф д'Жене небрежным жестом прервал объяснения хозяйки, показывая, что дамские мелочи его совершенно не интересуют, и устроился в одном из кресел — дожидаться окончания примерки с максимальным комфортом. Тяжелую темную трость граф поставил рядом с собой, и Эвелина с интересом разглядывала необычное навершие — голову орла с хищно загнутым клювом и глазами из потускневшего рубина. Энергичный, неунывающий маркиз д'Анжу тут же пристроился в соседнем кресле, поблизости от графа, и начал что-то нашептывать ему, кося взглядом на графиню Роддерик. "Наверно, рассказывает о своем вчерашнем визите, — подумала Эвелина, — а может делится сплетнями обо мне, услышанными во дворце".

Графиню гораздо больше занимала юная Эльзи д'Анжу, ее тревожила безучастность девушки к происходящему. Мадам Лилье, подхватив маркизу под руку, увела ее в примерочную. Кэтрин она тоже забрала с собой, предложив помочь маркизе с примеркой и посмотреть на бальное платье маркизы, на что фрейлина охотно согласилась. Пока другие дамы отсутствовали, графиня Роддерик все пыталась решить загадку равнодушия Эльзи д'Анжу, но не находила ответа.

От размышлений Эвелину отвлекла суeta у входной двери, графиня увидела копошащегося там Бартоломью Форбенкса, пытавшегося выйти из ателье тихо и незаметно. Все время с прихода новых посетителей толстячок-маг ухитрялся оставаться в тени, но сейчас выдал себя стараниями достать шляпу, которую Сесиль забросила слишком высоко. Ждать было нельзя — Бартоломью вот-вот мог уйти, — и графиня Роддерик, на свой страх и риск, обратилась к магу:

— Куда же Вы, господин Форбенкс? Вы не забыли, что в ателье осталось еще одно бальное платье, которое необходимо зачаровать?

Пока Бартоломью, донельзя удивленный вопросом, хлопал глазами и пытался сообразить, что все это значит, Эвелина обратилась к маркизу, как бы недоумевая:

— Маркиз д'Анжу, неужели Вы отказались от подарка, который мадам Лилье приготовила для своих лучших клиентов? По ее приглашению городской маг, господин Форбенкс, зачаровывает бальные платья, пошитые в ателье, чтобы никто не мог их испортить — ни нарочно, ни случайно. Клиентам услуги мага не будут стоить ни сента, его работу оплачивает сама мадам!

Обрадованный маркиз уже вскочил с места, кивая в знак согласия, но был перехвачен твердой жилистой рукой старого графа. Огюст д'Жене вынудил Анри склониться к нему, слушая то, что старик не хотел говорить слишком громко. А Бартоломью Форбенкс, переставший вдруг удивляться, с неожиданной серьезностью рассматривал Эвелину, и графиня Роддерик неожиданно увидела, насколько, оказывается, умные и проницательные глаза у смешного нелепого толстяка в длинном шарфе.

— Бартоломью, прошу Вас, — Эвелина воспользовалась тем, что граф и маркиз были слишком заняты своей беседой и не обращали внимания на других, — подыграйте мне, уговорите графа согласиться на Ваши услуги. Он что-то сделал с девушкой, что-то неладное. И если вовремя ей не помочь, может произойти несчастье.

Эвелина говорила быстро, поддавшись минутному порыву и чувству доверия, которое она испытывала к нескладному, но, как оказалось, очень чуткому и внимательному человеку. Бартоломью со всей серьезностью выслушал ее, молча кивнул, а потом прервал разговор мужчин громким недовольным возгласом:

— Графиня, Вы уверены, что и это платье требует моего внимания? В конце концов, я городской маг, а не швейный подмастерье, и не могу потратить весь день на дамские наряды!

— Ах, как Вы можете такое говорить, господин Форбенкс, — возмущение Эвелины было почти искренним, — Ваши услуги оплатила мадам Лилье, и я точно знаю, что за платье маркизы д'Анжу Вы уже получили плату!

— Но почему платье не было зачаровано еще до нашего прихода? — подозрение так явно прозвучало в голосе графа, что Эвелина растерялась, не сумев найти ответ сразу.

Но с ответом нашелся Бартоломью, он объяснил очень просто, без лишних ухищрений:

— Я проспал сегодня, Ваша Светлость, и совсем недавно появился в ателье, — обезоруживающая улыбка недотепы рассеяла подозрения д'Жене, а Форбенкс еще и дополнил сказанное, причем самым небрежным тоном:

— Я только дождусь, когда госпожа маркиза вновь переоденет платье, и тотчас зачарую его, это совсем недолго.

— Так вы не на девушке будете платье зачаровывать? — Огюст д'Жене говорил уже совсем по-другому, спокойно и благожелательно. — Что ж, раз так, у меня нет возражений.

— Конечно, конечно, нет возражений! — воодушевленно подхватил маркиз. — как можно отказываться от такого чудесного подарка мадам Лилье! Конечно, мы согласны!

— О, я тоже так думаю, — весело подхватила Эвелина, — идея зачаровать бальные платья от всех случайных неприятностей слишком хороша, чтобы ею пренебречь.

— Ах, моя дорогая, — графиня Роддерик перехватила Сесиль Лилье, как раз появившуюся из примерочной, — мы с маркизом восхищены твоим щедрым подарком — услуги мага за счет ателье!

Увидев изумленные глаза подруги, Эвелина поскорее обняла ее, как бы в порыве чувств, и быстро шепнула: "Подтверждай немедленно, все объясню потом!"

Сесиль не пришлось просить дважды. Она легко и быстро подтвердила слова графини Роддерик, с удовольствием выслушала от маркиза восторженные комплименты своей щедрости и, в свою очередь, обратилась к нему с просьбой:

— Господин маркиз, Вы позволите графине Роддерик увидеть Вашу дочь в бальном платье? Мне бы очень хотелось показать первой фрейлине королевы на что способны мои мастерицы.

Маркиз с испугом посмотрел на графа д'Жене и, увидев снисходительный кивок, тут же согласился на просьбу модистки:

— Конечно, конечно, — теперь уже сам д'Анжу закивал в знак согласия, да так энергично, что Эвелина почти испугалась за его голову, а Сесиль весело крикнула в глубину ателье:

— Эльзи, госпожа маркиза, выходите, пусть на Вас посмотрят!

Черноглазая смуглая брюнетка неспешно прошла в комнату. На ней было великолепное бальное платье из органзы изумрудного цвета, украшенное золотой вышивкой. Стебли с бутонами цветов, напоминающих лилию, поднимались вверх от талии девушки. Полураскрытые лепестки собирались наверху в букеты и обрамляли вырез платья, как будто стремились вырваться из огранки золотых нитей. Открытые плечи и декольте позволяли любоваться прекрасными формами маркизы, а изумрудный цвет ткани и золото вышивки как нельзя лучше оттеняли ее смуглую кожу, подчеркивая особенный, южный тип красоты. Свободные, не пышные юбки, собранные из зеленого шелка более теплого оттенка, в сочетании с лифом платья, очень удачно дополняли впечатление от изящества и юности маркизы, только начинающей расцветать.

Эвелина не сдержала восхищенного вздоха и не пожалела комплиментов мастерству Сесиль и красоте маркизы. Кэтрин, появившаяся вместе с Эльзи, не менее восторженно присоединилась к похвалам графини. Маркиз д'Анжу не смог усидеть на месте: он благодарил дам и раскланивался, словно хвалили его самого, а не Эльзи. Даже надменный граф д'Жене не сдержал удовлетворенной улыбки. Только сама юная маркиза осталась безучастной к восторженным словам, адресованным ей самой и ее наряду. Она позволяла себя разглядывать, поворачивалась, как ее просили, но лицо не меняло отрешенного выражения.

Графиня бросила тревожный взгляд на толстяка Бартоломью, стоявшего чуть в стороне и молча наблюдавшего за происходящим. Маг тут же встрепенулся, словно только что выплыл из глубокого сна, и присоединился к общему хору голосов.

— Сесиль, душа моя, ты великолепна! — Форбенкс захватил в свои пухлые ладошки руку мадам Лилье и с явным удовольствием поцеловал. — Даже мне, старому холостяку, понятно, как прекрасно твоё творение! А цветы!.. Сеси, неужели ты вспоминала то, о чем я сейчас думаю? Таинственный трилунник с золотыми цветами, который мы искали двадцать два года назад?

Графиня Роддерик слушала мага и недоумевала: причем тут трилунник, почему он вдруг ударился в какие-то воспоминания? А Бартоломью, став еще более нелепым, чем обычно, вдруг начал неуклюже топтаться на месте, в некоем подобии танца, и напевать приятным баском:

Сиянье трех лун, ты творишь чудеса,

Каких не придумает умник,

Становятся ближе к земле небеса,

Когда зацветает трилунник!

Эвелина рассердилась было на мага, не понимая его странной выходки, но Бартоломью так увлеченно распевал свою песенку, так потешно притоптывал на месте и покачивался из стороны в сторону, что графиня сама не заметила, как начала смеяться. Толстый увалень, каким выглядел сейчас Форбенкс, словно обрадовался, услышав смех графини. Он успел запыхаться и петь уже не получалось, но зато маг достал из кармана брюк какой-то свисток и довольно складно принялся насвистывать мелодию песенки. Эвелина совсем забыла, что собиралась сердиться, и смеялась так, словно вновь стала маленькой Велли, впервые увидевшей циркового клоуна. Рядом с ней звенел голосок смеющейся Кэти, мадам Лилье, сначала фыркнув на нелепые проделки приятеля, тоже принялась смеяться. Маркиз д'Анжу заливался хохотом, граф д'Жене соизволил снисходительно усмехнуться. Только юная Эльзи стояла молча и равнодушно, а когда запыхавшийся маг, наконец, остановился и обратился к юной маркизе с вопросом, как ей понравилась песенка, маркиза д'Анжу ровным спокойным голосом ответила:

— Да, она веселая, мне нравятся такие песенки.

— А Вам, милая леди, Вам понравилось? — толстячок, как будто не заметивший равнодушия Эльзи, обратился к Кэтрин. Девушка, все еще смеющаяся при одном взгляде на мага, с трудом нашла в себе силы ответить:

— Очень понравилось, господин маг, очень! Это же одна из песенок, которые поет Лунный Бродяга, правда?

— А, ну конечно, — Бартоломью принял надутый вид обиженного ребенка, — вам, девчонкам, лишь бы слушать песенки вашего кумира — Айвена Лунного Бродяги! К Вашему сведению, дорогая леди, эту песенку поют так давно, что никто и не помнит, когда она прозвучала в первый раз. Но Айвена Бродяги в те времена еще и на свете не было, да и родителей его тоже!

— Айвен... — неожиданно для всех раздался голос юной маркизы, — Лунный Бродяга... Ты знаешь его?

Эльзи обращалась к Кэтрин, и графиня увидела, что сквозь равнодушие маркизы как будто пробивается какое-то чувство: тревога, волнение, попытка вспомнить? Эвелина не могла понять точно, что сейчас испытывает маркиза д'Анжу, но, по сравнению с прежним безучастным выражением, на ее лице бушевала буря эмоций. А Кэтрин со всей искренностью ответила на вопрос Эльзи:

— Конечно, я знаю Айвена, его все знают! Ой, то есть я не видела его самого, но песни Айвена знаю, как можно их не знать! А когда начнется Лунный Бал, Айвен выступит во дворце, и я смогу увидеть, как он поет, представляешь? И ты сможешь, все кто только будет на Балу!

— Айвен будет во дворце! Папа, ты слышишь? — лицо Эльзи приобрело совсем обычное для молодой девушки, эмоциональное выражение, она повернулась к отцу с такой надеждой во взгляде, что маркиз д'Анжу смущенно отвел глаза. Эвелина уже поверила, что маркиза полностью пришла в себя от непонятного морока, лишавшего ее чувств, но тут граф д'Жене поднялся с места, опираясь на свою необычную трость.

— Эльзи, ты забылась! — жесткий голос графа прозвучал непререкаемым приказом. — Ты — моя невеста и равнодушна ко всем и ко всему, кроме меня, своего жениха, графа Огюста д'Жене!

Трость стукнула по полу, Эвелине показалось, что темные глаза орлиной головы сверкнули красным огнем, но вспышка была так мимолетна, что графиня не могла бы утверждать с уверенностью. А юная Эльзи вновь поникла, прежнее равнодушие вернулось к девушке. и она ровным голосом ответила:

— Простите мою несдержанность, Ваша Светлость.

Огюст д'Жене неспешно подошел к юной маркизе, по-хозяйски взял девушку за подбородок и, приподняв ее голову, внимательно взгляделся в потухшие отрешенные глаза.

— Вот так-то лучше, девочка моя, — удовлетворенно заметил старик, — тебе всего лишь надо слушаться меня и своего отца, и ты никогда не совершишь непоправимой ошибки.

— Да, Ваша Светлость, я помню, что Вы хотите мне добра и буду слушаться, — голос Эльзи, отозвавшейся на реплику графа, был настолько лишен эмоций, что дамы в недоумении переглянулись, а маркиз д'Анжу суетливо вытирал пот со лба, пытаясь за неискренней улыбкой скрыть свое волнение.

Граф д'Жене, не обращая внимание на окружающих, покровительственно улыбнулся юной маркизе, отпустил ее подбородок и вознамерился вновь вернуться к удобному креслу. Но, неожиданно для графа, на его пути возникло препятствие — смешной маленький толстяк стоял совсем рядом с высоким д'Жене и, задрав голову, с детским любопытством рассматривал его. А потом, с неменьшим любопытством, задал совсем уж наивный вопрос:

— Послушайте, а как Вы это сделали?

— Что именно? — д'Жене не скрывал своего презрения к нелепому человечку, но толстяка, казалось, ничто не могло смутить. Он по-прежнему стоял на пути надменного графа и таращил на него глаза. А потом задал еще один вопрос, неожиданно для всех, очень серьезным и даже жестким тоном:

— Что именно? Да вот то самое, что сейчас произошло с девушкой, вот что! Как Вам удалось заглушить в ней все чувства и оставить только послушание, одно только послушание и покорность Вам, ее владельцу!

Глава 21

Злоба исказила высокомерное лицо старика, он поднял трость, словно собираясь ударить нелепого мага, но в последний момент сдержался и всего лишь процедил сквозь зубы:

— Ничтожный шут! Отойди прочь, пока я сам не отшвырнул тебя с дороги!

У Эвелины дрогнуло сердце от испуга, но Бартоломью Форбенкс стоял на прежнем месте и бесстрашно смотрел в глаза противнику. Сейчас маг не выглядел смешным увальнем, он словно вырос, да и живот куда-то делся. Даже круглые очки уже не подчеркивали образ недотепы, а смотрелись необходимым атрибутом ученого высокой степени.

Невысокий плотный мужчина, каким выглядел сейчас Бартоломью, ничего не отвечал графу, он просто стоял на его пути, но так спокойно и уверенно, словно именно маг был здесь хозяином положения. Обозленный граф не выдержал "наглости захудалого городского мага" и поднял на него свою трость. Яркая красная молния сверкнула от наверху, целясь в бесстрашного толстяка, но тут же исчезла, растворилась в еще более яркой вспышке света, возникшей от взмаха руки Бартоломью. Непостижимым образом он уничтожил молнию без следа, а сразу вслед за этим, потоком слепящего света, все равно как кнутом, выбил опасную трость из руки д'Жене.

Стук упавшей на пол трости совпал с толчком открытой входной двери. Но в этот раз колокольчик почему-то промолчал, и новых посетителей никто не заметил. Все, кто находился в комнате были настолько напряжены и ошарашены происходящими событиями, что и звон колокольчика вряд ли услышали бы. Графиня Роддерик застыла на месте, прижимая к себе Кэтрин, — как только сверкнула молния, девушка бросилась к ней, словно ища защиты, да так и стояла все время в объятиях старшей подруги. Мадам Лилль ахнула от возмущения, что на ее Барти напали, но вмешиваться не посмела, только крепко сцепила руки, изо всех сил сдерживая свои чувства. Испуганный маркиз д'Анжу подбежал к Эльзи, стараясь заслонить ее от происходящего. Что же касается самой девушки — она, пожалуй, единственная из всех оставалась холодна и безучастна к разгоревшейся рядом битве.

Бартоломью легко поднял необычную трость и с интересом принялся ее рассматривать. Граф д'Жене со всей яростью бросился к нему, но тщетно — невидимая стена не подпустила Огюста к магу. А когда граф отступил, собирая силы для новой попытки, он почувствовал на своих плечах чьи-то сильные руки. Озлобленный д'Жене резко обернулся и увидел двух крепких мужчин в форме магической охраны. Их суровый вид яснее всяких слов говорил, что повторное нападение на Форбенкса мужчины не допустят.

А Бартоломью, вновь принявший вид безобидного толстяка, как будто и не замечал происходящего. Он крутил в руках трость, оглядывая ее со всех сторон, переворачивал, стучал об пол, нисколько не опасаясь вспыхивающих красным орлиных глаз, и, наконец, небрежно щелкнув по орлиному клюву, передал так заинтересовавшую его вещь одному из охранников.

— Осторожней с ней, Тед, — предупредил Бартоломью, — на какое-то время я ее обезвредил, но штука с характером. Если ты ей по нраву придешься, может и молнией приложить.

— Справимся, господин Форбенкс, не впервой, — усмехнулся тот мужчина, которого маг назвал Тедом. — А что за штука такая? Что-то новенькое?

— Артефакт власти, — охотно ответил ему Бартоломью, — слышал я, что такие есть в древних родах, но вижу впервые. Эта "штука" дает главе рода неограниченную власть над своими подданными. Временную, конечно, не постоянную. Но пока этот жезл власти в руках хозяина — никто не посмеет ослушаться его приказа, каким бы он ни был.

— Это что же, и в пропасть прыгнуть может? — удивленно спросил второй охранник, помоложе Теда.

— Может и в пропасть, если хозяин так пожелает, — серьезность ответа не позволяла сомневаться в словах Форбенкса.

Графиня Роддерик, осознавшая причину равнодушия Эльзи, взволнованно обратилась к Бартоломью:

— Но маркиза! Она слушалась д'Жене, даже когда его не было рядом!

— Ах да, конечно, здесь должно быть что-то еще, — Бартоломью кивнул своим собственным мыслям и подошел к Эльзи. Девушка стояла рядом с отцом и, в отличие от перепуганного д'Анжу, оставалась совершенно бесстрашной. Форбенкс легко обошел маркиза и, став совсем рядом с Эльзи, попросил ее ласково и мягко, как ребенка:

— Дорогая моя, покажите-ка мне, что у Вас на руке!

Маркиза спокойно протянула руку маленькому магу, и все увидели странный перстень на безымянном пальце: темная полоска непонятного сплава и на ней два потускневших рубина.

— Вот оно что... — Бартоломью рассматривал украшение на пальчике маркизы с явным удовольствием, словно ученый, обнаруживший неизвестный доселе артефакт, — кольцо послушания, так кажется, его называют. Человек, надевший такое кольцо, не просто подчиняется жезлу власти, пока хозяин рядом, но еще и помнит все его приказы, и старается выполнять их по мере сил, даже когда хозяин выпускает его из поля зрения.

— Ну так снимите с девушки это злосчастное кольцо! — Эвелина готова была подбежать и сама стащить с пальца маркизы подлый артефакт, лишивший ее воли, но Бартоломью, улыбнувшись ее нетерпению, все также ласково обратился к спокойно наблюдавшей за ним Эльзи:

— Дорогая моя, а давайте-ка Вы снимите колечко, чтобы я мог получше его разглядеть?

Маркиза д'Анжу согласно кивнула и потянула кольцо с пальца, как вдруг прозвучал громкий четкий приказ графа д'Жене:

— Эльзи, не смей снимать кольцо! Ты никому не позволишь снять с себя это кольцо и никогда не выпустишь его из рук, ты поняла меня?

— Да, Ваша Светлость, — юная маркиза послушно отозвалась на грозный голос и, сжав руку с кольцом в кулак, для верности прикрыла ее еще и второй рукой. А потом вежливо и равнодушно сказала Бартоломью:

— Простите, я не могу исполнить Вашу просьбу. Мне запрещено снимать кольцо.

Эвелина вскрикнула от ужаса и негодования, Бартоломью Форбенкс поморщился, досадуя на неожиданную помеху. Он повернулся к торжествующему графу и ворчливо спросил:

— Ну, и зачем Вы это сделали, Ваша Светлость? Там, куда Вы сейчас отправитесь, Вам точно будет не до девушек, разве не так? Зачем Вам доставлять юной леди такие неудобства? Вы прекрасно знаете, что если чары кольца не подкреплять новым приказом хозяина, со временем они спадут, и девушка освободится от Вашей власти.

— Со временем, но не сразу! — ликование и злоба настолько переполняли графа, что он отбросил свою обычную сдержанность. — Лунный Бал состоится завтра ночью, а прекрасная Эльзи ни с кем, слышите, ни с кем не станет танцевать на этом Балу, потому что меня не будет рядом! И ее влюбленный менестрель останется с носом, Лунный Цветок не распустится над их парой, Айвену не удастся добиться руки Эльзи!

Женщины в ателье дружно вскрикнули, возмущаясь подлостью поверженного графа, и Эвелина, опомнившись, закричала:

— Остановите его, не позволяйте ему больше говорить!

— Не волнуйтесь так, графиня Роддерик. я уже сказал все, что хотел, останавливать меня надо было раньше, — старик засмеялся неприятным каркающим смехом. Сейчас, когда настоящие чувства сменили светскую маску, Эвелина не могла понять, почему граф д'Жене казался ей интересным мужчиной. Его светло-серые глаза горели злобой и ненавистью, лицо было искажено отчаянной яростью поверженного врага, не желавшего принять свое поражение, — в эти минуты Огюст д'Жене внушал ужас и отвращение, но никак не симпатию.

А граф д'Жене, перестав обращать внимание на Эвелину, пристально вглядывался в маленького толстячка, как будто решал для себя какую-то необъяснимую задачу. Бартоломью спокойно выдержал ненавидящий взгляд, и старик хриплым срывающимся голосом спросил:

— Кто ты такой? Мерзавец, разрушивший все мои планы, посмеявшийся противостоять силе родовых артефактов? Кто?! Простой городской маг не может иметь такой силы!

— И тем не менее, я — простой городской маг, — серьезно и просто ответил Бартоломью. — Старший дознаватель Королевского Магического Сыска города Арма Бартоломью Форбенкс, боевой маг высшей квалификации.

— Дознаватель? Старший дознаватель сыска, боевой маг, подрабатывает в ателье?! Врешь, мерзавец! Ты затем и пришел сюда, чтобы арестовать меня, а все разговоры о женских тряпках были притворством!

— Ну уж нет, очень надо было Барти приходить ради Вас! — мадам Лиллье, до глубины души

оскорбленная словами о "бабских тряпках", немедленно бросилась в бой. — Перед Лунным Балом маги такие цены заломили, что не сторговаться! А Барти мой добрый приятель, вот и согласился помочь по старой дружбе. Кто же знал, что Ваша Светлость такой Подлостью окажется?

Старый граф расхохотался на слова модистки захлебывающимся, почти истерическим смехом. Смотреть на него было и неприятно, и жалко, поэтому, когда Бартоломью приказал стражникам увести арестованного, все в комнате вздохнули с облегчением.

— Думаю, девушке можно переодеться в свое обычное платье, — заметил Бартоломью, глядя на Эльзи, стоявшую спокойно и неподвижно, только руки ее все еще были сжаты, оберегая кольцо

— Да, да, конечно, — спохватившаяся Сесиль крикнула старшую помощницу, которая так увлеклась чаепитием с кучером графини, что пропустила все события, произошедшие в ателье.

Кэтрин в этот раз осталась рядом с графиней, она испуганно смотрела то на мага, то на маркиза, а потом задала самый волнующий ее вопрос:

— А что теперь будет с Эльзи?

— Да, да, конечно, — маркиз д'Анжу неподдельно обрадовался вопросу фрейлины, — что будет с моей Эльзи, господин главный маг? Когда она придет в себя?

Желание маркиза польстить не укрылось от Бартоломью, маг недовольно сморщился, но ответил, правда, не совсем то, что от него ожидали:

— Ваша дочь, господин маркиз, находится под воздействием, так называемого, кольца послушания, которое лишает человека собственной воли. К сожалению, граф д'Жене совсем недавно подверг маркизу влиянию жезла власти, а после этого отдал ей приказ не снимать кольца и не позволять другим лицам его снять. Вне всякого сомнения, сила воздействия жезла и кольца постепенно рассеется, но на это необходимо время. Возможно, месяцы, а возможно и несколько лет.

— Как несколько лет? — ахнула Эвелина, внимательно слушавшая мага. — Но как же Лунный Бал? Маркиза д'Анжу не сможет присутствовать на нем?

— Почему же нет, такое вполне возможно! Но, к сожалению, госпожа маркиза полностью останется под влиянием магии кольца и, выполняя приказ графа, откажет в приглашении на танец любому, даже самому знатному кавалеру.

— Но если Эльзи д'Анжу ни с кем не будет танцевать, ее присутствие на Балу не имеет смысла! — графиня Роддерик посмотрела на маркиза в ожидании поддержки и удивилась довольному выражению его лица. Анри д'Анжу буквально сиял, как будто ему сообщили самую замечательную новость.

Уловив недоумевающий взгляд графини, маркиз приосанился и важно произнес:

— Я очень доволен Вашей работой, господин маг! Вы сделали все, как нельзя лучше, и я хотел бы отблагодарить Вас!

Анри д'Анжу начал доставать кошелек, но Бартоломью остановил его нетерпеливым движением руки:

— Вам не за что благодарить меня, господин маркиз! Это я должен быть Вам благодарен — за поимку преступников, применяющих родовые артефакты для подавления воли, маг получает вознаграждение из королевской казны и повышение в должности. Но объясните-ка мне, каким образом кольцо послушания оказалось на руке Вашей дочери? Его нельзя одеть силой или обманом, только добровольно. иначе магия кольца не сможет воздействовать на того, кто носит его на пальце.

— Видите ли, господин главный маг... — маркиз засуетился, пряча глаза и вытирая платком лысеющую макушку. — я сам уговорил Эльзи носить кольцо графа... Но, конечно же, я никак не мог заподозрить, что кольцо имеет такие необычные свойства...

— Не подозревали. вот как? И не заметили изменений в состоянии дочери? — вопрос графини Роддерик прозвучал язвительно и едко, и маркиз гордо выпрямился, показывая, что не желает терпеть оскорбительное недоверие по отношению к своей персоне.

— Граф д'Жене всего лишь пояснил мне, что кольцо приглушит эмоции моей Эльзи и не позволит ей надеть глупостей. А зная о ее чувствах к злосчастному менестрелю... Я — отец, Ваша Светлость, и счастье дочери для меня важнее всего!

— И ради того, что Вы считаете счастьем для своей Эльзи, Вы сами уговорили ее надеть кольцо графа? — голос Бартоломью прозвучал мягко и понимающе, и маркиз согласно кивнул.

— Да, все так и было. Я попросил Эльзи всего лишь сделать вид, что она приняла предложение графа, не более того. А чтобы Огюст поверил, надеть его кольцо...

— Сколько Вы задолжали графу д'Жене? — этот вопрос мага прозвучал неожиданно жестко. Маркиз д'Анжу вздрогнул, жалобно посмотрел на слушателей, но не нашел ни в ком поддержки. Он вздохнул несколько раз и очень неохотно ответил:

— Много, господин маг, очень много! Я взял у него в долг под такие проценты, что не сумел вовремя расплатиться! Если бы я отказал д'Жене в руке Эльзи, он лишил бы меня всего имущества и засадил в долговую тюрьму... Подождите, господин главный маг, но как же сейчас? Если д'Жене посадили, то...долги можно не возвращать?

Такая неприкрытая надежда прозвучала в голосе маркиза, что Бартоломью усмехнулся.

— У графа д'Жене могут быть наследники, не так ли?

Маркиз побледнел, видимо, соображая, что договориться с наследниками может быть сложнее, чем с графом, но Форбенкс продолжил:

— Все сделки графа будут проверены королевским сыском, господин маркиз. И если окажется, что, подписывая долговое обязательство, Вы подвергались магическому воздействию, Вас не только освободят от выплаты по долгу, но и вернут уже выплаченные суммы.

Надо было видеть лицо маркиза — счастливое и окрыленное! Он радостно закивал, соглашаясь с каждым словом мага, и поспешно подтвердил сказанное:

— Конечно, конечно же я был под воздействием артефактов графа, нет никаких сомнений! А я-то все никак не мог понять, почему вдруг согласился на такие грабительские проценты?!

Маркиз д'Анжу еще выплескивал свои бурные эмоции, понося "обманщика-графа" и восхищаясь "господином главным магом", когда вернулась Эльзи в сопровождении мадам Лилье и Марты Рейн. Девушку переодели в обычный наряд, роскошное бальное платье успели упаковать, и Марта держала его в руках.

— Куда прикажете уложить платье, господин маркиз, — осведомилась старшая помощница мадам Лилье.

— Платье? — маркиз д'Анжу рассеянно озирался по сторонам, ему нелегко давалось возвращение в реальность из волшебных грез, где он видел себя богатым и независимым. — Да зачем оно теперь? Хотя нет, все уже оплачено, так что отнесите в карету. Когда моя девочка придет в себя, мы устроим большой праздник, и она обязательно наденет Ваше волшебное творение, мадам Лилье!

Маркиз, воодушевленный блестящей перспективой избавления от долгов, быстро возвращался в обычное восторженное состояние. Он подскочил к "лучшей модистке Арма" Сесиль Лилье — поцеловать ей руку в знак восхищения — и начал прощаться с другими дамами, щедро рассыпая им комплименты. Но графиня Роддерик, осознав, что именно сказал сейчас Анри д'Анжу, беззастенчиво прервала его сладкие речи:

— Подождите, маркиз! Что значат Ваши последние слова? Вы хотите сказать, что Эльзи д'Анжу не будет на Лунном Балу?

— Да, именно это я и сказал сейчас, госпожа графиня, — д'Анжу, обиженный тем, что ему не дали договорить, отвечал слегка раздраженно. — Зачем моей Эльзи присутствовать на Балу, где она не сможет ни повеселиться, ни потанцевать? Мы сегодня же уезжаем домой, не дожидаясь начала торжества!

— Нет, нет, господин маркиз, сегодня же не получится, — голос старшего дознавателя звучал мягко, но непререкаемо, — мы должны подробно опросить Вас о кольце, о том, как граф получил от Вас долговую расписку, да и другие вопросы могут возникнуть. Так что, будьте добры, задержитесь в Арме не меньше, чем на несколько дней.

— Но почему так долго? — маркиз д'Анжу не скрывал своего недовольства.

— Потому что слияние Трех Лун уже завтрашней ночью, и все мои подчиненные сейчас готовятся к главному празднику Армании. А потом у них будет пара свободных дней, чтобы прийти в себя после веселых гулянок. На посту остаются только дежурные сыскари и стражи, но они призваны решать более срочные вопросы, чем беседа с Вами, господин маркиз, — у Бартоломью был такой важный и довольный вид, что Эвелина заподозрила его в желании подстроить маркизу небольшую пакость.

Однако всерьез волновало графиню совсем другое. Она почти с отчаяньем смотрела на Эльзи, не проявлявшую ни малейшей эмоции. Присутствие девушки на Балу в таком состоянии практически

бесполезно, все равно, что красивая кукла будет молча стоять среди гостей. Но если маркиз д'Анжу с дочерью совсем не появятся на Балу... Не останется ни малейшей надежды на танец Эльзи с Лунным Бродягой, на то, что Лунный Цветок раскроется над их парой! А через год, другой, маркиз выдаст красавицу-дочь замуж за богатого аристократа, и неизвестно, будет ли этот аристократ лучше графа д'Жене?

Глава 22

— Господин маркиз, — голос графини Роддерик зазвучал сухо и высокомерно, и д'Анжу вздрогнул, вспомнив, что перед ним первая фрейлина королевы, — я надеюсь, Вы не всерьез говорили сейчас, что отказываетесь от королевского приглашения на Лунный Бал? Или я должна напомнить Вам, что списки приглашенных утверждены Его Величеством и далеко не все дворяне Армании будут веселиться в эту ночь в королевском дворце?

— Но как же, моя Эльзи, ее состояние... — растерянno залепетал маркиз.

— Ну а что плохого в ее состоянии? — Бартоломью Форбенкс, совсем уже вернувшийся к образу нелепого смешного толстяка, весело смотрел на д'Анжу. — Подумаешь, девушка не будет ни с кем танцевать, велико несчастье! Отведете ее в сторонку, усадите рядом с собой — и пусть сидит спокойно. Уж поверьте, там столько народа будет, что к Вашей Эльзи подойдут пару раз, да и отстанут. А вот Вам самому найдется с кем поговорить — в королевский дворец пригласили далеко не каждого аристократа, как очень верно заметила Ее Светлость. Да, и вот еще один довод, подумайте сам, что станут говорить соседи, когда узнают о Вашем поспешном отъезде из Арма накануне Бала?

— Конечно, конечно, все так и есть! — маркиз д'Анжу быстро закивал, соглашаясь с доводами Бартоломью, и его лицо вновь оживилось, — Нет, ну как Вы все верно сейчас сказали, господин маг! Конечно, конечно же, я просто обязан пойти на Бал, Вы правы! Поддержать старые знакомства, завести новые, да и соседи не должны ничего заподозрить, иначе как я найду Эльзи достойного жениха?..

Последние слова маркиз почти пробормотал, словно это были его мысли вслух, не предназначенные для собеседников, но быстро взял себя в руки и, встряхнувшись, важно произнес, глядя на Эвелину:

— Госпожа первая фрейлина, у Вас нет причин для беспокойства, мы с Эльзи будем во дворце в ночь Лунного Бала!

— Вот и прекрасно, господин маркиз! — Эвелина немного успокоилась и говорила с д'Анжу более благожелательно. Но маркиз, желая оставить за собой последнее слово, добавил еще пару фраз, причем очень значительным тоном:

— И прошу Вас, госпожа графиня, предупредить менестреля, которому Вы покровительствуете, что ему нет нужды приближаться к моей Эльзи! Если, конечно, он не хочет, чтобы девочка отказала ему при всех!

Сесиль бросилась вперед, намереваясь что-то сказать, но Эвелина успела перехватить подругу. А гордый собой маркиз д'Анжу подхватил дочь под руку, помог ей накинуть шаль и вышел из ателье, небрежно кивнув на прощание всем оставшимся. Марта едва успела за ним, чтобы передать платье, так спешил маркиз побыстрее уйти из дома, где ему пришлось сегодня выслушать немало неприятных слов в свой адрес.

— Эвелин, ну почему ты не дала мне сказать, что Айвен вовсе не бродяга, а старший сын купца Линнеля, одного из богатейших купцов Армании?! — с этими словами Сесиль Лилье набросилась на подругу, как только закрылась дверь за маркизом и юной Эльзи.

— Бесполезно, Сеси, — вяло отмахнулась от нее Эвелина, — маркиз д'Анжу южанин, у них особенные понятие о родовой чести. Выдать дочь за купца, даже самого богатого, для него почти то же, что за бродягу. Одна надежда была на Лунный Цветок — с его властью не смеет спорить ни один аристократ, как бы родовит он ни был, но сейчас...

Графиня Роддерик горько вздохнула, а взволнованная мадам Лилье тут же переключилась на своего доброго приятеля:

— Барти, дорогой мой, ты такой выдающийся маг, самый лучший из всех, кто только есть в Армании! Прошу тебя, устрой так, чтобы девушка пришла в себя к Лунному Балу!

— Увы, Сеси, душа моя, — толстяк Бартоломью устроился в кресле, которое совсем недавно занимал граф д'Жене, и вздыхал сейчас намного горестней, чем Эвелина, — нет ни малейшей возможности, поверь мне! Если бы была, неужели ты думаешь, я бы ее упустил?

— Но ведь Эльзи вспомнила Айвена и стала совсем настоящей? — робкий вопрос Кэти, о которой почти забыли — такой тихой и незаметной она была во время недавних событий — раздался неожиданно для всех. На лицах женщин появилась надежда, но Бартоломью лишь покачал головой, опровергая все возможные иллюзии.

— Если бы все было так просто, дитя мое... Скорее всего, юная маркиза последнее время была на

глазах у д'Жене, и он подчинял ее волю, не прибегая к жезлу. Но сегодня, когда Эльзи ненадолго освободилась от его влияния, граф отдал кольцу приказ такой силы, что ни имя Лунного Бродяги, ни его песни уже не смогут вновь разбудить чувства девушки. Эх, если бы можно было снять с нее кольцо, как все стало бы просто и легко! Это я виноват — увлекся изучением необычного артефакта и совсем забыл о том, что его хозяин рядом!

Искренне расстроенный толстячок просто взывал к сочувствию всем своим видом, и Сесиль бросилась утешать "беднягу" Барти, а у Эвелины пропало любое желание упрекать мага. Графиня взглянула на расстроенную Кэти, на подругу, устроившуюся в одном кресле с магом, и нашептывающую ему слова утешения, на расцветающего довольной улыбкой Бартоломью...

— Вот что я думаю, господин Форбенкс! — графиня Роддерик понимала, как она сейчас безжалостна к магу и Сесиль, но у нее не было времени дожидаться окончания их нежной беседы. — Если граф д'Жене дал приказ девушке не снимать кольцо и не желает свой приказ отменить, значит, необходимо устранить графа, лишив его возможности влиять на родовые артефакты!

— Вот как? — Бартоломью удивленно заморгал глазами, с любопытством рассматривая графиню. — Вы предлагаете казнить графа д'Жене? Идея не так уж плоха, Ваша Светлость, но, боюсь, вряд ли получится выполнить ее немедленно. Хотя, можно, конечно, устроить покушение прямо в тюремной камере, например, при попытке к бегству...

Невозможно было понять, шутит маг или говорит серьезно, пока не раздалось громкое "Ой!" Кэтрин. Только после ее испуганного возгласа серьезный вид слетел с лица важно рассуждающего Бартоломью, и он от души расхохотался, радуясь тому, как удачно всех разыграл.

— Послушайте, господин Форбенкс, — Эвелина почти рассердилась на мага за неуместные, по ее мнению, шутки, — я говорю не о смерти графа, а о передаче родовой власти его наследникам, неужели Вы не понимаете? Если главой рода станет наследник Огюста д'Жене, старый граф потеряет власть над родовыми артефактами, и Эльзи освободится от подлых чар, лишаящих ее воли!

— Графиня, а ведь это хорошая мысль, очень хорошая! — вот сейчас Форбенкс был по-настоящему серьезен. — Если у д'Жене есть наследники, можно довольно быстро проверить это дело.

— Так, что же у нас получается. — оживившийся толстячок вскочил с кресла и энергично расхаживал по комнате, рассуждая вслух, — старого графа лишают всех привилегий и полномочий, его наследник становится главой рода и немедленно получает все права, включая власть над родовыми артефактами. Да, это выход, нет никаких сомнений! Необходим королевский указ о передаче прав главы рода д'Жене новому графу и сразу вслед за получением указа — проведение специального магического ритуала. После ритуала родовые артефакты теряют связь с прежним хозяином, перестают ему подчиняться. И у нас появляется возможность снять с пальчика юной маркизы злосчастный перстень. Но указ о передаче прав главы рода может подписать только король...

Бартоломью прервал свой монолог и вопросительно взглянул на графиню Роддерик. Графиня, внимательно слушавшая мага, понимающе кивнула:

— Я упрошу королеву Амалию вступить за несчастную девушку. Уверена, что Август не откажется выполнить просьбу жены, и указ будет подготовлен уже сегодня.

— Ну что же, тогда все складывается! — энергичный толстячок Барти довольно потирал руки. — Если действовать быстро, девушка освободится от артефакта графа д'Жене уже завтра утром, и сможет сама принимать решения

— Все складывается у него! — неожиданно передразнила Бартоломью мадам Лилье, одиноко сидевшая в уголке кресла. — Выдумка, что и говорить, замечательная, если бы не одно но...

— О чем ты, Сеси, не пугай меня! — Эвелина умоляюще смотрела на подругу, и та смутилась, расстроенная, что приходится приносить плохие вести.

— Эвелин, дорогая моя, у графа д'Жене нет прямых наследников мужского пола. Возможно и есть, конечно, но не в законном браке, и о них достоверно ничего неизвестно.

— Сеси, но ты уверена в своих словах? Ты точно знаешь?

— Эвелина, — мадам Лилье сочувствующе смотрела на подругу, — ты не забыла, что я постоянно общаюсь с главными сплетницами Арма? Во всей Армании не найдется сплетен про аристократов, которые бы я не знала.

— Совершенно верно, — тут же согласился Бартоломью, — Сесиль известно если не все, то почти

все. Поверьте, графиня, наш королевский сыск осведомлен не многим больше, чем лучшая модистка Арма!

"Лучшая модистка" довольно улыбнулась и бойко принялась выкладывать слушателям все, что ей известно о наследниках графа.

— Так вот, от первого брака у графа д'Жене детей не было, супруга оказалась бездетной. Через несколько лет семейной жизни разочарованный граф отправил жену в монастырь, а сам оформил официальный развод. Бедная женщина угасла, не прожив там и пары лет, — не выдержала суровой жизни в обители. Граф д'Жене, вскоре после развода, повел под венец вторую девушку. Молодая графиня родила ему двух дочерей и носила третьего ребенка, как вдруг неожиданно скончалась. Целители определили остановку сердца, но никто из соседей не верил, что у молодой здоровой женщины могло быть больное сердце. Поговаривали, что граф поймал жену с любовником и понял, кто настоящий отец еще нерожденного ребенка. Точно никто не знает, но в те же дни, когда умерла графиня д'Жене, один из соседей графа был найден погибшим. Его тело нашли в ущелье, смерть молодого человека посчитали результатом несчастного случая

После смерти второй жены, граф не стал искать новую невесту. Говорят, что жил он вольготно, не упускал возможности завести красивую любовницу, замужних соседок тоже не обходил вниманием. Но все его связи были кратковременными и о бастардах д'Жене ничего не известно.

— А его дочери? — нетерпеливо спросила графиня Роддерик.

— Дочери? — Сесиль легкомысленно пожала плечами и, чуть задумавшись, ответила. — Они обе замужем, у одной маленькая дочь, у второй пока детей нет. Вот и все, что мне известно о наследниках д'Жене.

— Невозможно... — Эвелина опять почувствовала приступ отчаяния, — если у графа нет сыновей...

— Да, сударыня, как ни жаль, но если у графа д'Жене нет сыновей, которые могли бы принять главенство над родом, Ваша идея теряет смысл. Увы, но дочери не могут наследовать в полной мере, родовые артефакты не признают их власти.

— Неужели нет никакого выхода? Разве случай с д'Жене — единственный, когда не осталось наследников мужского пола?

— Не единственный, графиня, конечно не единственный! И выход есть — найти наследников во втором или третьем колене и передать им власть над родом. Но, увы, пока мы начнем поиски, пока определим наиболее достойного из нескольких наследников и проведем ритуал... Время будет потеряно, и девушка ничего не выиграет в этом случае. Скорее всего, власть кольца над ней уже угаснет сама по себе, прежде чем в замок д'Жене въедет новый владелец.

— Бастарды! Эвелина, Барт, надо найти бастардов графа, хотя бы одного, и ему передать все права на наследство! — вдохновенные глаза Сесиль сияли так, словно она уже видела перед собой очередь из будущих д'Жене.

Эвелина невольно улыбнулась, видя азарт подруги, а вот Бартоломью заинтересовала неожиданная идея.

— Сеси, душа моя, а ты очень неплохо придумала... На Бал приедет много родовитых аристократов со всей Армании, и из Южного предместья тоже, возможно, будет кто-то из соседей д'Жене и Анжу... Надо бы приглядеться к их сыновьям — нет ли у них сходства с графом...

— Как Вы себе это представляете? — графиня Роддерик и сердилась, и смеялась, видя перед собой уже два пары глаз, горящих одинаковым азартом. — Сходство — показатель очень неопределенный, чтобы ориентироваться только на него. Сеси, помнишь, ты сама говорила мне, что есть особый тип южан: брюнеты, у которых светлые глаза. Вы всех молодых гостей будете проверять: не подходит ли кто под такое описание внешности? А потом расспрашивать их матушек, кто на самом деле отец ее сына, уж не граф ли д'Жене?

Графиня была уверена, что старший дознаватель сыска осознает нелепость своей затеи, но Бартоломью так просто не сдался. Он принялся уверять и графиню, и модистку, что найти бастарда графа — единственно возможный выход, а главное, вполне реальный. Убежденная доводами мага Эвелина согласилась передать ему через мадам Лиллье списки гостей из Южного предместья. Сесиль, со своей стороны, взялась собрать все возможные сплетни о внебрачных связях д'Жене. Сам Бартоломью пообещал, что как только списки будут у него, он лично проверит всех молодых аристократов, подходящих по возрасту, на сходство с графом и, в подозрительных случаях, постарается установить возможность родства своими магическими способами, не прибегая к расспросам.

— Бартоломью, а зачем Вам влезать во всю эту кутерьму? — Эвелина действительно не понимала,

почему маг принимал такое активное участие в судьбе Эльзи, — Положим, у меня есть свои, личные, причины, из-за которых я помогаю встретиться двум влюбленным. Но Вы, уважаемый маг, старший дознаватель королевского сыска?..

— Граф д'Жене решил, что оставил нас в дураках, когда отдал приказ девушке, будучи уже под арестом. А я, знаете ли, в дураках оставаться не привык! Именно так, сударыня, не привык! Так что освободить девушку от чар для меня дело чести, если хотите, не больше и не меньше!

Серьезность, с которой Бартоломью Форбенкс произнес эту тираду, не позволяла сомневаться в его искренности. И хотя Эвелина подозревала, что поводом для действий мага послужила не только задетая профессиональная честь, она благоразумно оставила свои расспросы. Ведь и сама графиня никому не рассказывала, что у ее "личной причины" серо-синие глаза и сурово сжатые губы первого министра...

— Ну что же, раз мы все обговорили, можно начинать действовать, — Эвелина решительно тряхнула головой, отбрасывая неуместные воспоминания, и повернулась к Кэтрин, — Кэти, о чем ты так замечталась? Нам давно пора быть во дворце, собирайся!

Кэтрин, смотревшая сейчас перед собой с самым отрешенным видом, как будто опомнилась от сна и неожиданно выпалила:

— А я думаю, что никого искать не надо! Когда Эльзи увидит на Балю Айвена и услышит его песни, она сама очнется! Вот увидите, так все и будет!

В голосе девушки была такая убежденность, что никто не стал подшучивать над ней. Умиленный Бартоломью нежно поцеловал руку юной фрейлины и ласково ответил:

— Дорогая моя, если бы все было так просто...

— Но Вы же сами пели, что слиянье Трех Лун творит чудеса? — Кэтрин не собиралась отступать, она упрямо сдвинула брови и строго смотрела на мага, подозревая, что он не говорит ей всей правды, как не говорят маленькому ребенку.

— Конечно, конечно, так оно и есть, дитя мое! — Барти явно был растроган упорством девушки, — но, видишь ли, чудо — очень непредсказуемая вещь, мы не можем быть уверены, что оно обязательно произойдет. И поэтому сами делаем все возможное, чтобы спасти юную Эльзи и сохранить ее любовь. А вот если мы сами сделаем все, что в наших силах, но ничто не поможет, вот тогда и будем надеяться на чудо! Но никак не раньше, леди Брайтон, никак не раньше!

Кэти вздохнула, принимая ответ, а Эвелина ахнула, осознав, о ком она совсем забыла:

— Айвен, он же ничего не знает о том, что произошло с Эльзи! Сесиль, тебе известно, где он остановился в Арме?

Мадам Лилье только собралась ответить, как в разговор вступила Марта. Старшая помощница давно успела уложить платье Кэтрин, нежно простилась с Пьером, а сейчас скромно стояла в стороне, дожидаясь окончания беседы. Но когда прозвучал вопрос графини Роддерик, Марта не выдержала и, хихикнув, сообщила ей, что "Айвена искать не придется, потому как вечером он обещался сам Вас найти".

Довольная всеобщим изумлением, Марта Рейн охотно рассказала, что когда она с Пьером чаевничала, к ним зашел подмастерье месье Шенье и рассказал, как бушевал сегодня утром менестрель, когда увидел, что ему шьют костюм зеленого цвета, да еще и с золотой вышивкой.

— Уж так он бранился, так ругался, — увлеченно пересказывала Марта благодарным слушателям, — подмастерье ихний сказал, что и половины таких слов не слыхивал, а уж он-то мастак по ругани не из последних! А когда месье сказал менестрелю, что цвет костюма ему сама королева выбрала, Айвен вроде чуть примолк, но потом пообещал, что и с королевой разберется, не будет она ему указывать, какой костюм носить! Тут-то Шенье малость струхнул и признался, что указание от Вас, госпожа графиня, пришло. А был это приказ королевы или Ваше собственное желание, он знать не знает и ведать не ведает. Так что Айвен настроен сегодня же вечером Вас найти и выяснить, по какому праву первая фрейлина в его дела лезет, вот оно как все повернулось!

— Сегодня вечером... но где он собирается меня искать сегодня вечером? Ах да, конечно, как я могла забыть?! Сегодня во дворце собирают всех, кто будет выступать не Балю, чтобы провести хотя бы одну репетицию. А вечером, в честь знаменитых исполнителей, король дает малый прием, только для них и придворных, ну и тех гостей, что уже прибыли во дворец. Видимо, на этом приеме Айвен и рассчитывает со мной переговорить, — графиня Роддерик рассуждала совершенно спокойно, словно не слышала угроз менестреля, так вдохновенно переданных Мартой.

— И Вам совсем не страшно? — синие глаза Кэтрин, наполненные ужасом и восторгом, удивленно

распахнулись.

— Нет, Кэти, совсем не страшно! — Эвелина рассмеялась, приобняв маленькую фрейлину. — Драться со мной этот Лунный Бродяга точно не будет, а угрозы на словах меня давно уже не пугают.

— Сесиль, скажи месье Шенье, чтобы не вздумал отложить костюм Айвена в сторону и уж тем более, чтобы даже не думал шить ему черный костюм, ты меня поняла? — Эвелина строго глянула на подругу и та согласно кивнула, соорудив, правда недовольную гримаску, но так, чтобы графиня не увидела.

А строгая первая фрейлина, в которую превратилась сейчас Эвелина, продолжала распоряжаться. Она проверила, все ли выбранные ими вещи погружены в фазтон, уточнила с Бартоломью план действий, отправила Кэтрин собираться, обняла Сесиль на прощанье и милостиво позволила магу поцеловать ей руку. Когда фрейлины вышли из ателье, восхищенный Барти пробормотал что-то о "самой отважной и прекрасной женщине Армании", но заметив суровый вид мадам Лилье тут же поправился:

— Конечно, если не считать тебя, душа моя! Ты для меня всегда будешь самой прекрасной из всех дам, кого я только встретил и еще встречу.

Сесиль, удовлетворенная его признанием, нежно поцеловала толстяка Барти, и Марта поскорее ушла из комнаты, где старые приятели явно собирались поговорить о чем-то наедине. А Эвелина и Кэтрин приближались ко дворцу со всей скоростью, которую может обеспечить пара хороших лошадей и довольный жизнью кучер.

Глава 23

Первую фрейлину уже разыскивали — начали прибывать приглашенные на Бал, им требовалось уделить внимание, особенно знатым аристократкам. Так что графиня Роддерик только и успела, что добежать до своей комнаты переодеться и наскоро пообедать. Кэтрин не отставала от старшей подруги, но едва она успела переодеться, выпить чашку чая и съесть пару бутербродов, как пришла горничная, чтобы провести фрейлину в старую часть замка

Эвелина облегченно вздохнула, увидев девушку, которая вчера вечером помогала им подготовиться ко сну, — по мнению первой фрейлины, эта горничная заслуживала доверия. Настроив приказав Кэтрин и горничной прежде всего подойти к старшей камеристке, графиня Роддерик обняла Кэти, напомнила ей держаться подальше от Шенброка и собралась бежать по своим делам.

Единственное, что еще ненадолго задержало графиню — обещание отправить магу Форбенксу списки гостей из Южного предместья. Сделать копию с нескольких листов было бы довольно трудоемко, но Эвелина решила проще: она вызвала верного курьера и отправила с ним ту часть общего списка, где были перечислены приглашенные южане. В короткой записке графиня Роддерик просила Бартоломью сделать для себя магические копии с присланных листов, а оригиналы немедленно возвратить ей с тем же курьером.

Закончив со срочными делами, Эвелина, наконец-то смогла появиться в главной королевской приемной, чтобы лично встретить прибывших знатных дам. Пока что приезжих было совсем немного, но каждая из них считала себя важной персоной и требовала особенного внимания. Самой требовательной и придирчивой оказалась вдовствующая герцогиня Женестьева Эрмгольд, которую пришлось лично проводить в старое крыло. Герцогиня гневно расширила ноздри, узнав, куда ее заселяют, и явно собиралась высказаться по этому поводу, но Эвелина успела опередить ее:

— Какая честь для Вас, Ваше Сиятельство! Старая часть замка, которая помнит еще королей прошлой династии... А какие там великолепные портреты, скульптуры! Поверьте, Его Величество далеко не каждому гостю позволяет заходить в галереи старого крыла, а уж поселиться там...

Графиня Роддерик сделала значительные глаза, и герцогиня удовлетворенно фыркнула, бросив небрежное:

— Уж конечно, заслуги нашего рода не так малы перед Его Величеством, чтобы меня заставляли жить рядом с аристократишками во втором поколении.

— Несомненно, Ваше Сиятельство, несомненно, — графиня отвечала почти не задумываясь, привычно улыбаясь старухе заученной светской улыбкой. И по ходу разговора с тревогой замечала, как суетятся горничные в старом крыле и с каким наслаждением наблюдает солдатня за девушками, бегающими туда-сюда совсем рядом с ними, наклоняющимися, чтобы убрать или перестелить белье.

Кэти Брайтон и Эмму Жернет Эвелина нашла в комнатах старой герцогини, Эмма как раз закончила разбирать вещи гости, а Кэтрин расставляла букеты. Капитан Шенброк крутился тут же, около открытой входной двери и не сводил глаз с маленькой хрупкой фигурки.

— Что Вам здесь нужно, капитан? — возмущению графини Роддерик не было предела. — Почему Вы и Ваши подчиненные торчите в коридорах, мешая девушкам убирать комнаты?

— Вот уж верно, сударыня, мешают, так мешают! — тут же пожаловалась Эмма. — Девочкам моим прохода не дают, так и норовят прижать где-нибудь в углу или ущипнуть. А капитану ихнему я говорила, да ему что об стенку горох, не обращает на мои слова никакого внимания!

Наглая ухмылка Шенброка говорила о том, что он и на слова первой фрейлины внимания обращать не собирается. Графиня быстро придумывала, чем пострашнее напугать бессовестного капитана, как вдруг в бой вступила сама герцогиня.

— Что это значит, почему какой-то капитанишка и его солдатня толпятся тут в коридоре, рядом с моими апартаментами?!

Отто Шенброк открыл было рот, но говорить ему никто не позволил. Зычный голос Женестьева Эрмгольд набрал силу и вскоре зазвучал так, что эхо отозвалось из глубин дворцовых коридоров.

— Невоспитанный щенок, мальчишка, решивший, что ему все позволено! Мой покойный муж, полковник Эрмгольд, таких как ты быстро в солдаты определял, пока вежливости не научатся! А ну, вон отсюда! И чтобы не смели совать в коридор свои мерзкие рожи! Увижу еще хоть одного — весь отряд в приграничье отправят, не будь я герцогиня Эрмгольд!

Солдаты Шенброка, не на шутку напуганные громовыми раскатами командирского голоса, сразу

притихли и отошли подальше. Капитан Шенброк, правда, рискнул что-то сказать о данном ему приказе охранять покой гостей старой части замка, на что получил оглушительное:

— Так изволь охранять, паршивец! Но не здесь, не в гостевых коридорах! У перехода в старую часть, на лестнице, у черного хода выставь посты, а в коридоре чтобы ни одного мундира не появлялось! Все понял, капитан?!

И дождавшись кивка от ошарашенного Шенброка, герцогиня добила его окончательно:

— Ну, а если все понял, — свободен! Вечером лично обойду посты, проверю исполнение приказа.

— Слушаюсь! — Отто Шенброк, явно выпавший на время из реальности, отдал под козырек, четко развернулся и, печатая шаг, отправился разгонять зазевавшихся солдат и расставлять их на посты.

В комнате Женеьевы Эрмгольд воцарилась благоговейная тишина, все женщины, включая Эмму и Эвелину, в немом восторге смотрели на герцогиню, которая величественно распрямила спину и оглядывала их, словно говоря "что, не ожидали такого от старухи?"

Первой, как ни странно, заговорила обычно робкая Кэтрин. Она выдохнула, и произнесла не совсем вразумительное, но явно восхищенное::

— Как Вы их, а?! Ух, как! А так им и надо, пусть не лезут! — маленький сжатый кулачок фрейлины резко рубанул воздух и, раздался такой дружный женский смех, какого давненько не слышали старые стены королевского замка. Звонким неудержимым колокольчиком заливалась Кэти, смеялись Эвелина, Эмма, все горничные, кто видел сцену "разгона солдатни". А громче всех звучал хохот самой герцогини Эрмгольд, женщина помолодела буквально на глазах и совсем не походила сейчас на старуху, успевшую надоесть графине Роддерик своими придирками.

— Молодец девочка, характер у тебя есть, осталось уверенности набраться, и сама будешь командовать, да еще и получше меня, — отсмеявшаяся Женеьева с одобрением посмотрела на Кэтрин, тут же покрасневшую от неожиданной похвалы.

— Ваше Сиятельство, я очень признательна Вам за помощь... — графиня Роддерик переключила внимание старой дамы на себя, но договорить ей не дали.

— Пустое, дорогуша, не стоит благодарности. Я рядом с такой же солдатней не один десяток лет провела, покойный муж штабных не признавал, пока не вышел в отставку, жили только в гарнизоне. И уж поверьте, распоясавшихся молодчиков к ногтю прижать умею!

— Как вовремя-то Вы появились, Ваше Сиятельство, да как ловко отправили этого наглеца капитана Ваши приказы выполнять, никакой ведь управы на него не было, пока Вы не прикрикнули! — старшая камеристка тоже не смогла промолчать, не высказав переполнявших ее чувств.

— Я вот еще приду, проверю, как он посты расставил. Если не сделал, как сказано — он от меня такой выговор получит, что любые другие для него детской колыбельной звучать будут!

Старуха Женеьева, совсем утратившая прежний грозный вид, весело подмигнула Кэтрин, и фрейлина восхищенно улыбнулась неожиданной заступнице. Эмма, наконец вспомнившая про обязанность хозяйки, поинтересовалась, не угодно ли "госпоже герцогине" поужинать с дороги. Герцогиня не возражала, и горничные быстро засуетились, накрывая на стол. Всем хотелось сделать приятное знатной даме, а сама Женеьева благосклонно принимала знаки внимания и явно пребывала в отличном настроении.

Узнав, что Кэтрин дочь капитана Брайтона, погибшего в боях с мятежниками, герцогиня Эрмгольд немедленно потребовала второй прибор и прежним командирским голосом заявила, что "пока она здесь, никому не позволит морить голодом этого тощенького воробышка". Смеющаяся графиня Роддерик поддержала Женеьеву, извинилась перед ней, что сама не сможет составить дамам компанию за ужином, и побежала в малый зал, где давно начался королевский прием в честь актеров, выступающих на Лунном Балу. На сердце Эвелины было легко — она чувствовала, что у Кэтрин есть теперь надежная заступница и за девушку можно не волноваться. Но злобный взгляд капитана Шенброка, которого графиня увидела на выходе из старого крыла замка, насторожил ее. Злобный взгляд, полоснувший по лицу графини и тут же ушедший в сторону, говорил о том, что капитан еще не сдался, и Кэти по-прежнему в опасности. Так что радостное настроение быстро покинуло Велли, а в малый зал она вошла, уже отбросив все эмоции, собранной и сосредоточенной. Необходимо было найти Айвена и переговорить с ним, пока менестрель не сотворил какую-нибудь глупость, поверив в то, что Эльзи к нему равнодушна.

На просмотр репетиции графиня Роддерик опоздала, когда она вошла в зал, уже начался малый королевский прием. Дамы и кавалеры небольшими группами собрались вокруг столов с горячими и холодными закусками на любой вкус, вышколенная обслуга легкими тенями обходила зал, предлагая вина и более крепкие напитки. Их Величества были среди приглашенных,

прохаживались по залу от одной группы к другой, радушно приветствовали первых прибывших гостей и выражали свое восхищение актерским мастерством приглашенных исполнителей. Стайка юных фрейлин окружила принца Дэниэля, бойко рассказывая ему что-то и беспрестанно хихикая. Принц вежливо улыбался, отвечая девушкам, но не переставал осматриваться по сторонам, словно выглядывая кого-то. "Бедняга Дэн, выскивает Кэти, все еще надеется, что она придет," — подумала Эвелина. Она и сама крутила головой, надеясь угадать Айвена по большому числу поклонниц вокруг него.

Но внимание графини привлекло несколько иное зрелище — пара, стоявшая в стороне от всех, в уютной нише возле окна. Роскошная рыжеволосая дама в черном платье с блестками, сверкающими на свету всеми цветами радуги, оживленно болтала с высоким худощавым мужчиной в жемчужно-сером костюме. Мужчина наклонялся ближе к ушку дамы, видимо, рассказывая ей что-то особенно интимное, не предназначенное для других слушателей, и леди отвечала красивым грудным смехом. Но тут же прерывала себя, спешно прикрывая веером счастливую улыбку, столь неуместную для вдовы, еще не снявшей траур.

Графиня Роддерик сердито отвернулась, не желая, чтобы веселая пара заметила ее пристальный взгляд, и собиралась уже просить прислугу, показать ей Лунного Бродягу, как вдруг почувствовала чье-то близкое присутствие. Эвелина порывисто обернулась — совсем близко к ней стоял высокий, широкоплечий молодой мужчина. Он был очень красив непривычной для Арма южной красотой: черные густые длинные волосы небрежно собраны сзади в хвост, светло-серые, почти серебристые глаза, темное загорелое лицо с резкими, четко очерченными чертами.

Мужчина отвесил небрежный, почти насмешливый поклон и поинтересовался:

— Я имею честь говорить с графиней Роддерик?

Вопрос был задан глубоким низким голосом бархатного тембра и Эвелина, очарованная раздавшимися звуками, не сразу нашлась с ответом. Она во все глаза разглядывала могучего великана, каким казался ей Айвен, и думала, что вполне понимает сейчас восторги его поклонниц.

Лунный Бродяга, вероятно, привыкший к тому, какое действие его голос оказывает на женщин, спокойно переживал паузу, с усмешкой поглядывая на зеленоглазую брюнетку в черном платье, не достававшую ему даже до плеча. Сам Айвен пришел в черном простом костюме, без всяких украшений, только рубашку надел темно-синюю, словно не желая слишком подчеркивать черный цвет в своем наряде.

— Так что же, леди, Вы и есть первая фрейлина королевы, графиня Роддерик, мне верно показали? — чуть нетерпеливо переспросил Айвен, так и не дождавшись ответа от Эвелины. Графиня молча кивнула, а потом, опомнившись, заговорила.

— Да, я и есть графиня Роддерик. А Вы, я так полагаю, Айвен Линнель, старший сын купца Линнеля, и он же странствующий менестрель по прозвищу Лунный Бродяга?

Мужчина явно был удивлен осведомленностью собеседницы, но не посчитал нужным скрывать свое настоящее имя.

— Да, я и есть Лунный Бродяга и сын купца Линнеля. И хотел бы узнать, по какому праву Ваша Светлость принимает решения за меня?

Последние слова Айвена прозвучали немного громче, чем следовало. На их необычную пару и так обращали внимание, а сейчас заинтересованные слушатели, как бы случайно, приостанавливались неподалеку, делая вид, что заняты своим интересным разговором.

— Отойдемте в сторону, разве Вы не видите, что нам здесь не дадут поговорить спокойно, — графиня Роддерик легко пошла к одной из ниш, скрытой в цветущей зелени, украшающей зал, даже не глядя, следует ли за ней собеседник. Но Айвен и не думал оставаться на месте, он шел следом за графиней, почти шаг в шаг, не замечая, или не желая замечать, томных дамских взглядов, обращенных на него.

Удобно устроившись на диванчике, стоявшем в нише, графиня показала Айвену на кресло рядом. Менестрель неохотно сел в слишком низкое для него кресло и тут же начал разговор резким:

— Послушайте, если Вы решили...

Графиня Роддерик не позволила ему закончить фразу, она приложила палец к губам, напоминая, что и в стороне от публики не следует говорить слишком громко. Вторую руку Эвелина успокаивающе положила на ладонь Айвена и сама удивилась, насколько маленькой и изящной выглядит ее белая ладошка на фоне загорелой мощной руки музыканта. Айвен недоумевающе смотрел на странную даму, что так вольно обращалась с ним, а графиня сказала всего лишь две фразы, коротко и очень просто:

— Айвен, ее обманом убедили надеть кольцо послушания, все последние дни Эльзи была лишена собственной воли.

— Что?! — хриплый крик вырвался из груди менестреля и тут же оборвался, словно мужчина испугался мощи собственного голоса. Взгляд Айвена, поначалу еще настороженный, приобрел более спокойное выражение, Лунный Бродяга понял, что маленькой придворной даме можно доверять, она на его стороне. И графиня Роддерик, коротко, избегая излишней эмоциональности, рассказала Айвену, что произошло сегодня в ателье ее подруги.

Услышав историю о кольце, менестрель опустил голову на руки, скрывая лицо. Его дыхание было тяжёлым и неровным, Эвелина было подумала, что менестрель плачет, но когда Лунный Бродяга поднял голову, в его глазах не было и следа слез. Решительный суровый взгляд не оставлял сомнений, что Айвен полностью поверил рассказу первой фрейлины и готов бороться за счастье — свое и Эльзи.

— Я получил от нее письмо... — хриплым шепотом пояснил менестрель графине, — письмо, в котором она сообщала, что дала согласие графу д'Жене и просит меня забыть о ней, забыть наши клятвы... Почерк был ее, Эльзи, в этом нет никаких сомнений, только она так изящно выводит буквы, ее письма всегда похожи на прописи старательной ученицы.

— И Вы поверили? — сочувственные интонации в голосе Эвелины заставили большого сильного мужчину виновато опустить голову.

— Поверил... — сокрушенно признался Айвен, — я ведь и раньше знал, что старый граф обхаживает ее, задаривает драгоценностями... Знал и про долги ее отца, вот и решил, что они вдвоем уговорили мою Эльзи, и она согласилась на свадьбу с графом. Я ведь даже встретиться с ней не попытался!

Последнюю фразу Лунный Бродяга опять произнес слишком громко, забыв сдерживать мощь своего голоса, и внимательные слушатели не замедлили подойти поближе.

— Айвен, дорогой, — смеющийся женский голос был слишком запоминающимся, чтобы не узнать его обладательницу, — с кем это ты не пытался встретиться? Неужели нашлась счастливица, завладевшая сердцем Лунного Бродяги?

— Нашлась, Олли, — неожиданно легко и даже весело согласился с ней Айвен. Он поднялся с кресла, чтобы поцеловать руку прекрасной леди Эмеринг, более известной ему как Олли Терн. С герцогом Берштейном менестрель обменялся коротким вежливым приветствием, из чего Эвелина сделала вывод, что мужчины знают друг друга, но близко не знакомы.

— И кто же она? — веселая Олли не позволила собеседнику сменить тему разговора, но Лунный Бродяга лишь покачал головой.

— Не сейчас, Олли, не сейчас и не здесь, — Айвен отвечал твердо, но искренняя открытая улыбка, обращенная к рыжеволосой певице, яснее всяких слов говорила, что менестрель не долго будет скрывать от нее свою тайну.

— Вероятно, мы не вызываем такого доверия у господина Линнея, как его собеседница, графиня Роддерик, — сухой голос герцога Берштейна разрушил очарование момента и на лицо Айвена вернулось прежнее суровое выражение. Что касается Эвелины — она лишь кивнула герцогу при встрече и старалась больше не обращать на него внимания. А сейчас внутренне ахнула, когда услышала от Эрнеста фамилию менестреля и поняла, что первому министру давно было известно, кто на самом деле Лунный Бродяга. Уже при разговоре с д'Анжу Эрнест знал, кто Айвен на самом деле. Знал, но ей не сказал!

Глава 24

Пока Эвелина переживала очередное мелкое предательство герцога, а он задумчиво разглядывал ее сумрачное лицо, Айвен и Олли болтали, как старые приятели. Графиня прислушалась к их разговору и поняла, что речь идет о местах, где в последнее время побывал Лунный Бродяга. Менестрель с удовольствием рассказывал Олли про песни и традиции этих мест и как раз упомянул о трилуннике. Эвелина вспомнила песенку Барти и заинтересованно попросила:

— Айвен, расскажите подробнее, что это за цветок, почему его так называют?

— Я бы тоже мог Вам рассказать, графиня Роддерик, — чуть насмешливо отозвался Эрнест. Но графиня лишь пренебрежительно фыркнула на предложение герцога и нетерпеливо взглянула на менестреля. Айвен понимающе улыбнулся, чуть задумался и сказал, что знает не очень много. Цветок этот растет почти везде в Армании, но обычно известен под более простыми названиями. Лишь в некоторых местах неприхотливое лесное растение очень почитают и называют его не иначе, как трилунником.

— А называют его так потому, что листья растения двуцветны — сочно-зеленые у стебля. Они постепенно меняют цвет, зеленый разбавляется фиолетовым и переходит к ярко-сиреневой окраске на самом кончике листа. Цветок у этого необычного растения ярко-желтый, совсем как Астрим. Вот и получается, что в одной лесной травке собраны цвета всех Трех Лун Армании. Местные предания приписывают растению необыкновенные свойства, которые появляются только в ночь слияния Трех Лун. В эту таинственную ночь желтые цветы трилунника словно набирают особую силу. Они сияют в темноте леса золотыми огоньками и тот, кто пойдет по тропинке, расцвеченной огоньками трилунника, обязательно находит небывалое сокровище.

— Именно так, небывалое? — герцог Берштейн не скрывал своего скептического настроения.

— Совершенно верно, Ваше Сиятельство, — Айвен вежливо поклонился, — не просто клад, а что-то небывалое, невиданное.

— Хотела бы я знать, что это может быть? — мечтательно сказала Олли.

— Просто местные сказки, — фыркнул первый министр, не желавший продолжать разговор на эту тему. Но графиня Роддерик, заметив настроение Эдвина, в пику ему улыбнулась менестрелю самой нежной и восхищенной улыбкой и продолжила расспросы:

— А какие еще предания Вы знаете, господин Линнель? Предания, связанные с ночью слияния Трех Лун?

— О, их много, госпожа графиня, в каждом месте свои. Но есть и общие, которые так или иначе повторяют повсюду, где я побывал. Например, предание о том, что случится с Арманией, если разлучить два любящих сердца, не позволив им быть вместе в эту волшебную ночь.

— Ах, это интересно, расскажите! — к воодушевленной просьбе Эвелины присоединилась Олли, и недовольному герцогу пришлось уступить дамам право выбирать тему для беседы. Лунный Бродяга собрался уже начинать рассказ, когда к их компании присоединились совсем неожиданные собеседники. Король Август и королева Амелия подошли поинтересоваться, о чем так заинтересованно разговаривают их первые помощники и лучшие исполнители Армании.

Благодушный вид Его Величества говорил о прекрасном настроении, а вот Амелия, казалось, была чуть встревожена. Она все время искала глазами сына, словно опасалась, что он сбежит с приема, не встретив здесь своей ненаглядной фрейлины.

— Так о чем же вы так увлеченно беседуете? — заинтересованно спросил Август. — Какие темы заставили моего первого министра пренебречь своими обязанностями и скрыться от гостей в укромной нише? Эрнест, особый посол Хакардии обыскался тебя, ему не терпится еще раз обсудить церемонию приема его короля, прибывающего завтра утром.

— О нет, — простонал герцог Берштейн, — только не посол Хакардии. Он надоел мне до зубовного скрежета своей манерой по сотни раз обсуждать каждую мелочь. Ну почему нельзя отправить его с этими вопросами к главному церемониймейстеру? Ваше Величество, эти два приверженца дворцового этикета просто созданы друг для друга, Вы не находите?

— Ничего не выйдет из твоей затеи, Эрнест. Главный церемониймейстер — слишком мелкая фигура для такой важной хакардийской персоны, как особый посол короля, — смеясь, пояснил король. — Он по самые уши исполнен чувством значимости своей миссии и готов общаться либо с тобой, либо со мной, все остальные, по его мнению, просто недостойны разговора с ним.

Герцог Берштейн снова страдальчески застонал и Эвелина почти пожалела замученного первого

министра, как он вдруг заявил:

— Нет уж, чем общаться с послом Хакардии, лучше дослушать байки про трилунник и про что там еще...Айвен, продолжайте, прошу Вас, а я постараюсь стать как можно незаметней, вдруг повезет, и назойливый хакардиец пройдет мимо нашей компании.

Эвелина почувствовала, как в сердце опять вскипает возмущение черствостью герцога, назвавшего байками истории, услышанные от менестреля. Но Айвен уже обратился к Их Величествам за разрешением рассказать одно из преданий о ночи Трех Лун и, получив благосклонный кивок Августа и заинтригованное согласие Амелии, начал, неспешно и вдумчиво:

— Я обошел почти всю Арманию и не было края, где я не услышал бы одно и то же предание. Оно говорит о том, что если злая воля разлучит влюбленную пару, не позволив им танцевать вместе в ночь встречи Трех Лун, черная непроглядная тьма покроет небо, и сияние Лун никто не увидит.

— Ну так что же? — небрежный вопрос Эрнеста был задан словно специально для королевы Амелии, взволнованно смотревшей на рассказчика.

— О, ничего особенного, Ваше Сиятельство, — чуть насмешливо отозвался Айвен, — но простые люди верят, что местность, над которой Три Луны не прольют свой свет в эту ночь, будут преследовать несчастья: войны, болезни, неурожай. А семьи, не позволившие влюбленным соединиться, непременно вымрут уже в следующем поколении.

Дамы успели ахнуть, герцог Берштейн, не скрывавший насмешки, только-только собирался что-то сказать, но неприятный вкрадчивый голос бесцеремонно вмешался в их разговор.

— Надо же, как интересно! — язвительная похвала, прозвучавшая за спиной, заставил Эрнеста болезненно поморщиться. — Я повсюду ищу первого министра Армании, а он развлекается, слушая сказки!

Полный неопрятный мужчина, одетый по хакардийским традициям, перебежал черными масляными глазами с одного лица на другое, не считая нужным кого-либо приветствовать. Не в традициях Хакардии здороваться с актерами, а уж говорить с женщиной, как с равной?! Подобное поведение было бы недостойно для настоящего хакардийца, так что исключение посол Рашмин делал только для королевы. И то — вынужденное, обусловленное его постоянным пребыванием в Армании и необходимостью хотя бы в малой степени считаться с арманийскими правилами этикета.

— Господин посол, — король Август попробовал втянуть Рашмина в общий разговор, — мы говорили о преданиях и легендах Армании, посвященных ночи Трех Лун.

— О, я слышал, — Рашмин высокомерно обвел взглядом всех, кого считал ниже себя, — вы говорили о всяких пустяках, не стоящих внимания серьезного мужчины.

— Странно, что у Вас сложилось такое мнение, — Его Величество все еще не терял надежды приятно провести вечер, ему совсем не хотелось вникать в какие-то нудные дела. — Я и сам, помнится, слышал эту легенду, даже читал в исторических хрониках, что подобные случаи происходили когда-то. Не над всей Арманией, но в некоторых ее предместьях, Три Луны скрывались в темном сумраке, а для местных жителей наступали долгие годы бед и лишений. Помню, мне даже приходилось читать что-то, похожее на пророчество или предсказание...

Август чуть задумался, вспоминая, и процитировал:

— Коль разлучат сердца влюбленных,

Презрев заветы древних рун,

Под злобной тучей, мрака полной,

Сокроется сиянье Лун.

Все три Луны людей забудут

И лики отвернут от них,

Пока с земли, подобно чуду,

Не позовет их глас троих.

Мужчины удивленно смотрели на короля, неожиданно вспомнившего какое-то древнее пророчество, да еще и в стихах, а дамы восторженно зааплодировали.

— Август, право же, если бы я не любила тебя так давно, сегодня я бы обязательно в тебя

влюбилась! — восхищенный возглас королевы заставил Его Величество радостно улыбнуться. Но хмурый вид хакардийца, насупленно смотревшего на развеселившуюся компанию, сделал свое черное дело. Радость покинула лицо короля, Август вздохнул и с большой неохотой признал:

— Однако, мы не вправе так долго злоупотреблять терпением многоуважаемого господина посла. Идемте, Эрнест, я составлю Вам компанию. Иначе господин Рашмин окончательно уморит моего первого министра и завтра мне одному придется встречать высоких гостей!

С этой шуткой, сказанной почти всерьез, Август положил руку на плечо герцога Берштейна, и под предводительством самодовольного Рашмина, надувавшего щеки от важности, король и герцог отправились в который раз обсуждать детали встречи правителя Хакардии и предстоящие переговоры по интересующим обе страны вопросам.

Эвелина даже не успела обрадоваться тому, что пророчество, рассказанное королем, так подходит для ее целей, как Его Величество и первый министр удалились по государственным делам. А королева Амелия, явно не относившая только что рассказанное к своему сыну и фрейлине, спокойно беседовала с Айвеном и Оливией. Леди Эмеринг поделилась своими планами открытия оперного театра и школы для обучения талантливых вокалистов, и заинтересовавшаяся королева предложила певице обсудить возможность своего участия в новом грандиозном проекте. Графине Роддерик так и не удалось завести с Амелией личный разговор: то ли королева так увлеклась идеей Оливии, то ли осознанно избегала общения с Эвелиной, но Ее Величество довольно быстро простилась и ушла, забрав с собой и леди Эмеринг.

Эвелина опять осталась вдвоем с Айвеном в отделенной от общего зала нише и с некоторым недоумением заметила, как восхищенно менестрель смотрит вслед прекрасной Олли. От Айвена не укрылось удивление графини, и он счел нужным пояснить:

— Замечательная женщина эта Олли Терн! Скольким талантам она помогла подняться с низов! А сколько стариков, больных актеров, уже не имеющих сил выступать, живы только потому, что в Армании есть приюты леди Эмеринг, созданные специально для них, для тех, кто посвятил всю свою жизнь искусству, но к старости остался без копейки в кармане!

Эвелина искренне поразились тому, что узнала сейчас от Лунного Бродяги. Веселая рыжеволосая красавица оказалась не простой пустышкой, как почти все знатные и богатые дамы. В своем благополучии бывшая оперная певица Олли Терн не забывала о бедных и больных актерах и помогала им, как могла.

"Значит, Эрнесту есть за что ее любить," — сердце Эвелины предательски дрогнуло, и она поскорее запретила себе думать о герцоге и его глазах цвета грозового неба. А Лунный Бродяга, сам того не зная, успешно отвлек графиню от тяжелых мыслей, вернувшись к разговору про Эльзи. Айвена интересовало, как можно освободить маркизу от подлого влияния артефактов графа д'Жене и вернуть ей возможность жить своей волей. Эвелина рассказала все, что они придумали с Бартоломью, честно признав, как малы у них шансы на успех. Найти бастарда д'Жене среди южан, приехавших на Лунный Бал, да еще и не зная точно — существует ли вообще такой бастард, было затеей почти невыполнимой.

Айвен задумался, прикидывая в уме возможные варианты, и, чуть усмехнувшись, заметил:

— Вот когда я пожалел, что не проявлял интереса к сплетням про аристократов и их выходки. Я ведь не раз проходил Южное предместье, но совсем ничего не знаю про этого д'Жене, кроме того, что он подлец и негодяй, решивший обманом получить мою Эльзи!

Мощная рука менестреля сжалась в кулак, и Эвелина притронулась к нему, утешая.

— Возможно, все не так плохо, господин Линнель. Попробуйте сами встретиться с Эльзи — был момент, когда она стала почти прежней, всего лишь услышав Ваше имя, но мерзавец д'Жене успел усилить магическое влияние и вновь подчинил ее волю! Я не уверена, что отец девушки, маркиз д'Анжу, позволит Вам поговорить с ней, но хотя бы попытайтесь. Найдите в Арме мага Бартоломью Форбенкса, он обязательно поможет Вам, используйте все возможности, чтобы спасти маркизу!

Айвен внимательно слушал графиню и кивал, соглашаясь с ее словами. Когда Эвелина рассказывала, что девушка стала почти прежней, услышав его имя, лицо менестреля посветлело, но почти сразу он снова нахмурился, узнав о подлым поступке графа.

— Благодарю Вас, графиня Роддерик, — Лунный Бродяга бережно взял своей ручищей ладошку Эвелины и поцеловал ее, — Вы проявили неоценимое участие в наших с Эльзи судьбах. Я не забуду, как Вы были добры к нам, и сделаю все, чтобы Эльзи поскорее смогла стать прежней.

— Попробуйте спросить свою матушку, — посоветовала ему графиня Роддерик, вспомнив рассказ Сесиль о молодом купце Линнеле и его Сюзанне, — ведь она, кажется, из Южного предместья, значит, может что-то знать о графе д'Жене. Нам не нужны свежие сплетни, только двадцатилетней

давности и больше.

Эвелина улыбнулась и Айвен ответил на ее улыбку.

— Непременно поговорю, графиня. Вы правы, матушка может знать про графа, если жила неподалеку от его владений.

И графиня, и менестрель уже поднялись, заканчивая разговор. Айвен, выглядевший сейчас совсем иначе, чем в начале их встречи — не мрачным и угрожающим, а спокойным и решительным — склонил голову, прощаясь. Эвелина присела в легком реверансе и развернулась, собираясь уходить, когда в спину ей прозвучал еще один вопрос, заданный почти весело:

— И все-таки, Ваша Светлость, почему зеленый?

— На ней будет зеленое бальное платье, Айвен, — обернувшись, ответила Эвелина. — Зеленое с золотыми цветами, точно в пару Вашему костюму. Так что забирайте наряд из мастерской, не обижайте старика Шенье.

— Завтра же заберу, графиня, обещаю, — повеселевший Айвен поклонился еще раз, теперь уже точно прощаясь, и Эвелина побежала к своим апартаментам. На приеме делать больше было нечего: Их Величества удалились, и гости понемногу начали расходиться. Даже принцу Дэниэлю удалось исчезнуть, улизнув от фрейлин, и разочарованные девушки разбежались по залу в поисках новых жертв для своего восторженного внимания.

Первая фрейлина возвращалась в личные апартаменты, собираясь, наконец, немного передохнуть. Эвелина была уверена, что все события сегодняшнего дня уже произошли, и ей предстоит только легкое бездумное общение с Кэтрин о том, как прошел ее вечер. Но, чем ближе графиня подходила к своим комнатам, тем яснее она слышала гомон женских голосов, особенно выделялся визгливый голос Мышильды. "Что там произошло, что с Кэтрин?" — с этой мыслью графиня Роддерик резко распахнула дверь и замерла на пороге. Кэти Брайтон плакала в объятиях Эммы, а воцарившаяся посреди комнаты Мышильда самодовольно вещала о "бессовестных поступках распущенных фрейлин", упиваясь вниманием множества любопытных слушательниц, толпившихся в приемной первой фрейлины.

Глава 25

Эвелина так неожиданно ворвалась в свои апартаменты, что камер-фрейлина Лейзон вскрикнула, прервав себя на полуслове, но тут же опомнилась и продолжила свою вдохновенную речь. На Мышильде была шляпка с густой вуалью, вероятно, призванной скрыть все еще неестественно-красный цвет лица. Но в пылу обличений вуаль оказалась помехой и ее беспардонно откинули наверх. Так что сейчас все окружающие могли любоваться юным, свежим и очень красным личиком Матильды Лейзон.

Сама же камер-фрейлина в пылу борьбы за то, что она считала справедливостью, совершенно забыла о своем внешнем виде. Серые глазки Мышильды горели жадной мщенья, она размахивала руками и нервно стучала каблучками туфель, царапая паркетный пол в покоях Эвелины. Матильда Лейзон уверяла, что лично застала Кэтрин Брайтон целующейся с капитаном Шенброком, и подобной развратнице не место среди фрейлин Ее Величества. Всхлипывающая Кэти ничего не могла выговорить в свое оправдание, но Эмма Жернет, утешавшая девушку, высказалась за нее, коротко и ясно, как припечатала:

— Врет она все, эта сплетница Лейзон! Не может такого быть, чтобы наша девочка по доброй воле с этим мужланом целовалась, никогда такому не поверю!

Остренький носик Мышильды аж дернулся, когда она услышала "наша девочка", но задавать вопросы ей никто не позволил. Графиня Роддерик была не просто сердита, она серьезно разгневалась и на вездесущую Матильду, и на любопытных девчонок-фрейлин, со смешками оглядывающих плачущую Кэти.

— Матильда, по какому праву Вы ворвались в мои апартаменты? — в голосе первой фрейлины прозвучали такие грозные нотки, что все испуганно замерли, ожидая бури. И буря не замедлила разразиться. — Как Вы посмели появиться здесь без приглашения, да еще и привести с собой других фрейлин?! Кто Вам позволил распускать грязные сплетни о юной девушке? Или Вы решили, что, проработав столько лет во дворце, стали неуязвимы для королевского гнева?! Мне напомнить Вам, как Ее Величество относится к сплетникам и клеветникам? Может, Вы настолько не цените свое место при дворе, что готовы потерять его ради возможности разнести новую сплетню?

Матильда Лейзон, умудрившаяся из ярко-красной стать красно-серой, моментально притихла и дрожащим голосом сделала попытку оправдаться:

— Ваша Светлость, графиня Роддерик, но я не сплетничаю...Я своими глазами видела...

— Что Вы видели? — вопрос прозвучал жестко, Эвелина не склонна была верить ни одному слову Мышильды.

— Видела, как капитан Шенброк целовал фрейлину Брайтон...

— Так он ее целовал или Кэтрин тоже отвечала на поцелуи?!

На этот вопрос неожиданно ответила сама Кэти Брайтон. Девушка вскочила с места и срывающимся голосом, прерывисто всхлипывая, заявила:

— Нет, слышите, нет! Он гадкий, он такой гадкий этот капитан! Как Вы могли подумать, что я сама... с ним... по своему согласию...

Кэтрин опять зарыдала, не выдержав обиды от ложных обвинений.

— Эмма, уведи Кэти в ее комнату и постарайся успокоить. Мы поговорим с ней позже, — мягкие интонации в голосе Эвелины исчезли сразу после ухода Эммы и Кэтрин. На притихшую Мышильду и оробевших девушек смотрела грозная первая фрейлина, давно умевшая держать в руках своих подчиненных. — Матильда, Вы хорошо слышали, что сказала фрейлина Брайтон?

Молчаливый кивок Мышильды, успевшей вернуть прежний цвет лица, и графиня Роддерик продолжила:

— В таком случае, надеюсь, Вы услышите и меня. Если хоть одна сплетня про отношения Кэти Брайтон и капитана Шенброка разойдется по дворцу...Вам придется срочно перебраться в свое поместье, Матильда. Где оно там находится, на краю Восточной Пустоши? Думаю, в этих краях Вашу способность сплетничать по достоинству оценят местные аристократы, им на много лет хватит новых впечатлений, подаренных Вашей неумной фантазией.

Фрейлины, так и не покинувшие приемную графини Роддерик, дружно захихикали. Все прекрасно знали, что аристократов в Восточной Пустоши никогда не было, простота нравов местных помещиков была общеизвестна и давно стала притчей во языцех. Так что угроза отправить

Мышильду в ее "родовое гнездо" для придворной дамы означало наказание более суровое, чем, например, ссылка в монастырь.

— Вижу, что Вы поняли меня, Матильда, — уже более спокойно заметила графиня Роддерик, увидевшая, как мгновенно теряет яркие краски лицо камер-фрейлины, — надеюсь, мне не придется приводить в исполнение свою угрозу...

— Прошу простить, Ваша Светлость, я поспешила с выводами про отношения капитана Шенброка и Кэтрин, — Мышильда, наконец, нашла в себе силы хоть что-то ответить своей грозной начальнице.

— Вот и замечательно, Матильда, я рада, что Вы сделали правильные выводы из нашей беседы, — Эвелина удовлетворенно кивнула, но тут же добавила, глядя в бегающих серые глаза, — молчание девушек, которых Вы привели с собой, тоже остается Вашей заботой, госпожа камер-фрейлина.

На робкий писк Матильды графиня Роддерик не обратила внимания, она оглядела группку фрейлин и, строго сдвинув брови, спросила их:

— Девушки, почему вы не пришли ко мне такой же дружной компанией, когда камер-фрейлина вымогала у вас подарки за бальные платья? Почему не пожаловались на действия Матильды Лейзон? Или вас все устраивает?

Своим вопросом Эвелина полагала еще раз напомнить Мышильде, что ее проделки известны и пока не прощены полностью. Но каково же было удивление графини, когда вместо жалоб она услышала от девушек нестройное, но дружное:

— Ваша Светлость, все хорошо, нас все устраивает, мы очень благодарны камер-фрейлине Лейзон...

— Благодарны за то, что вам пришлось покупать ей дорогие подарки?!

— Так она нам отдала, — бойко ответила Лисси, — тоже хорошие подарки сделала, к Балу...

Фрейлина явно хотела сказать что-то еще, но подруги шикнули на нее, толкнули в бок, и девушка замолчала. Эвелина недоумевающе смотрела на необычно притихших девушек, на Мышильду, уже начавшую приходить в обычное свое состояние и гордо задравшую острый носик после похвалы фрейлин. Что-то здесь было не так, но графиня Роддерик слишком устала, чтобы разбираться, да и разговор с Кэти был много важнее, чем выяснение отношений фрейлин и Мышильды. Так что Эвелина всего лишь скупой улыбнулась и даже похвалила Лейзон, заметив, что та сделала верные выводы из их предыдущего разговора. Окрыленная Мышильда начала развивать тему своей понятливости, но ее безжалостно прервали.

— Довольно, Матильда, я устала сегодня. Мне приятно было узнать, что Вы преподнесли девушкам ответные подарки. Надеюсь, и сегодняшнее недоразумение будет исправлено?

— Все сделаю, Ваша Светлость, ни одного дурного слова не услышат о бедной девочке ни от меня, ни от других фрейлин! — Мышильда через плечо глянула на девушек так строго, что они тут же закивали, подтверждая слова камер-фрейлины. А она продолжала сладким елейным голоском: — Ах, бедняжка, кто бы мог подумать? Такая юная девушка и вызывает такие нешуточные страсти? Теперь-то я понимаю, что этот негодяй капитан сам набросился на нее, а я, не разобравшись, подумала о девочке дурно...Ах, право же, графиня, всему виной моя вуаль, из-за нее я не разглядела толком...

Эвелина решительно прервала излияния Мышильды, не желая больше выслушивать лживые вздохи о "бедной Кэти", и камер-фрейлина, подгоняя вперед молодых фрейлин, поспешила удалиться из покоев графини. Напоследок Мышильда склонилась в реверансе, прощаясь, и Эвелине вдруг показалось, что серые глазки взглянули на нее ехидно и торжествующе. Графиня мысленно пожала плечами, не понимая, чему может радоваться Матильда Лейзон после сегодняшнего разговора. Но странное выражение почти сразу исчезло с лица камер-фрейлины, сменившись обычным приторно-любезным, и Эвелина быстро забыла о непонятном для нее торжестве Мышильды. Графине не терпелось узнать у Кэтрин, что произошло между ней и капитаном Шенброком, и, выпроводив фрейлин, Эвелина поспешила в спальню, которую временно занимала ее подопечная.

Она с облегчением увидела, что Кэти почти успокоилась, скорее всего, Эмма заставила девушку выпить настойку пустырника. Фрейлина сидела на кровати, обхватив себя руками, а добродушная Эмма укутывала ее пледом, приговаривая:

— Вот сейчас, золотко мое, согреешься, и совсем все пройдет...

Кэти согласно кивала, явно не вдумываясь, что ей говорят, но все-таки послушно куталась в плед, только растрепанные золотые кудри оставались на виду, да синие глаза чуть испуганно выглядывали из глубины уютного убежища.

— Так что там у вас произошло, Эмма? — графиня не хотела начинать с расспросов Кэтрин, пока она совсем не успокоится.

— Да я и не знаю толком, сударыня, — виновато вздохнула Эмма. — Упустила я девочку из виду, вот что! Нам-то помощь ее, вроде, совсем ни к чему была, вот и оставила я нашу Кэти у герцогини. Так уж хорошо они там разговаривали, старуха и пасьянсу какому-то ее учила, и про свою жизнь рассказывала. А девочка все слушала, да спрашивала, что ей интересно.

Посмотрела я, что обе они довольны друг дружкой, ну и пошла себе — дел-то много, гости и сегодня ночью, и завтра весь день прибывать будут. Да позабыла совсем в суматохе своей про девочку нашу. А потом слышу крик, визг! Прибегаю, а под лестницей, в аккурат рядом с переходом в новое крыло, Кэти вся растрепанная стоит, капитан этот наглый в сторону отскочил, да далеко не уходит. А визжит госпожа Мышильда. Руками размахивает, вуаль трясется, сама дрожит и все кричит про "фрейлин развратных". Ну, я как услышала такое — девочку за руку и бегом сюда. Думала, здесь и расспрошу ее спокойно, что там, под лестницей, было. А не заметила, что Мышильда за нами бежит, да в комнаты к Вам так и влетела следом, и давай кричать. А уж другие фрейлины на ее визги подошли.

— Кэти, — Эвелина под села к девушке и бережно взяла ее за руку, — расскажи мне, как случилось, что ты оказалась наедине с капитаном Шенброком?

— Это я, я одна виновата, — голосок Кэти дрожал, но она сумела взять себя в руки и начала объяснять, — мы так хорошо говорили с герцогиней Эрмгольд, а потом она устала и захотела отдохнуть. Я вызвала ей горничную, а сама собиралась подойти к Эмме...

Кэтрин смущенно замолчала, и графиня Роддерик, чуть строже, чем хотела бы, спросила:

— Так почему ты к ней не подошла?

— Я услышала голос госпожи Жернет в дальнем конце коридора, — тихо объяснила Кэти, — и поняла, что она очень занята. А еще я вспомнила, как испугался капитан Шенброк герцогини и подумала...

— И подумала, что капитан теперь тебе не страшен, и ты можешь одна дойти до своей комнаты? — графиня Роддерик сама закончила фразу за Кэтрин и девушке осталось только виновато кивнуть. Эвелина готова была не на шутку рассердиться на глупую девчонку, но ее заплаканное личико немного остудило пыл графини. А вот Эмма, та высказалась со всем возмущением, на какое была способна. Голос старшей камеристки загремел почти, как у Женевиевы, когда Эмма взялась распекать Кэтрин за ее легкомыслие. Девушка только смущенно вздыхала, пряча глаза, и обещала, что "никогда, никогда не пойдет одна, пока в старом крыле дежурит подлый капитан". Графиня уже подумывала вступить за юную фрейлину, как в двери комнаты осторожно постучали. Появилась горничная и сообщила, что приехали новые гости, их необходимо провести в комнаты, а без старшей камеристки они не знают, кого куда заселять.

Эмме Жернет, сердитой на всех сразу — и на горничных, и на Кэтрин, — пришлось подняться с места и отправиться на встречу с прибывшими гостями. Уходя, старшая камеристка все-таки нашла минутку и взяла с Кэтрин обещание, что завтра утром фрейлина дождется провожатых, но ни в коем случае не пойдет в старое крыло одна. Кэти улыбнулась, тронутая такой заботой, и нежно обняла сердитую камеристку.

— Вы не обнимайтесь, Вы мне слово дайте, что без меня или моих горничных ни шагу отсюда не сделаете, — Эмма еще пыталась казаться строгой, но удавалось ей все хуже и хуже.

— Обещаю, Эмма, обещаю! — смеющаяся Кэти расцеловала добрую женщину. и та, совсем растеряв свою сердитость, поскорее убежала, наказав Эвелине "со всей строгостью отчитать глупую девчонку, которая чуть сама себе беды не наделала!"

Графиня Роддерик была полностью согласна с Эммой — разговор с Кэтрин надо было довести до конца, выяснить, что именно произошло, и не позволить девушке совершить повторную ошибку. Поэтому, закрыв двери за Эммой, чтобы никто больше не вошел и не помешал их беседе, Эвелина под села к Кэти, обняла ее и ласково сказала:

— А теперь рассказывай, малышка, подробно все, что с тобой случилось сегодня вечером. Все, как было, рассказывай — и про Шенброка, про Мышильду.

Кэтрин вздохнула, виновато посмотрела на старшую подругу и поняла, что отмолчаться не получится. Из ее сбивчивого и немного путаного повествования Эвелина выяснила главное — юную фрейлину подвела ее доверчивость и неопытность в общении с мужчинами. Кэти успела спуститься по лестнице и подойти к переходу в новое крыло замка, когда к ней обратился капитан Шенброк.

— Он так хорошо говорил, Эвелина, так вежливо! Он попросил меня уделить ему всего пару минут,

чтобы выслушать что-то очень важное для нас обоих. Вот я и подумала — нельзя же так обидеть человека и отказаться всего лишь выслушать его?

"Глупая девочка, все мы становимся глупыми, когда верим, что нам сейчас будут признаваться в любви. И совсем забываем, что даже в таком признании может таиться самая подлая ловушка", — Эвелина горестно вздохнула, уже понимая, как могла попасться Кэтрин. А фрейлина, вздыхая еще горше, продолжила рассказ:

— Сначала он сказал, что очень любит меня и просит стать его женой. Я сразу отказала, но капитан стал настойчив, он не отпускал меня, уговаривал, даже угрожал. Я сама не поняла, как вдруг оказалась под лестницей, а путь к выходу загородил Шенброк.

— И там он начал тебя целовать?

— А вот и нет! — голосок Кэти прозвучал неожиданно весело, и она с любовью погладила сиреневое колечко на своей руке. — Он хотел поцеловать, а колечко Дэна ему не давало!

— Вот как? — графиня Роддерик была удивлена и обрадована не меньше Кэтрин. — Невероятно! Хотя, чему я так удивляюсь? Маг сказал сегодня, что на колечке сильные защитные чары и настроены они именно на тебя. Значит, защита кольца сработала?

— Да! — радостно воскликнула Кэти. — Шенброк никак не мог схватить меня, его все время как будто отталкивало и, кажется, больно ему тоже было. Он ругался и дул на руки, как будто его обожгло.

— Так Мышильда выдумала, что видела тебя целующейся с Шенброком?

— Нет, — личико Кэтрин густо покраснело, она отвернула голову в сторону, не решаясь взглянуть в глаза подруги, и тихо ответила, — она не обманула, Шенброк целовал меня...

— Но как могло такое случиться, Кэти?

Девушка спрятала лицо, а когда нашла в себе силы говорить дальше, ее голос стал почти неслышным и прерывистым:

— Эвелина, он не мог поцеловать меня, но и я не могла убежать, потому что капитан перекрыл выход. А потом он догадался, что кольцо не дает ему приблизиться ко мне и стал смеяться. Он сказал...он сказал...

— Что он сказал, Кэти?

— Он сказал, что знает, кто подарил мне волшебное колечко, — теперь Кэти почти кричала, — и что мне все равно не судьба быть рядом с принцем. Что меня спрячут в самой глухой обители или даже подстроят несчастный случай, но принцу не дадут на мне жениться!

— Кэти, Кэти, успокойся, — Эвелина прижала к себе златокудрую головку и ласково погладила ее, — да кто он такой, этот Шенброк, чтобы знать о королевских планах?

— Он говорил очень уверенно, Эвелина, — Кэти еле сдерживалась, чтобы не плакать, — очень. Он сказал, что для меня лучше брак с любящим человеком, чем погибнуть совсем молодой. И я на минутку, на одну только минутку поверила ему! И сама попросила колечко, чтобы оно не мешало Шенброку...

— Так вот почему он сумел-таки тебя поцеловать... — графиня Роддерик отстранилась, внимательно рассматривая фрейлину: Кэти сидела, укутанная теплым пледом, сжавшись в комочек и глядя перед собой невидящими глазами. — А когда он целовал тебя, вас увидела вездесущая Мышильда. Ей не хватило терпения высидеть в комнате целый день, вот камер-фрейлина и нацепила шляпку с вуалью, чтобы неузнанной побродить по коридорам. Так, Кэти?

— Наверно, — голос маленькой фрейлины звучал безжизненно и сухо, — я не знаю, как там оказалась Мышильда, но своим визгом она напугала Шенброка, и капитан оставил меня.

— Знаешь что, Эвелина, — Кэтрин ухватила графиню за рукав, и та даже испугалась непонятному блеску синих глаз девушки, — я поняла одно: лучше рано умереть, чем всю жизнь прожить с таким, как этот Шенброк! Он гадкий, он такой гадкий и неприятный, особенно его губы! И еще... когда он меня целовал, мне было так противно, так отвратительно видеть рядом его лицо, его глаза... Эвелина, я не смогу, мне не хватит сил жить рядом с этим человеком! Умоляю тебя, уговори королеву не выдавать меня замуж за капитана Шенброка! Пожалуйста, упроси ее! За кого угодно, за любого другого кавалера, только не за него! А лучше всего, пусть она отправит меня в самый дальний монастырь...Все равно я не смогу жить, если мне прикажут любить другого, а не Дэниэля, ни с кем не смогу...

И Кэти, уронив голову на руки, заплакала горько и обиженно, как плачут дети, когда их несправедливо наказали.

Эвелина, и сама расстроенная до крайности, бросилась утешать фрейлину, как вдруг раздался грохот, стук и удивленные девушки услышали мужской голос, кричавший за стеной:

— Откройте мне немедленно! Слышите, я вам приказываю — откройте!

Стучали в дверь, ведущую на мужскую половину и крепко запертую уже несколько лет. А голос, требующий немедленно открыть, принадлежал принцу Дэниэлю.

Глава 26

— Дэн, мой Дэниэль, он пришел ко мне! — радостная Кэтрин вскочила с кровати, бросилась к двери и чуть не упала, запутавшись в пледе.

Эвелина вовремя подхватила ее, и девушки дружно взялись за большую толстую щеколду, которую когда-то установили на двери по настоятельному требованию первой фрейлины. За годы бездействия металл, казалось, прирос к стене и двери, так что одолеть упрямую защелку оказалось совсем не просто. Все время, пока графиня и фрейлина боролись с туго идущей щеколдой, за стеной что-то грохотало и стучало, а когда дверь, наконец, открылась, в комнату влетел не только изрядно запыхавшийся принц Дэниэль, но и несколько папок с бумагами, заботливо перевязанные тесемочками.

"Ах да, здесь же устроили архив, вот откуда бумаги," — пока Эвелина приходила в себя после неожиданного появления принца, влюбленные успели оказаться в объятиях друг друга. Счастливая Кэти запрокинула голову, вглядываясь в лицо своего Дэниэля, а он нежно прикоснулся губами к ее лицу, собирая невысохшие капли слез на щеках.

— Кэти, моя Кэти, как же я допустил, что тебе пришлось плакать...

Эвелина невольно залюбовалась влюбленными, как любовалась бы прекрасной картиной: маленькая хрупкая девушка с золотыми локонами и высокий сильный юноша, красивый и мужественный. Светло-каштановые пряди волос спутались, а местами даже посерели от пыли, впрочем, как и костюм, и даже лицо Дэниэля. Принцу явно пришлось самому разгребать архивные завалы, чтобы пробиться к заветной двери. Маленьким кружевным платочком Кэти нежно стирала пыльные пятна с лица своего любимого, а Дэниэль, смеясь, ловил губами изящную руку, мешая фрейлине хоть немного его отчистить.

Графиня Роддерик чуть грустно улыбнулась, глядя на трогательную сцену свидания, и хотела уже уйти в свои комнаты, оставив влюбленных наедине, как вдруг сзади, все из-за той же злополучной двери, раздались аплодисменты и насмешливый голос герцога Берштейна громко произнес:

— Bravo, графиня, я недооценил Вашу смекалку! Вы ухитрились устроить для своей подопечной свидание с принцем, не нарушив при этом ни одного своего обещания!

Эвелина сердито вскинула голову и с неприязнью посмотрела на гостя, вторгшегося без разрешения. Кэтрин испуганно вскрикнув, попыталась освободиться из объятий, но Дэниэль не позволил ей этого сделать. Принц крепко удерживал свою Кэти, и его непримиримый вид яснее всяких слов говорил, что никто сейчас не заставит Дэна расстаться с любимой.

Эрнест усмехнулся, верно оценив обстановку и то, как отнеслись к его появлению. Он шагнул в комнату, легко и небрежно закинул обратно в архив папки, валявшиеся на полу, а потом, также легко, совершенно не напрягаясь, закрыл за собой дверь и задвинул тяжелую щеколду. Первый министр явно давал понять, что уходить отсюда не собирается, и сейчас им предстоит долгий и серьезный разговор.

Первым нарушил тишину принц Дэниэль. Он все же выпустил Кэти из своих объятий, но совсем немного, и спокойно, даже величественно, пояснил Эрнесту:

— Вы напрасно обвинили графиню Роддерик, герцог! Я сам вспомнил о двери между комнатами графини и мужской половиной и пробрался в архив.

— И дверь в эту комнату Вы тоже открыли сами, Ваше Высочество? — скептический голос герцога показал, что слова принца его не убедили. Но Дэниэль спокойно и сдержанно пояснил:

— Девушки открыли мне дверь, подчинившись моему приказу.

"Удивительно, — подумала Эвелина, — как он сейчас похож на отца. Внешность у Дэниэля от Амелии, а вот характер, умение ответить собеседнику достойно и без лишних эмоций — это ему передалось от короля, от Августа." Герцог Берштейн, в отличие от графини Роддерик, не склонен был сейчас заниматься оценкой характера принца, первый министр упрямо продолжал разговор в том же обвинительном тоне, не позволяя собеседнику уйти от ответов.

— А почему Вы отдали такой приказ, Дэниэль?

— Потому что Кэти плакала, и я услышал ее плач, когда стоял за дверью! — эти слова принц произнес уже несколько запальчиво и поскорее обнял свою любимую, словно боясь, что она вновь заплачет.

На вопрошающий взгляд Эрнеста ответила графиня Роддерик:

— Кэтрин плакала, потому что Ваш ставленник, капитан Шенброк, насильно поцеловал ее! И неизвестно, что еще он собирался сделать, не вмешайся Мышильда! Единственный раз ее вездесущее любопытство принесло пользу, не позволив погубить репутацию юной девушки!

Эрнест помрачнел, услышав тираду Эвелины, и уже совсем другим, более понимающим, взглядом посмотрел на влюбленных. А принц, ошеломленный услышанным, схватил руку Кэтрин и, увидев на ней свой подарок, недоверчиво спросил:

— Но как же так? Я не понимаю... Меня уверяли, что кольцо не позволит никому причинить вреда моей Кэти. Как могло случиться, что оно подпустило Шенброка?

— Прости меня, Дэниэль, — Кэтрин боялась поднять глаза на любимого, чувствуя себя виноватой, — он знал про нас и говорил, что принцу не позволят жениться на фрейлине... Что меня сошлют в самый далекий монастырь или даже устроят несчастный случай, если я не соглашусь выйти замуж за другого... Прости меня, Дэн, я поверила ему, я испугалась! И захотела попробовать — всего один раз попробовать — смогу ли я целоваться с другим мужчиной...

— И что же ты решила? — голос принца звучал сухо и напряженно, он совсем отстранился от своей Кэти, изучающе рассматривая ее.

— Мне никто не нужен, кроме тебя, мой Дэниэль. Пусть даже меня за это убьют, пусть накажут, но я никогда не смогу полюбить никого другого, — ответ Кэтрин прозвучал так просто и так серьезно, что ему невозможно было не поверить. И Дэн поверил, поверил сразу и бесповоротно. Не обращая внимания на зрителей, принц схватил на руки свою маленькую Кэти и закружил по комнате. А потом уселся рядом с ней на кровати, бережно обнял ее и посмотрел в любимые синие глаза, сияющие сейчас так близко и так ярко..

— Кэти, моя Кэти, не бойся их угроз... Никто и никогда не посмеет причинить тебе вред, никто и никогда не разлучит нас... — Дэниэль готов был от слов перейти к поцелуям, когда сухой громкий кашель напомнил принцу, что в комнате они не одни. Принц резко повернулся к первому министру, смерил его негодующим взглядом и строго, совсем как король Август, произнес:

— Герцог Берштейн, я не желаю выяснять, сам ли Шенброк додумался до подобных мыслей или до него дошли какие-то сплетни. Но я требую, чтобы к нему были приняты все меры дисциплинарного взыскания, вплоть до лишения звания капитана!

— Лишить звания капитана за неудачную попытку поухаживать? Не слишком ли сурово, Ваше Высочество? — ничуть не смутившийся Эрнест присел рядом с влюбленной парой, давая понять, что не намерен переходить на второстепенную роль в разыгрываемом действии. Эвелина вскрикнула, возмущенная цинизмом герцога, но он никак не среагировал на ее возглас. Сейчас Эрнест был прежде всего первым министром и не мог допустить, чтобы чьи-либо чувства влияли на его решения.

— Вы оспариваете мои приказы?! — вскочивший с места Дэниэль явно с большим трудом удерживал себя в руках. Он готов был добавить еще что-то, более запальчивое, но холодный насмешливый взгляд остановил принца. Дэниэль выдохнул, заставляя себя собраться, и прежним спокойным тоном произнес:

— Что ж, раз первый министр не считает, что капитан Шенброк заслужил наказание, я сам вызову его на дуэль за оскорбление моей невесты! И вызову немедленно, сегодня же вечером, не дожидаясь, пока этот мерзавец продолжит свои наглые притязания!

Последнюю фразу принц произнес уже далеко не так спокойно, как первую. Кэтрин вскрикнула, бросившись к тому, кто назвал ее своей невестой, Эвелина подбирала слова, достаточно убедительные, чтобы не дать Дэниэлю наделать глупостей. Один только первый министр короля был холоден и спокоен. Эрнест легко поднялся и подошел совсем близко к влюбленным. Обращаясь к одному только принцу, словно Кэти не было рядом, герцог Берштейн, небрежно объявил:

— Сегодня вечером, Ваше Высочество, Вы с небольшой свитой отправитесь в охотничий замок, что в нескольких верстах от Арма, и встретите там короля Леонардо и его дочь, принцессу Александрину. Завтра утром Вы въедете в город в одной карете с принцессой, и весь народ будет приветствовать вас как жениха и невесту.

Эвелина не могла больше сдерживать свое негодование, она отчаянно бросилась в бой:

— Эрнест, как ты можешь?..

Герцог Берштейн посмотрел на нее также холодно, как только что смотрел на Кэти и Дэниэля.

— Что тебя так возмущает, Эвелина? Всем известно, что принц Армании и принцесса Дарнии — жених и невеста. Они уже много лет обручены и, наконец, настало время их свадьбы. Так что же

удивительного в том, что жених встретит свою невесту и вместе с ней проедет по Арму до королевского дворца?

Эвелина не нашла слов для ответа, Кэтрин замерла в горьком молчании, с ужасом глядя на суровую фигуру в безукоризненном жемчужно-сером костюме. Но Дэниэля так легко смутить не удалось, даже напоминание о помолвке не повлияло на его уверенность. Принц ободряюще улыбнулся своей Кэти и сказал:

— Если я и поеду навстречу Александрине, то только для того, чтобы рассказать ей о тебе, любовь моя. Принцесса давно знает историю о маленькой девочке, завладевшую моим сердцем, и всегда поддерживала мои планы отбить тебя у жениха.

На этих словах Дэниэль подмигнул Кэтрин, и девушка счастливо засмеялась, вспомнив, как давно любит ее принц. Эвелина же метнула негодующий взгляд в сторону первого министра — графиня была уверена, что ложное письмо о помолвке Кэти его рук дело. Угадал ли Эрнест причину негодования графини или же просто был так настроен, но он кивнул головой, словно в знак согласия, и послал Эвелине самую обольстительную свою улыбку. Графиня Роддерик отвернулась, не в силах видеть его торжество, и поскорее вслушалась, что Дэниэль говорит сейчас своей Кэти.

— Любовь моя, Александрина — умная, чуткая женщина, я давно считаю ее своим добрым другом, как и она меня. Я знаю, что она любит не меня, а совсем другого, очень достойного человека, за которого, однако, ей не разрешают выйти замуж, — впечатлительная Кэти ойкнула, а Дэниэль улыбнулся ей и продолжил, — Кэти, я уверен, что Александрина поймет наши чувства и не будет в обиде, когда я приглашу тебя на Лунный Вальс. А Цветок вокруг нашей пары убедит всех, что наши чувства настоящие, и никто больше не посмеет разлучить нас! Ты веришь мне, моя Кэти?

Маленькая фрейлина молча кивнула, завороченно глядя на принца — такого сильного и умного, настоящего героя в ее глазах. Но сухой, почти неприятный голос не позволил Дэниэлю долго быть триумфатором. Герцог Берштейн вступил в разговор, и его доводы были не менее вескими, чем доводы влюбленного Дэна.

— Bravo, Дэниэль, Вы нашли верное решение и все вполне могло бы повернуться именно так, как Вы сказали. Если бы не одно но...

— Что еще? Какое "но" не дает Вам покоя, господин первый министр? — голос Дэниэля звучал раздраженно, словно принц предчувствовал скорое крушение своих надежд.

— По праву рождения, Вы — принц Армании, а Александрина — принцесса Дарнии. Ваш выбор будущей супруги должен исходить прежде всего из государственных интересов, Ваше Высочество, — Эрнест ответил с подчеркнутым уважением, даже слегка поклонился принцу. Дэн поморщился, недовольный таким сугубо официальным обращением, и потребовал:

— Объяснитесь, герцог! Каким образом будут затронуты государственные интересы, если и я, и Александрина вступим в брак с теми, кого мы любим?

— Извольте, мой принц. Ваш отказ жениться на Александрине, какими бы благими побуждениями он не был оправдан, тут же будет истолкован, как оскорбление Арманией дарнийских интересов. Король Дарнии, Леонард, весьма щепетилен в вопросах чести, как Вам известно.

Далее, Вашим отказом немедленно воспользуются хакардийцы, и король Хакардии Шамиршан пожелает взять в жены принцессу Александрину. Все знают, что у Шамиршана уже есть три официальные жены и неизвестно сколько наложниц — многоженство разрешено хакардийскими законами, подобные браки считаются нормой в их стране. Если бы у дарнийского короля был другой венценосный жених для Александрины, он, конечно, не отдал бы дочь хакардийцу. Но, увы, кроме Вас и Шамиршана, нет никого, подходящего в женихи принцессе Дарнии.

Принц Дэниэль, молча слушавший первого министра, схватился за голову и в отчаянии простонал:

— Эрнест, ну почему, почему считается, что короли управляют своим народом, когда сами они всего лишь марионетки в политических играх? Никому не важны их чувства, с их мнением не считаются. Король — всемогущий, никому неподвластный — на деле всего лишь пешка в руках безжалостных игроков! Скажи мне, неужели я всегда обязан быть покорной пешкой, и не вправе стать живым человеком?

Эвелина надеялась, что герцога тронут слова Дэниэля, но он лишь пожал плечами и повторил свою же фразу, немного ее переиначив:

— Вы родились принцем, Ваше Высочество, и получили безмерные права от рождения. Но Ваш титул налагает на Вас и обязанности, от выполнения которых зависит судьба Вашей страны и Вашего народа.

Вы можете отказаться от союза с принцессой Дарнии, но в этом случае ее отец отдаст руку дочери королю Хакардии Шамиршану. Брачный союз Александрины и Шамиршана будет означать изменение расстановки политических сил, объединение вечно враждующей с нами Хакардии и, пока еще дружественной, Дарнии. Хакардийцы умны и хитры, они используют Ваш отказ, как средство убедить короля Леонардо, что нанесенное оскорбление должно быть отомщено. И начнется война. Война Дарнии и Хакардии против Армании, только недавно оправившейся после мятежа и гражданской смуты.

Увидев, как побледнели женщины и взволнованно дрогнул принц, герцог Берштейн добавил последние фразы, завершающие его мрачные предсказания:

— Даже если Вы не считаете войну такой уж неизбежной, подумайте о судьбе принцессы. Вы сами назвали Александрину добрым другом, так задумайтесь на какую судьбу Вы ее обрекаете? Принцесса Дарнии не выдержит жизни в Хакардии, где бесправие женщин утверждено законом; умная независимая девушка неизбежно погибнет в местной гнетущей атмосфере. А Вы, Дэниэль, сумеете ли Вы наслаждаться жизнью с любимой, зная, что принцесса, считавшая Вас другом, погибла по Вашей вине?

— Эрнест, это подло, это запрещенный прием! — закричала Эвелина, но было уже поздно. Проникновенная речь первого министра произвела должное впечатление, Дэниэль с горечью смотрел на свою Кэти, предчувствуя неизбежную разлуку, а маленькая фрейлина не сводила синих глаз со своего — пока еще своего — принца, не замечая, как текут по ее щекам слезы.

— Эрнест, — неожиданно принц обратился к герцогу совсем просто, как к доброму другу. — помнишь, ты учил меня чести и верности? Ты говорил, что главное достоинство любого мужчины, а тем более принца и короля — незапятнанная честь и чистая совесть. А сейчас я должен отказаться от девушки, которую люблю больше самого себя, больше жизни. Отказаться и считать себя честным человеком...Как такое возможно, Эрнест, скажи мне?

Принц говорил, обращаясь к герцогу, но не смотрел на него. Глаза цвета лесного ореха неотрывно вглядывались в синие большие глаза, наполненные слезами, как будто хотели вобрать в себя плачущую синеву и навсегда сохранить ее в сердце.

Глава 27

В комнате воцарилось тягостное молчание, герцог Берштейн не нашел, что ответить на вопрос Дэниэля.

Да принц и не ждал ответа от того, кем был сейчас Эрнест — от первого министра Армании. На вопросы, идущие от сердца может найти ответ только очень хороший друг или любимый близкий человек, но не государственный чиновник, пусть даже самый преданный и верный.

Чуть позднее Эрнест все же первым прервал затянувшуюся паузу в разговоре. Он опять повторил, что Дэниэль — наследный принц и не вправе потакать своим желаниям. А принц неожиданно улыбнулся — горькой и светлой улыбкой — и сказал:

— Я знаю, что я сделаю, моя Кэти. Я все равно приглашу тебя на Лунный Вальс, и мы будем танцевать вместе, а вокруг нашей пары засияет Лунный Цветок, я уверен в этом! А потом...А потом, если они решатся нарушить волю Трех Лун, пусть нарушают! Я выполню свой долг и женюсь на Александрине. Но ты навсегда останешься единственной для меня, единственной, кому я отдал свое сердце... Ты веришь мне, моя Кэти?

Девушка только и смогла, что кивнуть — слезы заливали ей лицо так, что сквозь их пелену Кэтрин не могла разглядеть своего принца.

— Не плачь, любовь моя, прошу тебя... — мужские ладони обхватили златокудрую голову и губы потянулись к лицу любимой...

Эвелина и сама не могла сдерживать слез, глядя на влюбленных. Ей показалось, что и бездушный первый министр был взволнован трогательной сценой, но иллюзиям графини Роддерик не суждено было длиться долго. Может, Эрнест и был взволнован, но волнение не помешало ему помнить о своих обязанностях. Первый министр короля обратился к принцу, по-прежнему, сухим официальным тоном:

— Ваше Высочество, Вы сейчас даете девушке невыполнимое обещание. Невозможно, чтобы Вы танцевали Лунный Вальс с кем-либо, кроме принцессы Александрины!

— Возможно, Эрнест, все возможно в ночь слияния Трех Лун, — Дэниэль отвечал, повернувшись к герцогу Берштейну, но хрупкую девичью фигурку из бережных объятий не выпускал. — Я давно дал слово Кэти Брайтон — танцевать Лунный Вальс только с ней, и не вижу причин менять свое решение. А ваши политические игры...

Неизвестно, что еще сказал бы Дэниэль, но Кэтрин вдруг вырвалась из его рук, и взволнованно воскликнула:

— Нет, Дэн, это не игры, совсем не игры! Герцог Берштейн прав — если от твоего согласия жениться на Александрине зависит мир Армании, — ты не имеешь права отказываться!

Слушатели застыли от неожиданности, ошеломленные тем, что сказала сейчас маленькая фрейлина. Эрнест опять опомнился первым и, не скрывая удивления, произнес:

— Право, леди, подобного поворота я не ожидал. Никак не ожидал встретить в Вас своего союзника.

"Ты совсем не брал ее в расчет, так, Эрнест?" — Эвелина не задала вслух вопрос, ответ на который и без того был понятен. Она с болью в сердце смотрела на влюбленных, сознавая, что герцог — случайно или намеренно — нашел самые верные доводы, единственные, способные изменить твердое решение Дэна и Кэти оставаться вместе, вопреки всем запретам.

Семь лет назад маленькая Кэтрин пережила нападение мятежников на гарнизон, которым командовал ее отец, капитан Брайтон. Девочке довелось увидеть такие ужасы, что страх вновь пережить войну навсегда поселился в ее сердце. И предупреждение первого министра о возможном нападении на Арманию было самым верным способом убедить Кэти отказаться от своего счастья.

Маленькая фрейлина не услышала похвалы первого министра, она и не способна была сейчас что-то слышать, потому что не сводила глаз с побледневшего лица Дэниэля. Принц был так поражен тем, что любимая не поддержала его, что в один миг растерял всю свою уверенность. Он только и сумел, что спросить хриплым, совсем не своим, голосом:

— Но почему, Кэти?...

— Дэн, я видела войну, совсем немного, но видела. Когда мятежники разгромили наш гарнизон... Это было страшно, Дэниэль, очень страшно! Убитые, раненые люди — и почти всех я знала в лицо и по именам. Горели дома, кричали женщины, плакали дети...Они добивали раненых, Дэн, издевались над женщинами, пинками отшвыривали детей...Я не хочу, слышишь, не хочу, чтобы когда-нибудь в

Армании повторилась такая бойня. И поэтому прошу тебя, мой принц, очень прошу...

Голосок Кэти сорвался от нахлынувших слез, но она сумела справиться с собой. Решительно тряхнув головой, девушка сняла сиреневый перстень с пальца и вложила его в руку Дэниэля.

— Дэн, любимый мой, я возвращаю тебе твоё колечко и твоё слово. Танцуй Лунный Вальс с принцессой, женись на ней и будь счастлив! А я... я всё равно... всё равно никого больше не смогу полюбить так, как люблю тебя... Ты один, один на всём свете...

На последней фразе синеглазая фрейлина всё-таки разрыдалась, и Дэниэль бросился утешать свою любимую. Он пытался обнять Кэтрин, как обнимал совсем недавно, но плачущая девушка упрямо отталкивала его. В конце концов, отчаявшийся принц оставил безуспешные попытки и с горечью воскликнул:

— Кэти, моя Кэти, но как же я буду жить без тебя?..

Растерянный Дэниэль смотрел то на перстень в своей руке, то на плачущую маленькую фрейлину, и боль безысходности была в его взгляде. Эвелина сочувствовала влюбленным всем сердцем, она с тайной надеждой посмотрела на Эрнеста — герцог был задумчив и, казалось, растроган. Но едва пойман взгляд Эвелины, первый министр как будто стряхнул с себя ненужные чувства и вежливо, но твердо, напомнил:

— Ваше Высочество, пора выезжать. Вы должны прибыть в охотничий замок вовремя, чтобы успеть встретить короля Дарнии.

Герцог Берштейн не назвал в этот раз принцессу Александрину, но все понимали, ради кого должен сейчас уйти Дэниэль. Принц всё ещё смотрел в глаза своей Кэти, надеясь увидеть в них просьбу остаться. Но маленькая фрейлина как будто повзрослела после своего решительного поступка. Она смотрела на Дэна строго и спокойно, словно прощалась сейчас не с любимым человеком, а с хорошим знакомым, всего лишь знакомым, не больше.

— Ты уверена, Кэти? — тихий голос принца, и его взгляд, наполненный надеждой, были бессильны перед стеной, которую хрупкая девушка воздвигла в своём сердце. Маленькая фрейлина всего лишь качнула головой и твердо ответила:

— Да, Дэниэль, я уверена.

— Ну что ж... Идемте, герцог, куда там нам надо спешить, — принц отвернулся и нетвердым шагом, словно тяжелый груз лежал на его плечах, подошел к двери, закрытой на щеколду. Эрнест, коротко кивнув дамам, отправился следом, но мужчин оставил возглас опомнившейся Эвелины:

— Ваше Высочество, а как же колечко?.. Оно — единственная защита Кэтрин от домогательств Шенброка!

Принц резко обернулся, его глаза сверкнули гневом. Дэниэль разжал руку, в которую Кэти вложила сиреневый перстень, и собирался вернуть его фрейлине. Но девушка быстро отошла в сторону, замотала головой и даже заложила руки за спину.

— Не нужно, Ваше Высочество. Я буду осторожна и никуда не пойду в одиночку. Шенброк не сможет до меня добраться, я Вам обещаю.

— Ваше Высочество, так, Кэти? — горечь с какой Дэниэль произнес эти слова, заставили фрейлину закрыть лицо руками, чтобы спрятать слезы. Но дочь капитана Брайтона не собиралась отступать от данного ею слова — уже через минуту она опустила руки, выпрямилась и уверенно посмотрела в глаза принца:

— Да, Дэниэль. Прости, но так будет лучше для всех — и для Армании, и для Дарнии...

— А для нас с тобой?

Герцог Берштейн прервал Дэниэля, то ли опасаясь, что девушка всё-таки не выдержит и вернется в объятия любимого, то ли, и правда, нужно было спешить.

— Вам нет нужды беспокоиться о фрейлине Брайтон, графиня! Я немедленно распоряжусь, чтобы отряд капитана Шенброка перевели из старого крыла, а с капитаном поговорю лично. Обещаю Вам — он больше не посмеет даже приблизиться к Вашей подопечной!

Графиня Роддерик не ответила герцогу, она даже отвела взгляд от него, понимая, что иначе не сможет удержать гнев, рвущийся из сердца. Чтобы Эрнест ни говорил, Эвелина была уверена — в его силах было и устроить счастье влюбленных, и не допустить войны. Эрнест мог бы сделать счастливыми Кэти и Дэниэля, но не захотел. А теперь графиня не хотела понять и простить его

равнодушие.

Кэтрин все-таки подошла к своему принцу. Своими маленькими руками она нежно взяла открытую ладонь Дэниэля, на которой лежало кольцо, и, осторожно согнув его пальцы, заставила принца сжать кольцо в кулаке. Принц молча подчинился, но когда Кэти двумя руками крепко обхватила сжатую ладонь, словно боясь, что стоит отпустить — и пальцы вновь разогнутся, Дэн не выдержал. Он накрыл пальчики девушки второй ладонью и влюбленные вновь стояли рядом, молча глядя в глаза друг друга и не в силах расстаться.

— Кэти, прошу тебя, дай мне одно обещание, всего одно, и я уйду со спокойным сердцем...

— Какое, мой принц?

— Обещай мне, что ты будешь на Лунном Балу, что я увижу тебя среди девушек, ожидающих приглашения на Лунный Вальс!

— Дэниэль, я... — Кэти собралась спорить, но вдруг поняла, что не сможет обидеть любимого отказом, и сказала совсем не то, что хотела вначале, — да, я обещаю тебе. Я буду на Лунном Балу, среди девушек, ожидающих приглашения на Лунный Вальс.

— Тогда все хорошо, слышишь, Кэти, все хорошо! Если ты будешь рядом со мной, когда сольется сияние Трех Лун, — невозможное станет возможным, ты веришь мне?

Кэтрин кивнула, улыбаясь так грустно, что герцог Берштейн, не сводящий глаз с влюбленной пары, внимательней вгляделся в лицо девушки. Но Дэниэль, счастливый полученным обещанием, уже отодвигал щеколду и перешагивал через папки, валявшиеся на полу слегка разгромленного им архива.

— Помни, Кэти, ты обещала! — принц обернулся, взглянул еще раз на любимую, и показав ей сиреневый перстенок на открытой ладони, бережно переложил его в нагрудный карман, поближе к сердцу. А потом повернулся к герцогу и весело прикрикнул: — Ну что же Вы, Эрнест, идемте! Дамам пора отдыхать, мне — отправляться на встречу с дарницами, а Вам...А Вас ждут разборки с бравым капитаном, не так ли, господин первый министр?

Герцог Берштейн, все это время пристально смотревший на Кэтрин, словно пытаясь прочесть что-то на ее лице, наконец, отвел взгляд, чтобы ответить Дэну.

— Идемте, мой принц! Вам давно уже следовало выехать.

— Так что же с капитаном? Герцог, Вы не забудете про него? — Эвелина, взволнованная тем, что Кэти осталась без защиты кольца, хотела еще раз услышать от герцога Берштейна, что он найдет управу на наглого капитана. Но ей ответил Дэниэль:

— Он не забудет, графиня Роддерик, не беспокойтесь! Я сам еще раз напомню Эрнесту перед отъездом!

— Вам нет нужды утруждать себя, Ваше Высочество, я никогда не забываю своих обещаний, — Берштейн явно был уязвлен и недоверием графини, и тем, что принц поддержал ее недоверие, пусть даже в шутку. Но Дэниэль, оживленный и обрадованный обещанием Кэти, не дал герцогу задержаться. Наскоро простившись, мужчины исчезли в архивных глубинах, и графиня облегченно вздохнув, поскорее закрыла за ними дверь, не без труда задвигая тяжелую щеколду.

— Кэти, я-то надеялась, что ты мне поможешь, а ты стоишь и смотришь на мою борьбу с упрямой защелкой! Чем тебя так привлекло это зрелище? — Эвелина нарочно говорила весело, стараясь отвлечь девушку. Но не услышав никакого ответа на свои слова, она резко обернулась и замерла, увидев бледное застывшее лицо фрейлины.

— Кэти, Кэтрин, что с тобой? — Эвелина подбежала к девушке, обняла ее, вглядываясь в тусклые невидящие глаза, еще недавно сиявшие яркой синевой. На какой-то миг графине показалось, что и Кэтрин лишили воли, так похоже было ее состояние на равнодушие юной Эльзи. Но нет, здесь было что-то другое. Эвелина повернула голову девушки, заставляя посмотреть на себя, еще раз позвала ее и, наконец, дождалась ответа:

— Я буду на Лунном Балу, Дэниэль, и встану среди девушек, ожидающих приглашения на Лунный Вальс. Но я сделаю все, мой принц, все, что в моих силах, чтобы ты не узнал меня среди них!

Высказав то, что мучило ее сейчас, Кэти Брайтон закрыла глаза и покачнулась, падая. Эвелина еле успела подхватить ее. Измученная девушка не выдержала напряжения сегодняшнего дня и потеряла сознание.

Глава 28

Поначалу Эвелина думала справиться сама, но никакие обычные средства не помогали, Кэтрин не удавалось привести в чувство ни с помощью нюхательных солей, ни холодной водой, ни похлопываниями по щекам. Отчаявшаяся графиня вызвала горничную, чтобы отправить ее за лекарем, и, к счастью, вместо горничной пришла сама Эмма Жернет. Старшая камеристка, закончив с расселением прибывших гостей, как раз шла узнать, "что там с нашей девочкой". Увидев состояние Кэтрин, Эмма немедленно отправилась за помощью. Она успокоила Эвелину словами:

— Во дворце магов набилось полным-полно, поймаю одного из них и сейчас же приведу сюда! Чай, в целительстве они все малость понимают, уж девочку в чувство привести любой сумеет!

Графиня Роддерик облегченно выдохнула — камеристка была права, любой маг обучался основам целительства и сможет вывести Кэтрин из обморока. Сейчас Кэти лежала на кровати совсем бледная, застывшая, только чуть заметное дыхание выдавало в ней признаки жизни. Эвелина извелась в ожидании мага, ей казалось, что время тянется бесконечно. Когда, наконец, вернулась Эмма, и не одна, графиня вскрикнула от радости. С Эммой Жернет в комнату вошел никто иной, как ее сегодняшний знакомый, старший дознаватель Королевского магического Сыска магистр Бартоломью Форбенкс.

— Барти, как я рада Вас видеть! — в порыве чувств Эвелина и не заметила, что обратилась к толстячку так же, как ее подруга, мадам Лилье. — Но какими судьбами Вы оказались во дворце в этот час? Или у нас что-то произошло?

— Ничего страшного, графиня, уверяю Вас, — Бартоломью добродушно улыбался, не забыв, впрочем, внимательно осмотреть комнату. Он почти сразу заметил состояние Кэти и, неожиданно быстро для своей комплекции, подошел к кровати, где неподвижно лежала девушка. На какое-то время в комнате установилась благоговейная тишина, маг осматривал больную, а Эвелина прекратила расспросы, не желая ему мешать. Только Эмма рискнула подойти ближе к графине и на ухо, чуть слышно, пояснила ей:

— Магов-то много, да все деловые такие — бегут куда-то и слушать меня не хотят. А этот, может и невзрачный с виду, но сразу остановился, спросил, что случилось, и пошел со мной без всяких отговорок. Только сможет он что или нет?

— Сможет, Эмма, сможет! — в порыве радости Эвелина крепко сжала руку камеристки, словно передавая ей свою уверенность. — Ты привела сюда лучшего мага Армании, никак не меньше!

— Вот оно что! А по виду-то и не скажешь... — Эмма задумчиво рассматривала Бартоломью, хлопчущего над Кэти. Сейчас, видимо, из-за пребывания во дворце, на маге была одета мантия, и маленький толстенький магистр Форбенкс выглядел в ней смешно и неуклюже. Но круглые очки весело поблескивали на свету, перекрывая блеск лысины Бартоломью, а с лица мага не сходила добродушная ободрающая улыбка. И Эвелина почему-то сразу поверила, что ничего непоправимого не случилось, да и не может случиться, пока Барти Форбенкс рядом.

Слышал маг разговор графини и камеристки или нет, но он не прерывал свои хлопоты вокруг бесчувственной девушки. Вскоре Кэтрин пришла в себя, вдохнув какое-то особенно вонючее средство, подsunутое Барти, и попыталась подняться, непонимающе глядя на присутствующих.

Эвелина бросилась к фрейлине, но Бартоломью жестом остановил ее и приказал принести воды. Получив от Эммы стакан с водой, Бартоломью долил туда какие-то капли и заставил Кэти выпить получившуюся жидкость. Девушка безропотно послушалась, и очень скоро уснула. Теперь уже настоящему уснула, дыша глубоко и крепко. Щеки Кэти порозовели, но тревожное выражение так и осталось на лице.

Бартоломью осторожно вышел из комнаты, где спала фрейлина, поманив женщин за собой. Они устроились в приемной и маг объяснил:

— У девушки было сильнейшее нервное потрясение, ей необходимо хорошо отдохнуть. Капли, которые я дал, помогут юной леди восстановить силы, но ее нельзя будить. Ни в коем случае нельзя, вы поняли меня? Девушка должна проснуться сама, только тогда можно будет уверенно говорить, что второго обморока не случится!

Эвелина взглянула на Эмму, и старшая камеристка сразу поняла ее:

— Не беспокойтесь, госпожа графиня! Вам, верно, с самого утра уже по делам, так я в Ваши комнаты Линду отправлю, ту горничную, что вчера вечером у Вас была! И строго накажу, чтобы сидела с леди Брайтон, пока она не проснется, и одну никуда не отпускала! Линда — девушка надежная, она все, как сказано, сделает, Вы уж не сомневайтесь!

Графиня Роддерик облегченно кивнула, соглашаясь с планом Эммы. А добрая женщина вдруг всполошилась, вспомнила про дела и гостей, требующих ее внимания, и простилась, собираясь убегать. С сомнением глядя на Бартоломью, который уютно расположился в кресле, явно не думая никуда уходить, Эмма уточнила:

— А Вы, господин маг, обратно-то дорогу один найдете?

— Не беспокойтесь, дорогая госпожа Жернет, обязательно найду! — весело улыбаясь, ответил ей Барти, — А если Вы будете так любезны и прикажете принести чай для нас с графиней и к чаю что-нибудь особенно вкусное...

Эмма с сомнением посмотрела на Эвелину. и она, смеясь, кивнула:

— Прикажи, Эмма. Господин Форбенкс заслужил самое вкусное угощение, какое можно найти в это время.

— Именно так, именно так, благодарю Вас, графиня! — ничуть не смутившийся толстячок закивал с самым довольным видом.

Эмма Жернет, все еще недоумевающая о причинах такого доброго отношения первой фрейлины к "невзрачному магу" ушла, а в скором времени появились горничные с ароматным чаем и множеством всяческих пирожков, булочек, пирожных, — словом, с теми вкусностями, что никогда не переводились на дворцовой кухне, особенно в дни большого приема гостей.

Донельза довольный Бартоломью перепробовал, казалось, все, что принесли и, наконец, устало развалился в мягком кресле, наслаждаясь отдыхом. Графиня Роддерик долго не решалась задавать вопросы, видя с каким аппетитом маг набросился на еду. Сама же Эвелина чуть притронулась к принесенным яствам — тревога за Кэти, за Эльзи, зачарованную злобным д'Жене, не давала ей покоя. И как только Бартоломью насытился, графиня вернулась к первому своему вопросу:

— Так почему Вы оказались во дворце в этот час, господин Форбенкс?

— Графиня Роддерик, я не буду возражать против обращения по имени, можно просто Барти — вполне сойдет.

Эвелина ответила улыбкой и согласием:

— Тогда и ко мне можете обращаться просто Эвелина.

— Замечательно, графиня! — Бартоломью вскочил с места и забежал по комнате, его восстановившиеся после ужина силы требовали движения. — Так вот, как я здесь очутился...Видите ли, во дворце ждут хакардийского короля, а перед его приездом пришлось разрешить толпе хакардийских магов проверить апартаменты, где поселят их короля, на предмет магических ловушек. Они, понимаете ли, не доверяют нашим арманийским магам!

Бартоломью презрительно фыркнул, выражая свое отношение к недоверию хакардийцев, и продолжил:

— А поскольку у нас, в Армании, традиционно точно также не доверяют хакардийцам, было принято решение проверить дворец силами уже наших магов на предмет хакардийских ловушек. Вот и бегаем по всем помещениям, выискивая нет ли где признаков чужой неизвестной магии. Да и в ночь Лунного Бала большая часть магических сил Арма подтянется во дворец — выслеживать, вынюхивать, охранять...

— Как бы там ни было, но я очень рада, что на помощь Кэти пришли именно Вы, Бартоломью, — Эвелина дружески улыбнулась магу, тут же расцветшему в ответной улыбке.

— А что могло случиться с девушкой? — осторожно спросил Бартоломью. — Днем, в ателье Сеси, она щебетала как птичка, и вдруг такие резкие перемены.

— Барти, не спрашивайте меня, прошу Вас! Я не вправе открыть Вам чужие тайны! — взмолилась Эвелина. — Вы верно поняли, что Кэтрин пережила сильнейшее нервное потрясение, но большего я Вам сказать не могу. Расскажите лучше Вы, что с Эльзи? Айвен, менестрель Лунный Бродяга, которого она любит, нашел Вас? Ему удалось поговорить с девушкой?

— Найти-то он, конечно, нашел, графиня. И с большим восторгом отозвался о Вас и Вашем участии в их судьбе, — все это Форбенкс рассказывал, поглядывая на Эвелину с каким-то непонятным выражением лица. Ей показалось, что маг в этот момент решает: все ли тайны можно доверить внимательно слушающей даме. — Мы вместе отправились в маркизу д'Анжу, но этот сноб южной выделки даже не пожелал принять нас! Он передал через лакея, что менестрелю нечего делать в его доме, а на попытки Айвена спорить последовала угроза вызвать стражу!

Форбенкс рассказывал с таким искренним возмущением, что Эвелина могла только порадоваться за Айвена. Если уж маг, дознаватель Сыска, еле держал себя в руках, то каково пришлось эмоциональному менестрелю! И следующие слова Барти подтвердили ее опасения.

— Я еле удержал молодого человека — он все стремился силой прорваться к девушке. Ничем хорошим, кроме взятия под стражу, его попытка закончиться не могла. В конце концов нам пришлось удалиться, так и не поговорив с самим маркизом.

— Вот прохиндей! — вырвалось у Эвелины.

— Несколько сильно сказано, графиня, но в целом верно. Ну, а чуть позднее, когда наш прекрасный менестрель успокоился, мы переговорили с ним о поисках бастардов графа д'Жене... Скажите, Эвелина, — Бартоломью чуть замялся, словно решаясь, но все-таки закончил фразу, — Вы сами видели Айвена и говорили с ним... Вам ничего не показалось странным? Может быть сходство с известным Вам человеком?

Эвелина вспомнила Айвена, его высокую мощную фигуру, черную копну волос, небрежно стянутых в хвост на затылке, светло-серые, почти серебристые глаза на загорелом лице...

— Не может быть! — графиня подскочила на месте от изумления. — Айвен — он и есть...

— Тише, тише, дорогая леди, не нужно так волноваться. — толстячок успокаивающе похлопал своей пухлой ладонью по руке Эвелины. — Я не проверял его магически — для этого, знаете ли, надо взять каплю крови и дать множество объяснений, зачем ты ее берешь. Но почти уверен, что так оно и есть.

— Но если так... Если так, тогда все просто замечательно! Айвен не только сможет снять злосчастное кольцо с руки Эльзи, он станет ровней ее кичливому отцу, даже выше! И у маркиза д'Анжу не будет причин препятствовать их браку!

— Возможно и так, вполне возможно... — Бартоломью был задумчив и не спешил радоваться вместе с Эвелиной. — Сам юноша пока ничего не подозревает. Я предложил Айвену поговорить по душам с матушкой, не таясь, рассказать ей историю своей любви и спросить, известно ли ей что-либо из прошлого д'Жене. Если она найдет в себе силы, сказать сыну правду, — я сниму шляпу перед этой великой женщиной. Но если она промолчит...

Форбенкс умолк, и Эвелина поняла, что он не договорил — если Сюзанна Линнель, матушка Айвена, сама не расскажет сыну о его настоящем отце, то вправе ли они разрушать жизнь дружной любящей семьи?

Бартоломью, отвлекшись от своих тягостных мыслей, взглянул на графиню и невесело присвистнул:

— Эге, дорогая моя, да Вы совсем измучали себя, нельзя же все огорчения брать так близко к сердцу! Пока еще ничего не ясно, Вы поняли меня? И я, Бартоломью Форбенкс, маг высшей квалификации, запрещаю Вам грустить и переживать по любому поводу! А чтобы запрет мой лучше подействовал, извольте-ка выпить капли!

С этими полушутливыми словами Бартоломью достал из кармана своей мантии еще один пузырек, плеснул воды в чистый стакан, накапал туда же непонятной микстуры и строго приказал Эвелине:

— Сейчас же выпить и немедленно спать! Спать, слышите? И без всяких тревожных сновидений!

Графиня, удивляясь самой себе, послушно подчинилась приказу Бартоломью. Она только успела поинтересоваться — не уснет ли таким же крепким сном, как Кэти, на что толстячок, изо всех старавшийся выглядеть сердитым, ворчливо ответил:

— Проснетесь в то время, как и привыкли вставать. Но проснетесь бодрой и отдохнувшей, а не вялой развалиной, Вы поняли меня?

Эвелина возмущенно фыркнула на "вялую развалину", но более вразумительно протестовать не могла — она как раз глотала приготовленную Барти микстуру, горькую и очень невкусную. А маг, вдохновленный ее молчанием, продолжал:

— Завтра, когда я вернусь из дворца, ко мне должен подойти Айвен, передать свой разговор с матушкой. Если она ему все расскажет — мы вместе отправимся сюда за королевским указом. Если же нет... Значит, придется ждать, пока чары развеются и девушка придет в себя.

— Обязательно найдите меня, когда будете во дворце, обещаете? — Эвелина, наконец, проглотила гадкое лекарство и вновь смогла говорить.

— Найду, — серьезно ответил Барти. — Я, в любом случае, появлюсь здесь ближе к вечеру и, думаю,

что останусь на всю ночь праздника Трех Лун. Так что, мы с Вами встретимся завтра, графиня, возможно, и не один раз!

На этой загадочной фразе Бартоломью откланялся, а Эвелина только и смогла, что дойти до кровати и упасть на мягкую перину. Ей не снились тревожные сны, да и вообще никаких снов не снилось. Только знакомые янтарные глаза видела Эвелина в окружавшем ее сумраке, лишенном сновидений, грустную, почему-то тревожную улыбку и лицо Северина, пытавшегося ей что-то сказать. Но что? Графиня не смогла разобрать, а утром проснулась, как и обещал маг, бодрой, отдохнувшей, но с непонятным чувством тревоги. Это чувство никак не желало уйти из мыслей и сердца Эвелины, наоборот, оно укоренялось там все прочнее.

Глава 29

Утром Эвелина первым делом подошла к Кэтрин — посмотреть как чувствует себя девушка. Маленькая фрейлина сладко спала с прежним, безмятежным выражением лица. Золотые локоны рассыпались по подушке, Кэти пробормотала во сне имя своего Дэниэля и, улыбнувшись чему-то, известному ей одной, повернулась на другой бок. Эвелина могла только порадоваться, что настойка мага оказалась такой действенной — хотя бы во сне Кэти вернулась в прежние счастливые дни, где ее любви ничто не угрожало. Но как будет чувствовать себя Кэтрин, когда проснется и все вспомнит?

Графиня Роддерик дернула за шнур, вызывая горничную, и с облегчением вздохнула, увидев надежную Линду. Девушка вызвала доверие Эвелины еще тем вечером, когда они с Кэти вернулись из "Веселой утки" и весело смеялись, слушая рассказы горничной о молодящейся Мышильде. Сегодня утром Линда помогла Эвелине одеться к официальному приему хакардийцев — здесь особо важна была строгость наряда: открытые платья, равно как и непокрытая голова, по законам Хакардии считались недопустимыми для женщин. Поэтому графиня не только надела платье, закрывающее даже шею, но и обернула голову черной шелковой шалью — так, чтобы ни один упрямый локон не вздумал выглянуть наружу. Справившись с помощью Линды с необычным для себя нарядом, Эвелина настрого приказала ей не уходить никуда, пока Кэти не проснется, и не оставлять девушку одну. Успокоенная твердым заверением горничной, сделать все, как сказано, графиня Роддерик пошла в малый тронный зал, где был объявлен официальный прием короля Хакардии Шамиршана, прибывшего посмотреть на Лунный Бал.

Коротко приветствуя придворных, первая фрейлина быстро пробежала привычным путем дворцовых коридоров, вошла в зал и заняла свое обычное место рядом с тронном королевы. Оглядев наряды немногих дам, присутствовавших на церемонии встречи короля Хакардии, Эвелина улынулась — все, без исключения, были одеты в такие же наглухо закрытые платья, как и она, отличаясь лишь цветом наряда. Изящные прически дамы спрятали под шальями, в цвет своего наряда, но было и одно исключение среди разноцветных шалей. Малая тиара королевы Амелии успешно заменила Ее Величеству любые другие головные уборы.

Эвелина склонилась в реверансе перед королем Августом, церемонно ответила на приветствие королевы и всего лишь изобразила легкий поклон в адрес первого министра. Она не могла простить Эрнесту вчерашней сцены, слез и обморока Кэти и отсутствия сейчас Дэниэля. Брови герцога приподнялись в удивлении, он не понял столь явно выказанной неприязни графини Роддерик. Но объясняться было некогда, высокий гость торжественно вошел в тронный зал и по проходу, окруженному склонившимися придворными, направился к королю Августу.

Их Величества поднялись с тронов, показывая свое уважение к прибывшему, Эвелина присела в глубоком реверансе, отмечая про себя, что король Шамиршан, оказывается, совсем не дурен собой. Немолодой уже мужчина, но еще не растерявший мужской силы и обаяния, высокий плотный брюнет с умными пронизательными глазами, Шамиршан производил очень приятное впечатление. Излишняя полнота не портила его, а, наоборот, смягчала образ жесткого владыки, добавляя ему теплоты. А седина в черных волнистых волосах в сочетании с моложавым лицом придавала особую мужскую привлекательность грозному королю Хакардии. И оживление придворных дам, увлеченно рассматривавших Шамиршана и его свиту, показало Эвелине, что она не одинока в своем мнении о хакардийце.

Покончив с официальными приветствиями, Август предложил Шамиршану занять место на гостевом троне, поставленном рядом с тронном короля Армании. Хакардиец удовлетворенно отметил герб своей страны на спинке трона и уселся, весело хохотнув:

— А когда Леонардо подъедет, еще один такой же поставишь или на этом герб заменят?

— Зачем менять? — так же весело ответил Август. — В гостевых тронах у нас недостатка нет, так что и для Леонардо подберем.

— Ну, ну, — Шамиршан с интересом оглядывал арманийских придворных, задержал взгляд на Эвелине, стоявшей рядом с королевой, и с явным неудовольствием произнес, — Не понимаю, Август, зачем твои женщины встречают нас в таком закутанном виде? Почему я должен дожидаться Бала, чтобы полюбоваться их красотой?

— А это ты у своего посла спроси, — в тон соседу-королю ответил Август, — твой Рашмин нам всем в головы вбил, что необходимо строго соблюдать традиции Хакардии. Благодаря ему, я теперь законы твоей страны не хуже своих знаю.

— Да? — Шамиршан хмыкнул и задумчиво произнес. — Наградить его, что ли, этого Рашмина...

— Я здесь, мой повелитель! — толстый важный посол мгновенно подлетел к трону и низко, почти касаясь пола головой, склонился перед своим королем.

— Встань уже, — недовольно приказал ему Шамиршан, — и отойди подальше отсюда. Пошутил я, не заслуживаешь ты пока моей награды.

Хакардийцы, довольные словами короля, с высокомерной насмешкой оглядывали своего соплеменника, пока поникший Рашмин медленно удалялся от трона. А короли продолжали разговор — по тональности как будто шутливый и ни к чему не обязывающий, но на деле очень напоминавший разминку борцов перед предстоящей схваткой.

Наконец, Август предложил "собрату Шамиршану" отдохнуть с дороги в отведенных для него покоях, на что хакардиец с удовольствием согласился, вздохнув, правда о том, что в их стране мужчина отдыхает по-настоящему только рядом с прекрасной феей. Говоря это, Шамиршан неотрывно смотрел на стройную фигурку в черном, и Эвелина поскорее опустила глаза — в Хакардии даже прямой взгляд женщины на мужчину мог быть принят, как согласие на подобное приглашение.

Август тут же перевел слова Шамиршана в шутку, сказав, что "прекрасных фей" надо было везти с собой в Арманию, арманийцы тоже с удовольствием посмотрели бы какие они, настоящие феи. Всем известно, что сказочные порхающие создания когда-то давно посещали Хакардию, но сюда, в Арманию, они и в те времена не залетали.

— Не говори, что не знаешь, — неожиданно вполне серьезным тоном ответил Шамиршан, — и в твоей стране феи есть, только надо уметь их увидеть.

С этими словами король Хакардии поднялся с гостевого трона, кивнул головой в сторону королевы, приветствуя то ли ее, то ли Эвелину, и в сопровождении свиты направился в свои покои. Король Август лично пошел проводить Шамиршана — оказать уважение хакардийцам, высоко чтящим соблюдение церемониала, никогда не было лишним.

Эрнест, который поначалу тоже присоединился к свите, сопровождающей королей, вдруг передумал и вернулся в приемный зал. Придворные почти разошлись, но Эвелина пока задержалась, обдумывая планы сегодняшнего дня, и не сразу заметила напряженный взгляд первого министра, обращенный на нее.

— Графиня Роддерик, уделите мне пару минут Вашего времени! — герцог Берштейн не выдержал первым. Он обратился к графине слишком громко, так что любопытные придворные тут же столпились поближе, чувствуя, что может произойти что-то необычное. Недоумевающая Эвелина подошла к герцогу, но он, заметив заинтересованные взгляды, недовольно поморщился и сердито, как будто она к нему обратилась с просьбой о разговоре, сказал:

— Не здесь, отойдемте в сторону.

Графиня, все еще недоумевающая, что могло случиться, молча пошла за герцогом. В первом же удобном месте для разговора — уютная ниша в коридоре у окна — Эрнест легко установил завесу тишины, отсекая возможность подслушать, и раздраженно обратился к Эвелине:

— Графиня, как я должен понимать Ваши заигрывания с королем Хакардии?

— Мои заигрывания? С королем? — у Эвелины перехватило дыхание от возмущения. — Да как Вы смеете, Эрнест?! Кто дал Вам право обвинять меня в недостойном поведении?

— Эвелина, не горячись, прошу тебя, — герцог понял, что перегнул палку, и попытался вернуть свои слова обратно, но, увы, было уже поздно. Запальчивость графини Роддерик, напряжение вчерашнего вечера, непонятная тревога, охватившая ее с самого утра, — все это вместе взятое хлынуло сейчас на Эрнеста бурной неуправляемой волной. Герцог узнал, что его давно не хотят ни видеть, ни слышать, что его претензии просто смешны, и графиня сама будет решать с кем ей заигрывать, а кого отталкивать. А если первый министр Берштейн не оставит ее в покое — она пожалуется на его домогательства королеве, а, возможно, и самому королю!

— Ах вот как! Я, оказывается, Вас преследую и домогаюсь? — Берштейн был разъярен не меньше графини. — Прошу простить, Ваша Светлость, если моя забота о Вас и Вашей репутации выглядела столь навязчивой, больше подобного не повторится. На этом позвольте откланяться, у меня, знаете ли, очень много дел, чтобы тратить время на выслушивание Ваших нелепых претензий.

Эрнест развернулся, собираясь уйти, но Эвелина крепко ухватила его за рукав.

— Нет, постойте, герцог, так просто Вы не уйдете, — выпалила графиня Роддерик, чуть задышав от переполнявших ее эмоций. — Прежде скажите мне, Вы выполнили свое обещание? Переговорили с капитаном Шенброком, чтобы он оставил в покое фрейлину Брайтон?

Смущенный и растерянный вид Эрнеста дал лучший ответ на вопрос Эвелины. Графиня ахнула от возмущения:

— Как же так, герцог Берштейн? А Ваши собственные слова, что Вы никогда не забываете своих обещаний?

— Прости, Велли, — смущенно пробормотал Эрнест, — я так замотался вчера, что отправив принца на встречу с дарнийцами, просто уснул на ходу. А сегодня еще не успел...

— Не успел?! Да как же ты не подумал, что от твоего разговора с капитаном зависит судьба девушки? А если он, в отличие от тебя, уже успел выманить Кэти из комнаты и завести в ловушку?

Не ожидая ответа, графиня Роддерик бросилась бежать к своим апартаментам, в которых оставила Кэти. Магическая преграда, созданная герцогом, легко прорвалась, не выдержав стремительного напора маленькой решительной женщины. Эрнест, не долго думая, побежал следом за графиней, на ходу уговаривая ее не волноваться. Эвелина не слушала его, она, что есть силы, летела вперед. Графиня была совсем рядом со своими покоями, когда чуть не столкнулась с горничной, появившейся из-за поворота. Девушка испуганно вскрикнула, а на слова Эвелины, что в столкновении нет ее вины, понимающе хихикнула и сказала:

— Ой, госпожа, да сегодня, видно, день такой! Никто спокойно не ходит, все только бегом. Вот и фрейлина молоденькая, беленькая недавно так быстро пробежала, что чуть с ног меня не сбила!

— Фрейлина пробежала? Какая? Ты ничего не путаешь, когда говоришь, что она "молоденькая и беленькая"? — Эвелина задавала вопросы, не замечая, с какой силой сжимает плечи горничной. Сердце графини похолодело от дурных предчувствий, но она еще надеялась — слабо, но надеялась, — что горничная столкнулась не с Кэти. Но когда девушка, испуганная уже по-настоящему, вспомнила, что фрейлина была маленькой и худенькой, и побежала она в старое крыло, руки Эвелины бессильно опустились. Она с ужасом понимала, что уже поздно, что Кэти задумала и исполнила что-то совсем неправильное, страшное, ломающее всю ее судьбу. Горничная, что-то пискнув, поскорее скрылась, а графиня Роддерик еще долго стояла бы на месте, если бы не Эрнест. Он схватил ее за руку и крикнул:

— Велли, что же ты стоишь?! Скорее в старое крыло, скорее!

Они бежали уже вдвоем, что есть силы, надеясь успеть, пока не случилось непоправимое. Эвелина с отчаянием цеплялась за мысль о том, что не спросила у горничной, когда она видела беленькую фрейлину. Может быть прошло совсем немного времени, и они успеют перехватить Кэти?

Последние надежды графини разбились, когда в старом крыле они почти сразу наткнулись на группу солдат, столпившихся у какой-то двери. Мужчины ухмылялись и перемигивались, прислушиваясь к звукам, доносящимся оттуда.

— Немедленно все вон! Двое — сейчас же за полковым командиром! — яростно крикнул Эрнест и, ударом ноги распахнув дверь, на полном ходу влетел в комнату караулки. Эвелина вбежала за ним, но тут же резко остановилась и замерла, прижав руки к груди, стараясь унять сильно бьющееся сердце. Сцена, которая открылась перед ними, не оставляла сомнений в произошедшем.

Капитан Шенброк стоял спиной к вошедшим, застегивая штаны, а у его ног, на узком кожаном диване караульной, неподвижно лежала хрупкая женская фигурка. Когда Шенброк услышал чужие шаги и звук открываемой двери, у него хватило совести опустить нижние юбки девушки, но верхние так и остались бесстыдно задранными вверх, закрывая лицо несчастной.

Эвелина с отчаянием смотрела на рассыпавшиеся белые пряди волос, казавшиеся слишком яркими в полутьме караульной комнаты, на бессильно поникшую маленькую женскую руку. Слезы текли по щекам графини, она с ужасом думала, что в произошедшем есть и ее вина. Эвелина корила себя, что не смогла уследить за Кэти, не успела остановить ее, и девушка совершила безумный поступок — по доброй воле пришла в руки негодяя. Чтобы не предпринял сейчас герцог Берштейн — случившееся уже не изменить, они опоздали, и опоздали навсегда...

Сквозь пелену какого-то, внезапно нахлынувшего равнодушия, графиня услышала, как герцог срывающимся, не своим, голосом кричит на нагло ухмыляющегося капитана, а тот, не скрывая торжества, заявляет, что "против воли девушки он ничего не делал, она на все была согласна".

Эвелина наблюдала за происходящим как будто сквозь пелену тумана, вяло отмечая, что никогда не видела Эрнеста в таком взвинченном состоянии. Герцогу Берштейну обычно не приходилось даже повышать голос на подчиненных — одного его холодного взгляда хватало, чтобы приказы первого министра немедленно выполнялись. А сейчас Эрнест орал на капитана, и в его крике Эвелина слышала бессилие мужчины, не видевшего способа исправить случившееся.

Что-то подобное понял и Отто Шенброк. Он, по-прежнему нагло ухмыляясь, заявил:

— Шумом дела не исправишь, герцог! Даже наоборот, своим криком Вы привлекаете ненужное внимание, губительное для репутации моей невесты. Да, герцог, я признаю, что виноват в

случившемся и готов все исправить немедленной женитьбой. Вы вправе наказать меня, но этим Вы лишите девушку возможности восстановить свое честное имя.

С чувством собственного превосходства Отто оглядел собеседников и заявил:

— Когда я официально пришел свататься, вы, господа, сочли меня недостойным! Меня, Отто Шенброка, потомка самого древнего рода Армании, посчитали недостойным руки безродной фрейлины! Так вот вам урок — Шенброки свое всегда возьмут, какие бы защитные амулеты против них не применяли!. Да если бы я вчера догадался сорвать кольцо у нее с пальца, она была бы в моей постели уже этой ночью!

Наглый капитан сплюнул себе под ноги и с силой надавил сапогом на что-то маленькое, сверкнувшее сиреневым. Из-под каблука раздался жалобный хруст, и капитан самодовольно ухмыльнулся:

— Вот он где теперь, дорогой подарочек! Был — и нет его!

Когда хруст раздавленного кольца и слова Шенброка дошли до сознания Эвелины, графиня вскрикнула от удивления. Она немедленно бросилась к лежащей неподвижно девушке, откинула ее задранные юбки и вгляделась в лицо жертвы бессовестного капитана. С юного личика на графиню смотрели сияющие серые глаза, а нежные полуоткрытые губы шептали:

— Да, мой капитан, я согласна, согласна на все! Я выйду за тебя замуж!

Эвелина поняла, что девушка не вполне осознает, кто подошел к ней. Затуманившийся взгляд и восторженное выражение лица говорили о том, что незнакомая фрейлина пребывает сейчас в полувменяемом состоянии, близком к эйфории. Графиня Роддерик посмотрела внимательней и, наконец, узнала ту, на ком Шенброк только что пообещал жениться. Эвелина едва удержалась от неуместного смеха, и, не скрывая облегчения, повернулась к Эрнесту со словами:

— Это не Кэти, Кэти Брайтон вчера вернула кольцо, Вы сами тому свидетель.

— Верно! — воскликнул изумленный герцог. — Но кто же тогда?

— Матильда! Девушка, которую Шенброк обесчестил — это камер-фрейлина Матильда Лейзон!

Глава 30

Графине Роддерик одновременно хотелось и плакать, и смеяться от радости, что беда миновала Кэтрин, и выплеснуть весь свой гнев на наглого капитана, а еще больше на герцога Берштейна, не выполнившего своего обещания. Сам же герцог устало прислонился к стене караулки, видимо, и его стальным нервам необходима была пауза, чтобы пережить внезапные перемены.

Но сильнее всех был ошеломлен случившимся капитан Шенброк. Сначала он никак не мог поверить: подскочил к счастливой Матильде, сразу же потянувшейся к нему навстречу, вгляделся в ее лицо, взвыл что-то непонятное, а потом внезапно бросился из караулки и, схватив одного из солдат, стал трясти его за грудки. Герцог немедленно вышел вслед за капитаном, сделав знак Эвелине остаться в караулке вместе с Мышильдой. Графиня почувствовала, как пропали звуки, доносящиеся снаружи, и мысленно согласилась с Эрнестом — Матильде Лейзон незначительно было слышать разговор о проступке Шенброка. А капитан, вмиг потерявший всю свою наглость, требовал ответа от подчиненного.

— Кого ты привел сюда, мерзавец?! Кому ты передал мое письмо? — Отто Шенброк буквально рычал на беднягу и с такой силой сжимал его горло, что солдат, при всем желании, не мог ничего сказать.

— Успокойтесь, капитан, и отпустите солдата, не то Вам придется отвечать еще и за убийство, — насмешливый голос герцога Берштейна, успевшего собраться с силами и вернуть контроль над ситуацией, несколько охладил разъяренного капитана. Шенброк отшвырнул от себя провинившегося и развернулся, собираясь уйти, но жесткий приказ остановил его:

— Остановитесь, капитан Шенброк! Вы совершили преступление, и сбежать от ответственности я Вам не позволю!

Повинуясь приказу герцога, солдаты взяли под арест своего же командира, и один из них, тот, кого чуть не задушил Шенброк, виновато поглядывая на первого министра, рассказал, что произошло.

Оказывается, Отто Шенброк, не дождавшись появления Кэти в старом крыле, отправил к ней одного из своих солдат с запиской.

— Ну, я прочитал, что он там пишет, наш капитан, а что такого? Интересно же, да и не запечатана бумажка была, просто свернута, — рассказчик, воодушевленный общим вниманием, сам выкладывал подробности, не дожидаясь вопросов, — А там про то, что он вчера сильно грубый с ней был, так сегодня мечтает встретиться. Умолять, значит, будет о прощении, потому как не может ее нежного личика забыть и белых кудряшек.

— Врешь, мерзавец, — в бессильной злобе крикнул Шенброк, — совсем не такие слова там были! Про золотые локоны я писал, про синие глаза...

— Ну что ж я, ученый, как Вы, господин капитан, чтобы все упомянуть? — ничуть не смутившийся рассказчик продолжал дальше. — Может там и "золотые локоны" были, да только у моей милой белые кудряшки, видно, она мне и вспомнилась. Иду на половину фрейлин, думаю, где найти ту, кого капитан описал: маленькая, худенькая, молодая совсем...А тут и она сама навстречу! Ну точь-в-точь! И маленькая, и худенькая, и молодая, и кудряшки белые!

— Идиот! — простонал Шенброк, но увлекшиеся солдаты только шикнули на командира, прервавшего интересный рассказ. Герцог Берштейн усмехнулся, глядя, с каким азартным интересом слушают вояки "любовную историю".

— Так вот, значит, дамочка идет, а я к ней. Так мол и так, наш капитан вчера вечером Вас разглядел и всю ночь не спал — так Вы ему в душу запали. А сегодня утром письмо вот Вам присылает со мной, просит извинения за вчерашнюю грубость. И о свидании очень просит, чтобы лично вымолить прощение.

Шенброк застонал, солдаты восторженно загудели, а довольный рассказчик продолжал:

— Она сначала вроде и удивилась, а потом покраснелась вся...Ну как у девиц-то бывает, когда им всякие нежности говоришь! Потом еще сомневалась чего-то, но я уж и так, и этак ее улещивал, вот она и сказала — приду! Сейчас, мол, только в зеркало на себя гляну — все ли в порядке, и бегом к капитану. Ну я, знамо дело, говорю дамочке, что таких красивых, как она, во всем свете нет, но и в зеркало глянуть лишним не будет. А пока она к зеркалу — я к капитану, сказать, что сейчас придет. А уж как она ближе подошла, да капитан ее в караулку затащил и что там промеж них было — в том я вовсе не виноват!

Слушатели согласно загудели, все, кроме капитана Шенброка и герцога Берштейна. Герцог с усмешкой взглянул на перекошенную физиономию наследника древнего рода и, как бы невзначай, заметил:

— Да, капитан, Вы перехитрили самого себя. Вы так спешили выполнить свой план, что даже не удосужились разглядеть лица девушки, прибежавшей по Вашему зову? Или были настолько взбудоражены, что не сочли нужным рассматривать ее, лишь бы поскорее задрать юбки?

Солдаты дружно заржали, но жесткий взгляд Эрнеста мгновенно оборвал их смех, а не менее жесткий голос произнес, обращаясь к капитану:

— У Вас теперь единственная надежда, что Матильда Лейзон согласится стать Вашей женой. Если же камер-фрейлина не пожелает прощать подобное оскорбление — я лично отправлю Вас под трибунал!

Возмущенно дернувшийся Шенброк, явно не горевший желанием жениться на фрейлине Лейзон, быстро притих, услышав о трибунале. Притихли и солдаты, столпившиеся у караулки. И в этой тишине особенно звонко прозвучал нежный томный голосок, проворковавший:

— Зачем же сразу трибунал, герцог Берштейн? Нельзя же так строго наказывать мужчину, не сумевшего сдержать порыв страсти?

Матильде Лейзон, уже вполне пришедшей в себя, надоело сидеть в тишине, и она вышла из караульного помещения. Неестественной красноты больше не было, лицо Мышильды, облагороженное действием маски, сияло такой свежестью и юностью, что герцог, наконец, понял, почему солдат-письмоносец посчитал камер-фрейлину "молоденькой". Эвелина, все это время приводившая Мышильду в чувство и помогавшая ей поправить одежду и прическу, осталась у входа в караулку. Графиню больше не мучали угрызения совести за невольную радость, что жертвой Шенброка оказалась не Кэтрин. Ей хотелось только одного — поскорее уйти к себе и своими глазами убедиться, что с маленькой фрейлиной все в порядке. Но пока уходить было нельзя — проступок Шенброка еще не получил должного наказания — и Эвелина терпеливо ждала развязки.

А Матильда Лейзон, с лица которой не сходило счастливое удовлетворенное выражение, подошла к Шенброку и прильнула к нему всем телом, как ластящаяся кошка. Дернувшийся было капитан тут же был перехвачен крепко державшими его солдатами, так что Шенброку невольно пришлось терпеть ласки Мышильды. Камер-фрейлина, не переставая прижиматься к "своему" капитану, повернулась к герцогу Берштейну и, почти мурлыча, заявила:

— Я прощаю этого влюбленного юношу, герцог! Он не властен был противостоять нахлынувшим чувствам. Если уж и винить кого-нибудь, то только меня саму, сумевшую так вскружить голову молодому офицеру.

Герцог непонятно хмыкнул на заявление Мышильды и со всей серьезностью уточнил:

— Госпожа Лейзон, должен ли я понимать Ваши слова, как согласие выйти замуж за капитана Отто Шенброка?

— Ну конечно, герцог, как я могу поступить иначе! — и Матильда с самой нежной улыбкой опять повернулась к Шенброку. — Я согласна, милый! Ты покорила меня своей горячей страстью, и я тоже полюбила тебя!

— Отпустите капитана, солдаты, дайте ему обнять свою невесту! — холодный насмешливый голос герцога, его жесткий взгляд и скрещенные на груди руки давали знать Шенброку, что угроза трибунала не забыта. И капитан неохотно обнял счастливую Мышильду, больше ничем не отзываясь на ее ласки. Но женщине, давно не знавшей мужского внимания, и таких холодных объятий было достаточно. Матильда влюбленно посмотрела на жениха и восторженно спросила:

— Как же ты меня разглядел вчера, ведь я была под вуалью?

Капитан неопределенно пожал плечами, но Матильда и не ждала ответа, ей достаточно было молчания, чтобы самой выговориться за двоих.

— А я-то думала, что и ты влюблен в эту глупенькую блондинку, а ты... Ты оказался настоящим мужчиной, умеющим ценить истинную женскую красоту! Но зачем ты так сразу набросился на меня? Даже не сказал ни слова о своих чувствах?

Серые глаза Мышильды сияли неподдельным счастьем, лицо ее, обычно блеклое и бесцветное, разрумянилось, а радостная улыбка окончательно изменила обычный скорбный вид камер-фрейлины. Эвелина с удивлением заметила, что Матильда Лейзон сейчас выглядит если и не красавицей, то очень хорошенькой, и восторженные перемигивания солдат были еще одним доказательством ее недолгой красоты. Даже угрюмый Шенброк поддался обаянию влюбленной счастливой женщины. Он как-то криво усмехнулся, взглянув на ту, кого держал в объятиях, и на последний вопрос соизволил ответить:

— Я слишком боялся тебя потерять, поэтому и не стал тратить время на слова.

— Вот глупый... — Матильда, радостно вздохнув, прильнула к капитану и затихла. Шенброк по-прежнему обнимал свою "невесту", но уже не с угрюмым, а с задумчивым выражением лица. Он как будто смирился с неизбежностью женитьбы и сейчас мысленно оценивал все обстоятельства, вытекающие из нового семейного положения.

Эвелина с удивлением наблюдала, как на лицах солдат расцветают довольные улыбки — подчиненные Шенброка поверили в "горячую любовь" камер-фрейлины и капитана и радовались предстоящей свадьбе. Да и как было не поверить, видя юное лицо влюбленной Матильды, сияющей от счастья. "Бедная женщина! — неожиданно для себя, с жалостью подумала графиня. — Ее искусственной молодости хватит на две недели, не больше. А потом... Но, может, не так уж мало для неприглядной Матильды — две недели чувствовать себя красивой и желанной..."

Графине Роддерик пришлось прервать размышления — стремительно разворачивающиеся события вовлекли ее в свой круговорот. Эрнест потребовал немедленного венчания, несколько солдат были отправлены в часовню, чтобы все подготовить к обряду, а Эвелине пришлось еще раз заняться прической Матильды. "Письмоносец", так удачно перепутавший адресата, принес для невесты несколько алых роз, стащив их из ближайшей вазы. Этими розами Эвелина украсила прическу Матильды, а одну приколотла к вырезу ее платья.

Еще двоих солдат герцог Берштейн отправил к полковнику Горну с требованием подготовить приказ о срочном переводе отряда Шенброка для охраны охотничьего замка, того самого, где принц Дэниэль встречал дарнийцев, а для охраны старого крыла назначить других гвардейцев. На возражения осмелевшего Шенброка, понявшего, что страшнее женитьбы ему теперь ничего не грозит, и ропот его солдат, недовольных переводом из дворца, неожиданно ответила Матильда:

— Дорогой, — сказала камер-фрейлина, обращаясь к капитану, — это будет так славно — провести медовый месяц там, где нас никто не потревожит. А вам, молодцы, я обещаю сегодня же праздничный ужин и хорошую выпивку в честь нашей свадьбы!

Ошарашенный Шенброк не нашелся с ответом, а повеселевшие солдаты закричали "ура!" его невесте. Между тем, Мышильда продолжала стремительно захватывать командование отрядом в свои цепкие ручки, так что даже герцог Берштейн сменил свой скепсис на некоторое уважение. Камер-фрейлина отправила "письмоносца" на поиски старшей камеристки и гордо потребовала от изумленной Эммы "приготовить все ее вещи, поскольку она переезжает к мужу". Далее, Матильда раздала указания солдатам по погрузке своего добра и перевозе его на новое место а, заодно, выяснила, сколько имущества имеется у ее жениха. Вспомнив о своем обещании, Матильда Лейзон предложила Шенброку отправить вестовых в замок, чтобы к их приезду успели подготовить и комнаты, и праздничный ужин, и, тут же, не дожидаясь ответа жениха, сама отдала необходимые распоряжения. Даже графине Роддерик новоиспеченная капитанша дала несколько толковых советов, кого следовало бы назначить камер-фрейлиной вместо нее. А когда Матильду Лейзон и Отто Шенброка обвенчали, Эвелина, бывшая свидетельницей на их скороспелой свадьбе, с удивлением увидела, каким спокойным и умиротворенным стало лицо камер-фрейлины. Трудно было поверить, что совсем недавно эта юная счастливая женщина глядела на всех злобной склочной мегерой.

"Как мало, оказывается, ей надо было для счастья! Всего-то знать, что она любима, пусть даже таким грубияном, как Шенброк! А может, это совсем и не мало — знать, что тебя любят?" — Эвелина, занятая своими мыслями, наблюдала, как "молодые" садятся в карету, выделенную для них по приказу герцога, как Эрнест отвел в сторону капитана — видимо, желая еще раз предупредить о том, что его проступок не скоро забудут. Шенброк рассеянно кивал, слушая герцога, а сам поглядывал на белокурую женскую головку, посылающую ему улыбки из окна кареты. Эвелина поняла, что Матильде удалось произвести впечатление на молодого мужа, но надолго ли хватит его первых чувств? На этот вопрос пока никто не мог ответить.

Наконец, отряд Шенброка отправился к дворцовым воротам, и герцог Берштейн, облегченно вздохнув, весело повернулся к графине:

— Замечательно все получилось, правда, Велли? Эта твоя Мышильда оказалась совсем не простой штучкой, уверен — она еще приберет к рукам и капитана, и всю его команду. Так что за будущее поведение Шенброка можно не волноваться!

— Можно не волноваться, вот как, Эрнест? А что тебя вообще волнует? — Эвелина вспыхнула, так возмутило ее непробиваемое спокойствие герцога. — Неужели ты так и не понял, что только чудом Кэти не попала в руки Шенброка? Что судьба и жизнь девушки могли быть погублены этим утром и лишь потому, что ты не нашел время выполнить свое обещание — перевести капитана и его отряд из старого крыла замка!

— Велли, послушай... — герцог пытался что-то сказать, но Эвелина не хотела его слушать. Разумом она понимала, как несправедлива сейчас к уставшему, измученному бесконечными делами, герцогу Берштейну, но сердце оказалось сильнее разума. И Эвелина выкрикнула в лицо Эрнеста слова, о

которых пожалела почти сразу, как только сказала:

— Как ты можешь быть так спокоен?! Юная девушка чуть не погибла из-за того, что ты не посчитал важным вступить за нее, а тебе нет до этого дела! У нас с Северином был когда-то друг, Эрнест Берштейн, но он давно умер! Его место занял герцог Берштейн, первый министр короля — черствый и бессердечный служака! Я презираю тебя, Эрнест, слышишь, презираю! И я не хочу тебя больше видеть и говорить с тобой не желаю, ты понял меня, герцог Берштейн?! Не смей ко мне подходить и заговаривать со мной первым, никогда не смей!

Стремительно бледнеющее лицо Эрнеста напугало графиню, она миглом опомнилась и готова была просить прощения за жестокие слова, высказанные сгоряча, но герцог всего лишь произнес:

— Никогда, значит?...Ну что ж... — он развернулся и пошел прочь так быстро, как только мог.

— Эрнест, прости, я не то хотела сказать... — эти слова остались неслышанными, герцог уходил слишком быстро, а графиня, расстроенная и собой, и всем произошедшим, застыла на месте. Ей очень хотелось побежать за Эрнестом, но пора было возвращаться в свои апартаменты. До начала официального приема короля Дарнии оставалось совсем немного, а Эвелина хотела прежде провести Кэти и переодеться в другое платье, более подходящее для встречи дарнийцев.

Глава 31

Графиня Роддерик нашла Кэти в отведенной ей комнате. Девушка сидела перед зеркалом, наблюдая как Линда укладывает ее локоны. Эвелина не сразу поняла, что показалось ей неправильным в этой сцене, а когда поняла — ахнула. Золотых локонов больше не было, свои чудесные волосы Кэтрин перекрасила в черный цвет!

— Кэти, глупая девчонка, зачем ты это сделала? — Эвелина была так расстроена, что не нашла в себе сил хорошенько отругать фрейлину. А Кэтрин, не поворачивая головы, чтобы не помешать Линде, ответила почти равнодушно:

— Эвелина, я ведь обещала, что он меня не узнает. Дэн будет искать в толпе фрейлин золотые локоны и не найдет. Ему придется танцевать с Александриной, а меня он и не заметит среди других девушек, ожидающих приглашения на Лунный Вальс.

— Я говорила ей, госпожа графиня, что не надо так делать, но разве меня послушают? Леди Брайтон даже прикрикнула на меня, когда я красить ее не хотела, сказала, что сама себя перекрасит. Вот я и взялась, боялась, что все лицо она в черном перепачкает, не сумеет одни только волосы выкрасить.

На горестную жалобу Линды Эвелина только кивнула, сказав, что горничная сделала все правильно. А потом поинтересовалась, где девушки вообще нашли черную краску.

— Так у Вас и нашли, госпожа графиня, — виновато ответила горничная, — в ванной, на полочках, где притирания всякие, в самом дальнем углу стояла.

Действительно, Эвелина вспомнила, что когда-то ей подарили хакардийскую черную краску для волос. И подарила Мышильда. Камер-фрейлина, изображая сочувственные вздохи, высказалась в том духе, что у брюнеток слишком рано появляется седина, и она дарит средство, которое надолго сохранит молодость и красоту "очаровательной первой фрейлины". Графиня Роддерик, мысленно возмущаясь, все же приняла подарок, и вечером долго и пристально разглядывала себя в зеркало. Не обнаружив седых волос, рассерженная графиня спрятала злосчастный флакон подальше, чтобы навсегда забыть о нем. А любопытная Кэти нашла и додумалась использовать черную краску для себя.

Упрямый взгляд Кэтрин говорил, что так оно и было, но фрейлина не считает себя виноватой. Правда, она все же пробормотала извинения, что взяла краску без спроса, но когда графиня всего лишь устало отмахнулась от нее, осмелевшая Кэти попросила разрешения переделать одно из черных платьев Эвелины. Девушка считала, что если она наденет черное, то Дэниэль точно не узнает ее на Балу. Эвелина невесело рассмеялась наивным рассуждениям молодой фрейлины.

— Глупенькая, да если ты появишься на Лунном Балу в черном платье, то привлечешь к себе столько внимания, что принц непременно догадается, кто из девушек надел траур в эту праздничную ночь.

Кэти покраснела, осознав нелепость своей затеи, потом взглянула в зеркало, упрямо тряхнула головой, и заявила:

— Зато с черным цветом волос он меня точно не узнает, даже не подумает, что это могу быть я, так и пройдет мимо...

Синие глаза наполнились слезами, но Эвелина не бросилась утешать подругу. У нее у самой было очень тяжело сейчас на душе, однако время шло, пора переодеваться — в малом тронном зале скоро начнется еще один прием. Так что графиня Роддерик, отбросив в сторону мешающие мысли, сменила платье на более открытое, попросила Линду поправить ей прическу, и постаралась вернуть себе обычный деловой настрой.

Получалось у Эвелины плохо — она постоянно вспоминала свои жестокие слова и резко побледневшее лицо Эрнеста, когда он их услышал. В попытках отвлечься от грустных мыслей, графиня Роддерик приказала девушкам отправиться в старое крыло, на помощь Эмме. На непрозвучавший вопрос Кэти, Эвелина почти весело сказала:

— Шенброка можешь больше не опасаться. Он в срочном порядке женился и с молодой женой выехал из дворца на новое место службы.

— А на ком? — синие глаза фрейлины стали огромными от удивления.

"А ведь черный цвет волос совсем не портит ее, — отметила графиня. — Кэтрин выглядит сейчас более взрослой, но синие глаза стали, как будто, ярче, да и весь ее облик обрел новые краски. Из юной девушки, почти девочки, Кэти преобразилась в молодую женщину, у которой есть характер,

причем характер немалой силы."

Но вслух Эвелина ничего подобного не произнесла, она всего лишь ответила на заданный вопрос:

— На Мышильде, капитан Шенброк только что женился на нашей камер-фрейлине Мышильде, — графиня невольно рассмеялась, увидев, что глаза фрейлины стали еще больше.

Но объяснять Эвелина больше ничего не стала, сказав, что все новости им и так перескажут в старом крыле. Сама же графиня быстро, почти бегом, отправилась в малый тронный зал, где уже собирались придворные для официальной встречи дарнийского короля Леонардо и его дочери, принцессы Александрины.

До появления Его

Величества короля Дарнии Эвелина успела наскоро ответить на вопросы Амелии, узнавшей о неожиданной свадьбе и отъезде Мышильды, и согласовала с королевой подходящую кандидатуру на роль камер-фрейлины. Графиня Роддерик даже испытала некоторое мстительное удовольствие, когда увидела, как вытянулось лицо Амелии при имени мужа Мышильды. На недоуменный вопрос королевы:

— А как же?.. — Эвелина всего лишь пожала плечами. Она прекрасно поняла, что Амелию расстроило крушение планов по замужеству Кэтрин, но не склонна была разделять огорчение Ее Величества. Да и время пришло прекратить разговоры — двери зала торжественно распахнулись, и придворные замерли в поклонах, приветствуя короля и принцессу Дарнии. Принц Дэниэль вошел с дарнийской свитой, но почти сразу отделился от гостей, пройдя к установленному для него трону за спинами склонившихся придворных. Эвелине показалось, что Дэн выглядит уставшим и невыспавшимся, но уже через пару минут, когда дарнийские король и принцесса заняли места рядом с армийскими Величествами, лицо Дэниэля преобразилось, словно и не было на нем измученного выражения. Принц весело разговаривал с Александриной, сидевшей рядом с ним, улыбался, шутил, и глядя на него, королева Амелия тоже расцвела в улыбке, мигом позабыв о маленькой фрейлине.

Короля Дарнии и его свиту в Армании встретили далеко не так помпезно, как хакардийцев. Август и Леонардо приятельствовали с молодости, так что и семейные праздники, и торжественные даты всегда были для них отличным поводом навестить друг друга. Королева Амелия, после ранней смерти супруги Леонардо, стала для осиротевшей принцессы близкой подругой и советчицей. Что касается придворных обоих государств — они давно уже перезнакомились, так что дарнийская свита быстро рассеялась среди армийцев, отвечая на приветствия и обмениваясь свежими сплетнями.

Графиня Роддерик, как и в прошлый раз, заняла место рядом с тронном королевы, следуя требованиям официального протокола. С возвышения, на котором она стояла, Эвелина легко могла видеть всех присутствовавших. Графиня отмечала про себя, как непринужденно встретились два короля, словно подчеркивая свои теплые отношения; Август спустился вниз и подошел к Леонардо уже в центре зала, а потом Их Величества вместе поднялись по ступенькам и также одновременно, как поднялись, устроились на тронах.

"А трон для Леонардо, и вправду, другой поставили, не тот, что утром был у Шамиршана," — Эвелина нарочно цеплялась взглядом и мыслью за каждую мелочь, стараясь не думать о мужчине в жемчужно-сером костюме и о том, что он совсем не смотрит на нее. Даже если его взгляд и обращается в сторону графини, то так холодно скользит мимо, словно она его совсем не интересуется.

И графиня Роддерик, в свою очередь, упрямо старалась не видеть его, не думать о мужчине, стоявшем рядом с королем Августом. Графиня внимательно рассматривала Александрину, отмечая про себя, как хорошо выглядит принцесса в синем платье с серебряной отделкой. Принцесса Александрина — высокая красивая шатенка с голубыми глазами — казалась холодной и неприступной, как Ледяная Королева, пока на ее лице не появлялась улыбка. Смеющиеся глаза и ямочки на щеках превращали строгую красавицу в очаровательную милую девушку, которой любой из мужчин готов был вручить свое сердце, такой представлялась она Эвелине.

Графиня смотрела на Дэниэля, сидевшего рядом с Александриной, наблюдала, как весело смеется принцесса над его шутками, и почти поверила, что Дэн забыл свою Кэти. Но один, всего лишь один взгляд принца — вопрошающий, тревожный — брошенный на Эвелину, все вернул на свои места. Дэниэль ничего не забыл, да и не мог забыть! Он помнил, он волновался и спрашивал взглядом, что с его любимой, как она сейчас, без него? Эвелина молча прикрыла глаза и ободряюще улыбнулась, давая понять, что все в порядке, Кэти пережила ночь разлуки, она любит и ждет. Мимолетная счастливая улыбка принца, обращенная к первой фрейлине, и он опять наклонился к Александрине, рассказывая ей что-то веселое, и очаровательные ямочки в который раз появились на лице смеющейся принцессы. А сине-серые глаза на один только краткий миг в упор посмотрели на первую фрейлину, и ей почудилась понимающая усмешка в грозном взгляде герцога. Но нет, всего

через пару мгновений взгляд Эрнеста вновь равнодушно скользнул мимо, и Эвелина в который раз пыталась думать о ком угодно, но только не о нем, не о том человеке, которого она так несправедливо обидела сегодня.

Графиня Роддерик перевела взгляд на Эвальда, первого министра Дарнии, записанного молвой в любовники Александрины. Высокий, худощавый, русоволосый, — в общих чертах Эвальд выглядел почти как его арманийский коллега, герцог Берштейн. Разве что у дарнийца волосы светлее, да и в глазах нет такой грозовой синевы... Он стоял рядом со своим королем Леонардо, точно также, как и Эрнест, его собрат по должности, рядом с королем Августом. Оба первых министра вежливо улыбались монархам и друг другу, между собой общались вполне доброжелательно, но глаза у них оставались холодными и напряженными. По крайней мере, глаза одного из них... Сине-серые глаза, которые совсем не хотели замечать присутствия Эвелины...

— Графиня Роддерик, Вы проводите Ее Высочество в отведенные ей покои? — вопрос прозвучал настолько неожиданно для первой фрейлины, целиком ушедшей в свои грустные мысли, что она вздрогнула. Но увидев недоумевающий взгляд королевы Амелии, привычно улыбнулась и ответила, как и должна была ответить:

— Конечно, Ваше Величество. К приему принцессы Александрины и ее свиты все готово.

— Вот и прекрасно, Эвелина, — Амелия удовлетворенно кивнула, — так проводите принцессу, чтобы она могла отдохнуть с дороги и подготовиться к Балу.

Графиня Роддерик только сейчас поняла., что прием уже закончен, Их Величества Август и Леонардо как раз уходили, прихватив с собой и Дэниэля, а королева Амелия занимала беседой Александрину, ожидая, пока ее первая фрейлина вспомнит о своих обязанностях. Но не дождалась и напомнила ей сама.

— Ваше Величество... — графиня Роддерик склонилась в реверансе перед своей королевой, получила от нее милостивый кивок и повернулась к принцессе и ее свите, — Ваше Высочество, дамы, прошу вас следовать за мной!

Эвелина шла во главе свиты дарнийской принцессы и стайки арманийских фрейлин, что-то отвечала на вопросы Александрины, а сама все время искала взглядом знакомую мужскую фигуру в жемчужно-сером костюме. Она почти потеряла надежду увидеть Эрнеста сейчас, полагая, что первый министр последовал за своим королем, как вдруг заметила его силуэт в одном из боковых коридоров. Графиня Роддерик больше не думала, как воспримут ее поступки дворцовые сплетницы, она точно знала одно — нельзя затягивать их разрыв, нельзя допустить, чтобы Эрнест слишком долго носил в сердце боль от жестоких, запальчивых слов. Графиня резко остановилась, не оставляя себе времени для сомнений, и весело произнесла:

— Ваше Высочество, дамы, хочу представить вам новую камер-фрейлину Клози Эдъен! Клози, проведите Ее Высочество в отведенные ей покои и распорядитесь, чтобы у принцессы Дарнии и ее свиты было все необходимое! Ваше Высочество, дамы, оставляю вас в надежных руках новой камер-фрейлины и прошу меня извинить — вынуждена срочно уйти, возник вопрос, который не терпит отлагательств!

Отметив краем глаза удивленное лицо Александрины, искреннее изумление Клози и шокированный вид фрейлин — своих и дарнийских — Эвелина развернулась и почти бегом направилась в коридор, где заметила Эрнеста, от всей души надеясь, что он еще не ушел. Она с радостью увидела, что так оно и есть — герцог задержался, он сейчас пристально смотрит в окно, то ли обдумывая что-то, то ли кого-то ожидая. Эвелина стремглав бежала к нему, сердце билось так сильно, что она задыхалась, не имея возможности крикнуть, произнести хоть слово. Но Эрнест услышал ее быстрые шаги. Он резко обернулся и посмотрел на бегущую Эвелину сначала восторженно, а потом, почти сразу, недоверчиво и строго. У графини сжалось сердце от боли, и она поспешила улыбнуться, надеясь растопить строгий лед сине-серых глаз... Но когда запыхавшаяся графиня была уже почти рядом с Эрнестом, знакомая маленькая круглая фигура ухватила ее за руку и голосом Барти произнесла:

— Так вот Вы где, графиня Роддерик! Просто замечательно, что мы Вас так быстро нашли! — Эвелина смотрела на мага почти с отчаяньем — так он не вовремя появился в этот раз. Но еще одна мужская фигура рядом с Бартоломью — мощная и высокая — не позволила графине отмахнуться или перенести встречу. Разговор с Айвеном был важен. очень важен! И Эвелина, с трудом отдышавшись, произнесла:

— Я тоже рада, что вы нашли меня, Барти. Идемте куда-нибудь, где мы сможем поговорить.

Они отправились в сторону, туда, где были небольшие кабинеты, специально устроенные для переговоров с гостями дворца. Айвен внимательно посмотрев на Эвелину, уточнил:

— Графиня, но Вы, кажется, спешили куда-то? Может быть, мы не вовремя?

— Да, Айвен, но это не имеет значения сейчас, встреча с вами гораздо важнее для меня.

С тоской в сердце графиня услышала за спиной отчаянный короткий вскрик, звук удара, как будто крепкий мужской кулак с силой стукнул по стене, и быстро удаляющиеся шаги. Эвелина опустила голову, пряча подступившие слезы, а низенький Барти оглянулся назад и, зорко глянув в глаза графини, спросил:

— Что-то случилось? Сдается мне, что в коридоре Вас ждал первый министр герцог Берштейн, а мы помешали встрече.

— Если он и ждал кого-то, то не меня, — горько вздохнув, ответила Эвелина. Но тут же взяла себя в руки и преувеличенно бодрым голосом заявила: — Довольно, обо мне, Барти! Вот подходящий кабинет, и он как раз пустует, так давайте здесь и устроимся! Я горю нетерпением узнать о результатах Ваших поисков!

Бартоломью как-то неопределенно хмыкнул, входя в предложенное помещение и тут же запустил проверку на предмет магических прослушек. Айвен, и так не очень-то радостный, после слов Эвелины совсем нахмурился, словно ему предстояло сообщить что-то неприятное, и графиня невольно насторожилась, готовя себя к худшим из возможных новостей — бастардов графа д'Жене не нашли, а значит, несчастная Эльзи останется под воздействием кольца повиновения на неопределенно долгое время.

Когда Бартоломью покончил с проверкой и установил мощную защитную завесу, а потом удобно устроился в одном из кресел, графиня Роддерик поняла, что можно спрашивать.

— Так Вам удалось что-то выяснить? — обратилась Эвелина к обоим мужчинам сразу. — Есть надежда найти хотя бы одного бастарда д'Жене?

— О, дорогая графиня! — круглое лицо Барти сияло лучезарной улыбкой, но глаза оставались серьезными. — У нас есть больше, чем надежда! У нас есть тот, кто нам нужен — бастард коварного графа!

— Да что Вы?! — Эвелина радостно всплеснула руками. — И где же он сейчас? Здесь, в Арме? Вы успели переговорить с ним?

На этот вопрос графини ответил Айвен. Менестрель был угрюм и задумчив с самого начала разговора, а сейчас вдруг невесело улыбнулся и просто сказал:

— Бастард графа д'Жене не просто в Арме, Ваша Светлость, он в королевском дворце. И сейчас сидит перед Вами.

— Как, Айвен?! — теперь уже в возгласе Эвелины была не радость, а испуг и сожаление. — Так все-таки Вы...

— Да, графиня Роддерик, — Лунный Бродяга собрался с духом и гордо поднял голову, — я, Айвен Линнель, на самом деле не законный сын купца Трейда Линнеля, а незаконнорожденный бастард графа д'Жене. Матушка все рассказала мне этой ночью...

В голосе Айвена, когда он упомянул о матери, прозвучали такая нежность и уважение, что Эвелина почувствовала радость за неизвестную ей женщину, сумевшую вырастить достойного сына.

Айвен говорил немного и не очень охотно. Он сказал, что вчера вечером, оставшись наедине с матерью, спросил ее о графе д'Жене. И очень удивился, увидев свою спокойную добрую матушку разгневанной. Сюзанна Линнель поначалу категорически отказалась говорить о графе. Но когда сын рассказал историю своей любви и стал умолять помочь несчастной девушке, очарованной артефактом графа, мягкое материнское сердце сдалось. Айвен узнал, что его мать, Сюзанна Линнель, родилась на юге, в семье обедневших мелких дворян, живших по соседству с владениями графа д'Жене. И однажды блистательный сосед обратил внимание на юную красавицу — Сюзанна заинтересовала графа, но не настолько, чтобы он женился на незнатной бесприданнице.

— Матушка думает, что и на нее этот подлец воздействовал с помощью артефакта. Она помнит, как граф преподнес ей в подарок странное невзрачное колечко и просил хотя бы примерить. Матушка была очень молода и неопытна, она боялась вызвать гнев богатого соседа своим отказом... — Айвен опустил голову, но тут же гневно вскинул ее и, сверкнув глазами, заявил. — Я сам придушу этого мерзавца, за то что он проделал с моей матерью и, я уверен, еще не с одной девушкой!

Из сбивчивого пересказа Айвеном слов Сюзанны Линнель, стало понятно, что девушка совсем не помнила, что с ней происходило, с тех пор, как на ее пальце появился злосчастный артефакт. Сюзанна пришла в себя в постели графа д'Жене, когда он изволил снять с нее колечко, и с ужасом узнала, что уже месяц является любовницей графа. Д'Жене с насмешкой сообщил девушке, что не

скрывал их отношений, и ее родители поспешили отречься от "падшей дочери". Так что для Сюзанны есть только один выход — оставаться его любовницей уже по своей воле, а не под действием кольца. Граф расстанется с ней, когда посчитает нужным, но обещает оставить бывшей любовнице достаточно средств, чтобы она жила безбедно. Плачущая девушка прокланала графа, но ему были смешны ее угрозы и быстро наскучили женские слезы. Д'Жене оставил Сюзанну одну на несколько дней, и девушке удалось сбежать из замка. Сюзанна вернулась домой, но ее встретили презрением, не пожелав даже выслушать. Тогда девушка в отчаянии отправилась в путь, не очень сознавая, куда идет, мечтая лишь об одном — поскорее покинуть родные места, где ее могли поймать и вернуть в замок д'Жене.

На счастье Сюзанны, она встретила торговый караван, который вел молодой купец Трейд Линнель. Он ни о чем не расспрашивал одинокую путницу, просто предложил ей ехать с ними до Арма, и девушка согласилась. Трейд лично следил, чтобы Сюзанну приглашали за общий стол, как бы невзначай обеспечил ее сменной одеждой и купил хорошую крепкую обувь. А когда пришла весть, что девушку, похожую на Сюзанну, разыскивают по всем дорогам люди графа, Линнель, недолго думая, предложил почти незнакомой путнице стать его женой. Положение законной жены богатого купца как нельзя лучше обеспечивало защиту для одинокой девушки, и Сюзанна согласилась. Так что посланникам д'Жене пришлось вернуться ни с чем — верные слуги не выдали молодую жену своего хозяина. А когда выяснилось, что Сюзанна беременна, Трейд сказал, что приняв ее в жены, примет и ее ребенка, как своего.

Эвелина слушала Айвена, ужасаясь подлости графа и восхищаясь благородством молодого купца. Продолжение истории Линнелей она уже знала от Сесиль Лилле, и вполне представляла, что пришлось пережить молодому купцу, когда он противостоял семье и защищал жену, прекрасно зная, что она носит чужого ребенка.

Графиня Роддерик не заметила, как умолк Айвен, настолько далеко завели ее собственные мысли. Негромкое покашливание Бартоломью вывело Эвелину из раздумий, и она весело воскликнула:

— Так что же у нас получается? Маркиза д'Анжу почти свободна, не так ли? Осталось только подтвердить родство Айвена и Огюста д'Жене и...

— Нет, Ваша Светлость, — вежливо, но очень твердо произнес менестрель, — я не пойду на этот шаг, от меня никто и никогда не узнает тайну моего происхождения.

— Но почему, Айвен? — ахнула Эвелина, уже догадываясь, каким будет ответ. — Подумайте, Вам перейдет не только титул, но и земли, родовой замок, все богатства графа д'Жене...

— Чего они стоят, эти богатства, если за ними прячется подлость и низость? — Лунный Бродяга произнес эти слова с таким презрением, что графиня невольно смутилась своему предложению. — Мой настоящий отец — Трейд Линнель, тот кто признал меня и воспитал, тот кто пошел против семьи ради моей матушки и меня самого. И семья Линнелей — давно моя семья, может, я не самый послушный сын, но я никогда не забывал их, как и они помнили обо мне. Я не принесу в дом Линнелей новое горе, не позволю марать имя моей матушки, позорить моего названного отца. Пусть остается все, как есть, Ваша Светлость, я надеюсь на Ваше молчание.

Эвелина, не раздумывая, кивнула в знак согласия, но сомнения терзали ее:

— А как же Эльзи, Айвен? Прими Вы родовое имя, и маркиза освободится от злых чар, вы вместе будете танцевать Лунный Вальс, а после появления Лунного Цветка — благословения Трех Лун — маркиз д'Анжу не посмеет противиться вашему браку.

— Матушка, когда узнала, кого я люблю, сказала мне то же самое, — Айвен улыбнулся, лицо его посветлело, когда он вспомнил вчерашний материнский наказ, — но я не хочу обнародовать ее тайну, хоть и получил от нее разрешение.

— Айвен совершенно прав, — до сих пор молчавший Бартоломью тоже включился в разговор, — даже в дворянских кругах с презрением посмотрели бы на женщину, родившую внебрачного ребенка. Конечно, титул графа, полученный внебрачным сыном, заткнет многие бойкие языки. Но среди купцов... Дорогая графиня, купеческое общество намного консервативней дворянского, здесь сохранились очень строгие понятия о чести. И если тайна Сюзанны Линнель будет известна...

Бартоломью покачал головой, словно в раздумьи, но Айвен, решительно рубанув рукой воздух, твердо сказал:

— Она не будет известна! Даже мой отец, Трейд Линнель никогда не узнает, что матушка открыла мне тайну моего рождения. и от вас, господа, я ожидаю молчания.

— Я уже дал Вам слово, Айвен, — спокойно ответил маг. Эвелина тоже подтвердила свое обещание молчать и тут же спросила Айвена, почему он решил рассказать ей свою историю.

— Мы доверяем Вам, Эвелина. — ответил за Айвена Бартоломью. — И нам нужна Ваша помощь.

— Какая же? — графиня Роддерик заинтересованно подалась вперед, чем вызвала улыбки на лицах мужчин, умиленных ее готовностью немедленно броситься в бой.

— Эльзи будет на Лунном Балу, но ее отец, маркиз д'Анжу, может и не позволить девушке встать среди ожидающих приглашения на Лунный Вальс, — спокойно объяснил Айвен. — И мы очень надеемся на Ваше влияние, графиня Роддерик, на то, что Вы сумеете увести юную маркизу из-под отцовской опеки.

— Сделаю все, что смогу, — серьезно кивнула головой Эвелина, — думаю, что получится. Если моего слова будет мало для маркиза — подключу королеву Амелию. Вряд ли д'Анжу захочет объяснять Ее Величеству, почему не пускает дочь в круг танцующих. Но как вы надеетесь пригласить Эльзи, если она будет под влиянием кольца?

— Ну... есть надежда, — неохотно ответил Барт, — очень слабая, но есть. Возможно, юная маркиза увидит воочию нашего менестреля, и чары ослабеют.

— Я почти уверен в этом, — воодушевленно заявил Айвен. — Но даже если Эльзи не придет в себя на Балу, она все равно пробудится, надо только подождать...

— Но д'Анжу?! Маркиз со своим высокомерием не позволит дочери выйти замуж за купца!

— Конечно, конечно, — Бартоломью говорил немного рассеянно, явно думая еще о чем-то, кроме темы разговора, — маркиз будет против, но и у нас есть средства убедить его стать поговорчивей. Анри д'Анжу не так невинен, как пытается представить, он прекрасно понимал, какое колечко Эльзи наденет на пальчик и чем ей это грозит. Но перспектива родства с графом д'Жене, да еще и долги, и некоторые авантюры предприимчивого маркиза...Словом, у Сыска есть к нему вопросы, и вряд ли маркиз сумеет на них вразумительно ответить.

— А если и этот вариант не пройдет — я просто украду свою Эльзи и женюсь на ней тайно, не ожидая, пока папаша найдет еще одного старого графа в женихи, — Айвен говорил как будто в шутку, но Эвелина сразу поверила, что он так и сделает, если не найдет другого выхода. А менестрель продолжал в том же полшутливом тоне: — Вы ведь поможете мне в этом рискованном предприятии, друзья мои, не оставите Лунного Бродягу одного против коварного маркиза, строящего козни влюбленным?

— Конечно! — графиня Роддерик отвечала не менее весело. — Я с Вами, Айвен, и готова стать подружкой Вашей невесты, как только понадобится!

— Отлично! — веселый менестрель поцеловал Эвелине руку и обратился к магу. — А Вы, Бартоломью, почему молчите? Вы с нами?

На задумчивом лице толстяка Барт расцвела широчайшая улыбка, и он также весело, как и Айвен, воскликнул:

— Куда я теперь денусь, если увяз в ваших делишках по самые уши! Конечно, я с вами, но у меня одно условие — девушку мы похищаем где угодно, но только не в Арме!

— Почему? — удивленные Айвен и Эвелина спросили хором и немедленно получили ответ.

— Потому что в Арме я — сыщик! Вы что, хотите, чтобы я вас нашел? А вот в других краях...Вот там я с удовольствием поучаствую в нашей аванюре!

Все рассмеялись такому прагматичному подходу мага, и твердо обещали ему, что в Арме ничего противозаконного предпринимать не станут.

— Ну что ж, отлично, — повеселевший Айвен поднялся, собираясь уходить, — мне осталось только выполнить поручение бабушки — навестить Корнелиса, чтобы потом доложить ей, как он устроился во дворце.

— Он, скорее всего, в Часовой башне, идемте, я провожу вас туда, — Эвелина поднялась с места, и мужчины дружно пошли за ней. Айвен — навестить младшего брата, а Бартоломью Форбенкс просто "за компанию". До начала Бала во дворце ему делать было нечего, а возвращаться в Арм маг не видел смысла.

Глава 32

Графиня Роддерик провела мужчин к самому близкому выходу на Часовую башню. Там почти безвылазно, днем и ночью, наблюдал за небесными светилами главный астроном и звездочет Армании Бертоньо Лорри, и младший брат Айвена, ставший учеником астронома, вряд ли мог находиться где-то еще.

— Смотрите, — Эвелина подошла к окну, — вот она, башня Бертоньо, совсем рядом.

Мужчины подошли к графине — за окном, недалеко от главного здания дворца, гордо возвышалась одиноко стоящая башня. Круглая покатая крыша была усеяна приборами, поблескивающими на солнце, массивные старинные часы — самые точные во всей Армании — неспешно передвигали стрелки. Часовая башня выглядела последней оставшейся твердыней давным-давно покинутого замка, казалось люди не входили сюда очень много лет, такая пустынная тишина была вокруг.

Как вдруг открылась полукруглая массивная дверь, почти незаметная за плющом, окутавшим стены. Из двери выскочил встрепанный испуганный парнишка. Его вихры, цвета соломы, стояли дыбом, а сам он растерянно озирался по сторонам, как будто соображая, куда бежать.

— Да это же Корнелис! — воскликнул Айвен. Менестрель немедленно распахнул окно и громко крикнул брату: — Корнелис, что случилось?

Парнишка дернулся, не понимая откуда его зовут, но быстро догадался посмотреть наверх и очень обрадовался, увидев Айвена. Младший Линнель хотел что-то сказать, но тут же зажал себе рот обеими руками, словно боясь проговориться. Айвен никак не мог взять в толк, что случилось, а Корнелис уже махал руками, призывая спуститься к нему. Встревоженная Эвелина первой побежала к выходу, мужчины бросились за ней.

Как только вся компания появилась из дворцовых дверей, Корнелис быстро подскочил к брату, схватил его за рукав и, задыхаясь от волнения, выпалил:

— Айвен, как хорошо, что ты здесь! А то я совсем пропал, не знаю, что теперь делать!

— Что стряслось, Корни? — старший брат обнял младшего за плечи, заряжая своим уверенным спокойствием, и тот, покаянно вздохнув, признался:

— Я не уверен, но кажется... Кажется, я только что убил первого министра Армании...

Эвелина жалобно крикнула, голова у нее закружилась и графиня, наверно, упала бы в обморок, если бы не Бартоломью. Толстячок маг не только вовремя оказался рядом, чтобы придержать даму, он тут же выудил из кармана и дал ей вдохнуть очередное вонючее средство. Резкий запах помог Эвелине преодолеть внезапную слабость, но времени окончательно прийти в себя Барту ей не дал. Как только он понял, что графиня Роддерик вновь способна самостоятельно устоять на ногах, Форбенкс ворчливо заявил:

— Слишком много женских обмороков сегодня, Эвелина, вот что я Вам скажу! Давайте-ка, дорогая моя, соберитесь с силами, нам надо пойти посмотреть, что произошло на самом деле. Какая глупость — брать на веру слова бестолкового мальчишки!

Эвелина немедленно согласилась — конечно, ей надо самой увидеть Эрнеста, понять, что с ним, в каком он состоянии — и со всех ног полетела вперед. Толстяк Бартоломью только фыркал возмущенно, не успевая за ней.

Когда графиня Роддерик и магистр Форбенкс вошли в Часовую башню, внизу никого уже не было — Айвен и Корнелис успели подняться, сверху доносились их возбужденные голоса. Графиня бросилась к узкой винтовой лестнице, собираясь бежать по ступенькам, но ее остановил негодующий возглас:

— Подниматься по такой крутой лестнице и так высоко? Ну уж нет, кто угодно, но только не я!

Изумленная Эвелина увидела, как кругленький Барту с самым важным видом легко устраивается на перилах, идущих вдоль стены, а потом начинает неспешно скользить по ним вверх! Пока графиня приходила в себя от лицемерия магических фокусов, Бартоломью Форбенкс благополучно скрылся из вида, поднимаясь все выше и выше. Только тогда Эвелина опомнилась и, как могла быстро, побежала по крутым ступенькам. Она вихрем влетела в небольшое помещение, что находилось перед часовым механизмом. Там уже собрались все ее спутники, и растерянный Корнелис, и огорченный Бертоньо — старый седой астроном, всю жизнь посвятивший изучению звезд. Но главное, в небольшой комнате, на скамье у стены неподвижно лежал Эрнест! Сине-серые глаза были закрыты, лицо — белое, как снег, русые пряди волос потемнели от крови. Но он был жив! Эвелина почувствовала его дыхание, даже негромкий разговор мужчин не помешал ей понять, что

Эрнест дышит!

Графиня Роддерик не могла сразу подойти к герцогу — его осматривал Бартоломью, и Эвелина, скрывая свою тревогу и нетерпение, молча дожидалась заключения мага. Наконец, Барты выпрямился, чуть насмешливо посмотрел на Корнелиса, вцепившегося в рукав старшего брата, и с обычной своей добродушной улыбкой сказал:

— Поздравляю Вас, молодой человек! Такого начала карьеры при дворе не было еще ни у одного придворного, так что, полагаю, Вас ждет блестящее будущее!

Айвен благодарно улыбнулся шутке, а Корнелис поспешил уточнить:

— Так что с ним? Он не умрет?

Эвелина почувствовала, как замерло сердце, в ожидании ответа. Она напряженно сжала руки и вся подалась к Барты, одним своим видом, без лишних слов спрашивая о том же, о чем только что спросил Корнелис. И старший дознаватель Сыска, уже вполне серьезно, объяснил, что герцог Берштейн получил сильный удар по голове, но не смертельный.

— Ему надо всего лишь отдохнуть пару-тройку дней, а там и танцевать сможет! — весело добавил Барты, вернувшись к обычному своему шутливому тону.

— Как пару дней? — огорченно воскликнула Эвелина. — А как же Бал? Герцог Берштейн не сможет танцевать на Балу сегодня ночью?

— Однако, графиня! — Бартоломью искренне был удивлен. — Не много ли Вы хотите? Минуту назад боялись, что герцог не выживет, а сейчас Вас расстраивает, что его не будет на Балу? Нет уж, дорогая моя, балов в его жизни будет еще много, а здоровье после такого удара сразу не поправишь. Любой целитель подтвердит Вам мою правоту, дорогая графиня! Хотя... В данной ситуации, я думаю, приглашать целителя со стороны было бы весьма неосторожно.

Королевский сыщик Форбенкс цепким взглядом обвел всю компанию и остановился на Корнелисе.

— Ну-с, молодой человек, извольте-ка рассказать, с чего это Вы надумали бить по голове первого министра Армании?

— Так я же тогда не знал, кто он... — смутившийся Корнелис опустил голову, а его наставник поспешил подтвердить, что "юноша только принят в ученики и пока почти никого во дворце не знает".

— Хорошо, — Бартоломью опять мило улыбнулся, превращаясь в добродушного толстяка, — тогда я спрошу по-другому. С чего это Вы ударили по голове совершенно незнакомого Вам человека?

— У нас самые точные часы во всей Армании! — запальчиво крикнул парень. — Наставник говорил, что даже пылинки, попавшая в их механизм, может дать сбой. Самый маленький, незаметный для людей, но движение звезд и планет будет записано неверно, и в расчетах будущего появятся погрешности. А этот ваш...первый министр...Он забрался сюда, к самому механизму, и хотел что-то сделать с ним!

— Вы уверены в своих словах? — строгий взгляд Бартоломью и сожалеющий вздох старого звездочета немного охладили пыл Корнелиса.

Он опять смутился своему порыву и виновато пояснил:

— Если бы я знал тогда, что он первый министр... А то стоит какой-то мужчина, совсем рядом с наиточнейшим механизмом, к которому и подходить слишком близко нельзя! А он магичить собирался, это я сразу понял. Ну вот я и ударил со всей силы, пока он не натворил бед... У меня тогда в руках труба от телескопа была...

Эвелина, давно уже сидевшая рядом с раненым, негодовала, слушая признание Корнелиса: "Да как он мог даже подумать, что Эрнест замышляет что-то плохое?!" А вот Форбенкса заинтересовали слова о том, что герцог "собирался магичить". Он дотошно расспросил Корнелиса и Айвена, выяснил, что у младшего Линнеля есть небольшие способности, что парень успел изучить основы магии, пока полностью не переключился на астрономию. Бартоломью еще раз подошел к Эрнесту, так и лежавшему без сознания, вежливо попросил графиню Роддерик отодвинуться и бесцеремонно залез в карманы герцога. Возмущению Эвелины не было предела:

— Барты, как Вы можете?!..

— Тише, тише, графиня, — Бартоломью успокаивающе положил руку ей на плечо. — Не нужно так шуметь рядом с раненым. Кровь я остановил, дал герцогу средство, восстанавливающее силы. Но

ему необходим покой, полный покой, иначе я ни за что не ручаюсь!

Эвелина послушно умолкла, лишь глаза сердито сверкали. А Барти уже разворачивал бумагу, найденную в кармане герцога.

— Так, интересно, что же мы имеем? — задумчиво спросил он сам себя.

Неожиданно ответил звездочет Бертоньо. Он тоже подошел взглянуть на листок и почти восхищенно произнес:

— Да это же заклинание полной тьмы! Смотрите-ка, оно до сих пор в ходу!

— А Вам откуда известно это заклинание, уважаемый господин Лорри? — вкрадчивый мягкий голос Барти словно призывал доверить магу все свои тайны, но Бертоньо Лорри и не думал ничего скрывать.

Старый астроном с гордостью рассказал, что когда-то давно, будучи студентом Магической Академии, изобрел заклинание "Полной тьмы на полчаса", а после выпуска оставил его следующим поколениям студентов. Как можно понять из названия, заклинание действовало всего полчаса, но зато темноту, окутавшую место, где его произнесли, нельзя было рассеять никакой другой магией. Ушлые студенты использовали полчаса темноты, чтобы пробраться туда, где им не полагалось быть или, наоборот, благополучно скрыться. Со времени учебы Бертоньо прошло так много лет, что он не сразу вспомнил, как давно это было. Старый астроном был очень доволен и польщен, увидев, что его заклинание до сих пор в ходу.

— Вы посмотрите, как талантливо он его дополнил! — восторженно объяснял магистр Лорри. — Герцог привязал к моему заклинанию временные радианты и сделал его отсроченным по времени!

— А что это значит?

— Это значит, что заклинание можно запустить хоть сейчас, но действовать оно начнет в указанное время! Теперь я понимаю, зачем ему понадобилось так близко подобраться к часам, — в его варианте заклинание запускается, когда стрелки башенных часов подойдут к назначенному времени! А время он назначил... — Бертоньо с удивлением смотрел на листок, что-то высчитал в уме. — Весьма странно, но время указано так, чтобы полная тьма началась незадолго до слияния Трех Лун и скрыла их свет на целых пять минут! Причем радиус действия скроет слияние Трех Лун от всех, кто будет находиться во дворце!

— Но зачем?! — этот возглас вырвался из уст Эвелины, но ответить ей никто не мог, кроме герцога. А от него сейчас не было смысла ждать объяснений.

— Я знаю зачем! — неожиданно со стороны лестницы раздался знакомый неприятный голос. Удивленный мужчины расступились, открывая дорогу толстому черноволосому хакардийцу, который вбежал в комнату и тут же начал всех обвинять: — Это заговор! Заговор против моего повелителя Шамиршана! Его хотели убить в темноте!

— Успокойтесь, господин Рашмин, — графиня Роддерик досадливо поморщилась от высоких режущих тонов неприятного голоса, — Герцог Берштейн всего лишь хотел устроить особое развлечение для гостей Бала — показать появление Трех Лун на совершенно темном небе.

— Откуда Вы можете знать? — черные глаза Рашмина перебежали с одного лица на другое, ни на ком не останавливаясь надолго. — Откуда вы можете знать его планы? Я давно здесь, я все слышал! Это заговор, и я немедленно доложу своему повелителю, что здесь, в Армании, его хотят убить!

— Господин Рашмин, неужели я имею честь говорить с Вами — мудрейшим из послов Хакардии, которые когда-либо появлялись в Арме? — мягкий голос Бартоломью буквально обволакивал, убеждая успокоиться, и хакардиец сначала затих, а потом важно приосанился, соглашаясь с неприкрытой лестью, и заговорил уже совсем другим тоном:

— Вы угадали, уважаемый, я и есть Рашмин. А кто Вы, так хорошо знающий обо мне?

— О, я о многих знаю, господин Рашмин, — весело ответил ему собеседник, — я старший дознаватель Королевского Сыска, маг высшей квалификации Бартоломью Форбенкс. К Вашим услугам, господин посол.

Мужчины раскланялись друг с другом, и Барти продолжил свои обволакивающие речи. Все остальные умолкли и лишь чуть улыбались про себя, слушая, как маг убеждает хакардийца, что его подозрения беспочвенны. Герцог Берштейн всего лишь хотел произвести впечатление на гостей Бала, показав им необычное явление — сначала полный мрак, а потом появление Трех сияющих Лун. Неизвестно, насколько поверил Рашмин в сладкие речи, но о заговоре он кричать перестал, правда, потребовал, чтобы ему показали заклинание. Бертоньо, не видя в этом ничего плохого,

показал хакардийцу листок, извлеченный из кармана герцога и даже рассказал, как именно заклинание привязано по времени.

— И что же, он все так точно рассчитал? Полная темнота должна была накрыть дворец всего на пять минут? — подозрительные нотки опять вернулись в интонации Рашмина, и старый звездочет принялся объяснять, что полное время действия заклинания длится полчаса, но полная тьма появится только вокруг дворца, а не внутри. В бальных залах, освещенных магией, никто даже не заметит сгустившейся за окнами темноты. Только последние пять минут, когда под действием магических чар стены и крыша дворца как бы исчезнут, открывая ночное небо, гости увидят окружающий мрак. Но они даже не успеют испугаться, как пройдут последние пять минут заклинания, и в полную силу засияет свет Трех Лун, особенно яркий на фоне совершенно темного пространства.

— Так могло быть, господин Рашмин, но не будет. Герцог Берштейн неудачно споткнулся и не успел запустить заклинание, — Бартоломью решительно вступил в разговор, ему не понравилось, что хакардийцу рассказывают слишком много. Но взбодораженный посол не унимался. Он, наконец, заметил состояние герцога, и теперь интересовался, что с ним произошло.

— Упал. Неудачно споткнулся и упал с лестницы, когда собирался дать заклинанию ход, — быстро ответил сыщик. Корнелис, напуганный настойчивыми расспросами, подошел поближе к старшему брату, и Айвен успокаивающе положил руку ему на плечо. Но выдавать парня хакардийцу Барт и не думал, маг считал, что своего круга вполне достаточно, чтобы разобраться с поступком младшего Линнеля.

Рашмин слушал пояснения Барт и рассеянно кивал головой, как будто совсем не интересуясь ответом на свои же вопросы. Черные масляные глаза бегали туда-сюда, губы застыли в бессмысленной улыбке — хакардиец явно обдумывал какие-то свои планы.

— Господин Рашмин?.. — Бартоломью вежливо напомнил о себе, и посол моментально ожил.

— Да, да, да... Как неудачно! Бедный герцог, желаю ему скорейшего выздоровления! А мне пора, господа, меня уже давно ждет мой повелитель Шамиршан!

Посол суетливо откланялся, прощаясь, и на просьбу Бартоломью о молчании спешно подтвердил, что он "никому ни слова не расскажет о услышанном в башне".

Когда шаги Рашмина затихли внизу, Айвен, молчавший все это время, с досадой произнес:

— Как неудачно вышло, что этот пронырливый хакардиец увязался за нами! Не верю я его словам, что он никому ничего не расскажет.

— Я тоже ему не особенно верю. — отозвался Бартоломью, — но он подошел уже к концу нашей беседы, так что сможет рассказать всего лишь о том, что герцог Берштейн хотел поразить гостей Бала особым заклинанием, но неудачно оступился и упал с лестницы в Часовой башне.

— Так значит, Корнелис...

— Ваш брат чуть было не убил человека, Айвен, но в его действиях не было преступного умысла. Думаю, когда первый министр придет в себя, он сам с ним разберется, — улыбнулся Форбенкс. — А пока Корнелис Линнель может оставаться в башне, но следите за ним постороже, Бертонью, как бы Ваш ученик еще кого-нибудь не прибил сгоряча!

— Конечно, конечно! — старый звездочет закивал головой, соглашаясь, а потом попросил мага. — Не будете ли так добры, доверить мне листок герцога Берштейна? Я хочу подробней разобраться, как он привязал временные радианты.

— Листок? А разве он не у Вас? — и тут же Барт звонко хлопнул себя по лысине и с досадой воскликнул. — Ах я, растяпа! Листок-то остался у хакардийца!

— А что, это плохо? Он может что-то натворить? — глаза Корнелиса загорелись, и все, исключая Эвелину, не обращавшую сейчас внимания ни на кого, кроме раненого Эрнеста, весело рассмеялись.

— Ну уж нет, молодой человек! — сказал Форбенкс, отсмеявшись. — Охоту на хакардийца я Вам категорически запрещаю.

— Если еще что-либо подобное сотворишь — отправишься со мной к бабушке на перевоспитание, — угроза Айвена оказалась посильнее запрета сыщика, Корнелис тут же сник и больше в бой не рвался.

— И все же? — задумчиво спросил Айвен. — Есть опасность в том, что листок с заклинанием

оказался в руках хакардийца?

— О, я думаю, для нас никакой опасности! — не совсем уверенно заявил Бартоломью. — скорее он воспользуется необычным заклинанием в Хакардии для каких-нибудь своих целей!

— Но часовой механизм надо оградить дополнительной защитой! — непримиримый взгляд Корнелиса опять насмешил мужчин, и Бертолоньо пообещал, что немедленно установит усиленную, самую надежную, защиту.

— Ну почти немедленно, — уточнил старый звездочет, — я только запишу для себя заклинание с дополнением по времени, пока не забыл, и сразу займусь защитой. К часовому механизму больше никто не подойдет, кроме меня, Корнелиса, и тех, кто получит от нас допуск.

— Ну вот и отлично! — неунывающий Бартоломью посмотрел на своего пациента, на графиню Роддерик, сидевшую у изголовья Эрнеста, и бережно придерживающую его окровавленную голову, и бодро заявил. — Вот что, друзья мои! Герцога надо отнести в его покои, еще раз внимательно осмотреть и обработать рану! Давайте-ка. Айвен, возьмите раненого на себя, а я организую полог невидимости вокруг нашей компании.

— А я? — Корнелис недоумевающе смотрел на мага, не понимая, куда ему-то деваться.

— А Вы, молодой человек, отправитесь с нами. Сейчас Ваш наставник с головой уйдет в новую формулу заклинания и за Вами опять некому будет присмотреть. Так что отправляйтесь-ка с братом, а потом он отведет Вас обратно в Часовую башню. Надеюсь, Бертолоньо, к тому времени Вы уже разберетесь в расчетах?

— Да, да, конечно, — согласно кивнул Бертолоньо. — пусть мальчик пообщается с родными, а потом мы закроем башню и сюда уже никто не войдет до следующего утра.

Видно было, как старику не терпится выпроводить гостей и спокойно подумать над формулой. Толстячок Барти, понимаяще улыбнулся и подошел к графине. Бартоломью осторожно помог Эвелине подняться и отойти от раненого, а потом пропустил вперед Айвена. Могучий менестрель легко поднял бессознательное тело Эрнеста, Эвелина даже вскрикнуть не успела, как Айвен уже развернулся и бережно понес раненого вниз по ступеням. Графиня шла за ними след в след, глотая слезы и молясь про себя, чтобы Айвен не оступился. Бартоломью осторожно дотронулся до ее руки, но встретив непонимающий заплаканный взгляд, только покачал головой.

— Не нужно так расстраиваться, дорогая Эвелина, он скоро поправится, вот увидите. Уже завтра утром будет улыбаться вам и спорить с Вами.

Эвелина молча кивнула, ей не хотелось говорить сейчас. Да и что можно было сказать? Что человек, которого менестрель нес на руках, был для нее самым дорогим, самым близким из всех, кого она знала? Но поняла она это только сейчас, когда чуть было не стало поздно, когда его чуть не убили... А если еще вспомнить, как они расстались в последний раз, какие злые несправедливые слова Эвелина успела наговорить... И ко всему добавить ее отчаяние от того, что Эрнеста не будет на Лунном Балу, что он — теперь уже точно — не пригласит ее на Лунный Вальс...А графиня, каким бы странным ни казалось сейчас ей самой, ждала от него приглашения...Не сознаваясь в этом самой себе, ждала...

Все участники молчаливой процессии были так погружены в свои мысли и переживания, даже внимательный Барти всецело был занят поддержкой завесы невидимости, что никто не заметил толстой мужской фигуры, прятанной неподалеку. Черноволосый мужчина дождался, пока они отойдут подальше и незаметно проскользнул в дверь Часовой башни.

Глава 33

Эвелина, занятая своим запоздалым раскаяньем, и не заметила, как они дошли до покоев герцога Берштейна. У самых дверей Бартоломью снял полог невидимости, и дворецкий Джереми испуганно всплеснул руками, неожиданно увидев пришедших. А когда старый слуга разглядел своего любимого хозяина — бессознательного, окровавленного — он горестно воскликнул, но тут же взял себя в руки и перешел к действиям. Бартоломью распоряжался, а опытный слуга выполнял их как нельзя лучше, хоть временами и стирал слезы с глаз рукавом.

Уже через несколько минут окровавленная голова Эрнеста была промыта и забинтована. Джереми сам переодел хозяина и, с помощью Айвена, уложил его в чистую постель. Старик с отчаянием смотрел на бессознательное тело своего любимца, которому он верой и правдой служил с первого дня его появления во дворце. Только уверения Бартоломью, что герцог спит целительным сном, а когда проснется, силы его почти восстановятся, немного успокоили тревогу преданного слуги.

Закончив с перевязкой раны и отдав Джереми распоряжения на случай, если герцог проснется. Бартоломью собрался уходить. Айвена и Корнелиса он почти сразу отправил обратно в Часовую башню, опасаясь, как бы Корнелис не выдал себя, видя горе Джереми. И убедившись, что герцогу Берштейну теперь ничего не угрожает, Барти заявил графине Роддерик, что кому-то следует сообщить королю о несчастном случае, произошедшем с его первым министром. И лучше всего, если этим кем-то будет он, Бартоломью Форбенкс.

Эвелина согласно кивнула, не особо вдумываясь в слова Барти. Она не сводила глаз с бескровного лица Эрнеста и продолжала терзать себя горькими мыслями. Бартоломью только вздохнул, увидев, что лицо Эвелины, почти такое же бледное, как у раненого герцога.

— Графиня, Вы помните, что скоро Лунный Бал и Вам пора уже готовиться в нему? — строго спросил Эвелину маг. Графиня Роддерик только махнула рукой, показывая, что ее не интересуют развлечения, пока Эрнест не пришел в себя. Но Барти так просто не отступил. Он подошел ближе и заставил Эвелину поднять голову и взглянуть на него. А потом сказал ей очень просто и веско:

— Эвелина, герцог всегда ставил долг выше личных чувств, выше собственной боли. И если Вы покинете его сейчас ради того, чтобы выполнить свои обязанности первой фрейлины, он не осудит Вас. Но если Вы останетесь...

— Я понимаю, Барти, понимаю, — глотая слезы, ответила графиня, — я обязательно пойду, но дайте мне побыть рядом с ним еще немного.

Бартоломью тяжело вздохнул, но настаивать не стал. Он подошел к Джереми, расстроенному не меньше Эвелины, заставил его выпить свою фирменную успокоительную настойку и взял слово, что дворецкий выпроводит графиню не позже, чем через час. А до того, как она уйдет — даст и ей той же настойки, отвратительно противной на вкус, но очень действенной, особенно, когда важно оставаться бодрым долгое время.

Дворецкий обещал, и маг, несколько успокоенный его уверениями, наконец, удалился. Эвелина все еще сидела рядом с герцогом, держа его за руку, и не сводила глаз с его лица, когда к ней подошел Джереми.

— Как бы он порадовался, сударыня, что Вы сейчас сидите рядом и так переживаете за него. — мягко сказал дворецкий, с любовью глядя на графиню Роддерик и своего хозяина. — Уж как он хотел, чтобы все у вас хорошо было, чтобы Вы по-доброму на него глядели!

— Хотел? Ты не ошибаешься, Джереми? — Эвелина была почти уверена, что старик просто утешает ее. Но слуга закивал головой и продолжил:

— А как же, сударыня! Ведь он давно Вас любит, еще с тех пор, как муж Ваш покойный, граф Роддерик, впервые Вас познакомил! Уж как он тогда сокрушался, что поздно встретил Вас, а как только встретил — сразу же и потерял!

Эвелина слушала старика и удивлялась все больше и больше. Ей открывался такой Эрнест, о котором графиня никогда не подозревала. А воодушевленный ее вниманием Джереми рассказывал, как переживал герцог их размолвки, как все время мечтал помириться с ней.

— А когда вы вместе стали просителей принимать, уж

такой счастливый он ходил, такой радостный! И ужин этот придумал, что в последний день приема устроил, и цветы сам в оранжерее оборвал — ровно, как в молодость вернулся! А потом, в ту ночь, после ужина вашего, совсем расстроенный пришел, и букет принес обратно. Вот они, цветочки, до сих пор стоят. Герцог их своей магией сохранил, они и красуются, словно только сорвали.

Старик показал в сторону, и Эвелина увидела на комод, рядом с кроватью, вазу с фиалками, оставленными в библиотеке...

А Джереми, воодушевленный вниманием графини, продолжал рассказывать. Эвелина утирала подступающие слезы и, затаив дыхание, слушала, как радовался Эрнест тому, что на Бал она наденет не черное платье. Как хотел узнать, какой цвет она выберет.

— Он ведь костюм под Ваше платье готовил, чтобы вместе, парой смотреться. А уж когда госпожа Терн, то есть леди Эмеринг, сообщила ему, что Вы из "белого золота" платье будете шить...

— Олли Терн сообщила Эрнесту, какой материал я выбрала для платья? — изумлению Эвелины не было границ. А Джереми всплеснул руками, поражаясь ее неведению, и воскликнул:

— Олли ему сообщила, госпожа графиня, иначе откуда бы ей знать?! Сама Олли-то давно с герцогом знакома, и про Вас ей известно, и про то, как он мечтал, чтобы Вы на Лунном Балу в платье из "белого золота" показались!

Эвелина слушала и поражалась женской хитрости леди Эмеринг, заставившей ее выбрать именно "белое золото" для бального платья.

— А когда господину известно стало, что Вы как раз такое платье и решили заказать, как же он обрадовался! Сразу нарочного к купцу отправил, что он сам все заплатит, чтобы с Вас ни копейки не взяли!

— Точно! — ахнула Эвелина. — письмо, срочное письмо, которое Крейстон читал в моем присутствии, а потом еще и теще дал почитать!

Эвелина вспоминала и понимала, как Крейстон был прав, взяв с нее часть денег. Отдай он ей драгоценную ткань бесплатно — графиня непременно заподозрила бы неладное. А так она взяла "белое золото" с чистым сердцем, видя в нем прощальный подарок от любимого мужа.

— А сегодня-то, сегодня!.. Какой же он расстроенный сегодня пришел, госпожа графиня! Никогда еще его таким не видел! "Презирает она меня, Джереми, — говорит, — презирает за мою бессердечность!"

— Это я виновата, — Эвелина почувствовала, как глаза опять застилают слезы, — я несправедливо обидела его.

— Да что уж тут, госпожа графиня, разве Вы одна виноваты? И он не мог через себя переступить, и Вы привыкли своим умом жить... — старый слуга тяжело вздохнул, глядя на плачущую девушку, а Эвелина спросила:

— Джереми, а что потом было? Почему он пошел в Часовую башню, что хотел там сделать, Вы знаете?

— Да как Вам сказать, госпожа графиня, — старик задумался. — Сначала-то он сильно переживал, но должен был идти на прием, короля Дарнии встречали. А потом быстро очень вернулся, я его так рано и не ждал. Глаза горят, сам взбудораженный такой... Меня спрашивает: "Джереми, известно тебе старое предание, что бывает, когда в ночь Трех Лун разлучают влюбленных?" Ну, я, конечно, ответил, что известно, да и все это знают: если в ночь Трех Лун влюбленных разлучить, то Луны погаснут, и тяжкие беды людей настигнут. А он засмеялся так непонятно, да и говорит: "Верно, Джереми, все верно! И если над дворцом Три Луны погаснут — король про это предание вспомнит! Августу придется позволить сыну пригласить любимую девушку на Лунный Вальс, чтобы не допустить беды для Армании!"

Эвелина ахнула, когда поняла замысел Эрнеста. Первый министр не мог открыто пойти против своих же политических планов, и он решил использовать свой магический дар, создав заклинание "полного мрака", а потом убедить Его Величество, что темнота над дворцом — знак немилости Трех Лун. Если бы не вмешательство Корнелиса, не его опрометчивый поступок... Ах, как хорошо могло бы все сложиться для Дэна и Кэтрин — через пять минут полной темноты вновь открылось бы сияние Лун, и возникший Лунный Цветок вокруг пары принца и фрейлины стал бы лучшим благословением их любви...

А Джереми, не заметив задумчивости графини, продолжал:

— Записи свои старые нашел, что-то высчитал, все думал, да бормотал: "Главное, правильно рассчитать время, чтобы не больше пяти минут, больше никак нельзя — маги могут догадаться..." Вскочил с места, листок схватил, да и побежал, так быстро. Крикнул только на ходу, что в Часовую башню пойдет, там точнее всего будет, и убежал. А потом вы все вместе пришли, и хозяин мой, раненый, на чужих руках...

На глаза старика опять набежали слезы, он отвернулся от графини, скрывая свою слабость. А Эвелина с замершим сердцем подошла к Эрнесту и села рядом, вглядываясь в его бледное лицо.

— Дорогой мой, прости меня, — нежно шептала графиня, осторожно, самыми кончиками пальцев, прикасаясь к бледному бескровному лицу. — Я совсем не знала тебя, не понимала...Эрни...дорогой мой... Любимый мой...

Эвелина склонилась и бережно, чуть дотрагиваясь губами, поцеловала герцога. Но каким бы легким не было касание ее губ, Эрнест почувствовал его. Сине-серые глаза на миг открылись, затуманенный взор остановился на лице графини, а бескровные губы беззвучно прошептали:

— Велли...

Испуганная Эвелина положила ладонь на губы герцога, чтобы не позволить ему расходовать силы на слова, но Эрнест и сам уже вернулся в прежнее забытие. Вот только на суровом лице герцога появилась легкая улыбка, а бледные щеки чуть порозовели. Подошедший Джереми радостно воскликнул, видя такие счастливые перемены, а графиня, улыбаясь, прижала палец к губам, и они вместе тихонько вышли из спальни.

— Джереми... — графиня Роддерик не знала, как высказать свою благодарность старому слуге, и в конце концов просто обняла его. А потом, отпустив смущенного старика, сказала, глядя на него сквозь пелену слез: — Я так благодарна Вам за все, что Вы сейчас рассказали. Я ведь совсем, совсем не понимала Эрнеста...Была уверена, что кроме работы, кроме политики для него ничего не существует...

— Что Вы, что Вы, госпожа графиня! — Джереми испуганно замахал руками, — Да он всегда Вас помнил, дня не проходило, чтобы он Вас не вспоминал! А уж в эти-то дни и подавно!

— Вот, Вы только посмотрите, — старик с гордостью показал Эвелине на гардеробную, — он и костюм себе успел сделать под Ваше платье! Хоть совсем немного времени было, а все же успел! Жаль только, что костюм этот ему надеть не придется...

Джереми помрачнел, а Эвелина, ободряюще улыбнулась и повторила недавнюю фразу Бартиса:

— Ничего, Джереми, этот бал — не последний во дворце, будут и другие праздники! Пусть не такие торжественные, как сегодня, но будут! И мы с Эрнестом обязательно появимся в паре на ближайшем балу! А сейчас, покажите-ка мне, что за костюм заказал герцог?

Утешенный старик расцвел в ответной улыбке и вынес костюм из гардеробной. Эвелина залюбовалась идеальным кроем, совершенными линиями, золотым шитьем, гармонично вписавшемся в строгий белый силуэт. Элегантный и нарядный бальный костюм как нельзя лучше подходил герцогу Берштейну для Лунного Бала. А как красиво они могли смотреться вместе — Эвелина в своем "белом золоте" и Эрнест в бело-золотом костюме! Графиня невольно вздохнула, вспомнив опять свою вину во всем произошедшем, и с деланным весельем заявила:

— Джереми, а почему бутоньерка на отвороте пустая, как Вы допустили такой непорядок?

Растерянный дворецкий не успел найтись с ответом, а Эвелина уже распорядилась:

— Ну-ка, дорогой мой Джереми, принесите мне фиалки из спальни, надо заполнить бутоньерку Вашего хозяина!

Старик заулыбался, сообразив, к чему дело идет, и быстро принес всю вазу с нежными, словно только что сорванными, фиалками.

— Так они даже без воды стоят?

На удивленный вопрос Эвелины Джереми важно ответил:

— А как же, госпожа графиня! Я ведь говорил Вам, что герцог магией букет сохраняет, так что вода им теперь ни к чему.

— Ну и отлично, — Эвелина быстро составила маленький букет Эрнесту для бутоньерки, а остальные цветы вынула из вазы, чтобы взять их с собой.

— Джереми, — графиня и плакала, и смеялась сейчас; она радовалась своей выдумке, но горевала, вспоминая, что Эрнеста не будет на Балу сегодня ночью, — когда герцог очнется, ты скажешь, что фиалки забрала графиня Роддерик, чтобы украсить свой наряд к Лунному Балу. Скажешь, что графиня оставила ему всего несколько цветков для бутоньерки, заявила, что с него и этого хватит.

— Скажу, госпожа графиня, непременно скажу, — расчувствовавшийся старик и сам едва сдерживал слезы. — А уж как он рад-то будет...

— Ну вот и хорошо, что будет рад, очень хорошо! — Эвелина счастливо рассмеялась, предчувствуя восторг Эрнеста. Она нежно поцеловала старика и хотела уже бежать, но строгий голос Джереми:

— А как же настойка, госпожа графиня? — остановил ее.

На недовольную гримасу Эвелины дворецкий только укоризненно покачал головой, как старый добрый дедушка, порицающий озорную внучку. С тяжким вздохом графиня Роддерик выпила противную микстуру, еще раз взглянула на мирно спящего Эрнеста и, простившись с Джереми, побежала к себе. Ее больше не волновало, что скажут дворцовые сплетники, увидев графиню Роддерик выходящей из покоев первого министра. Она думала про Эрнеста, про его чувства к ней и про свою душевную слепоту. И хотя мысль о том, что герцога не будет на Балу, больно царапала сердце, Эвелина не могла огорчаться слишком сильно. Графиня вдыхала аромат фиалок в своих руках и думала, что, наверно, уже завтра Эрни очнется, и она расскажет ему, как любит его. И любит давно, очень давно, теперь Эвелина ясно это понимала.

Глава 34

В апартаментах графиню Роддерик давно ждали и очень возмутились ее поздним приходом. Дворцовый куафер, которого буквально разрывали на части в этот вечер, минут десять назад закончил с прической Кэтрин, и уже собирался уходить, когда, наконец, появилась первая фрейлина. Эвелина слушала сердитый выговор от знаменитого мастера причесок, почти не обращая внимания на то, что он говорит. Она бережно оставила букетик в своей спальне и сразу же отдала себя в руки лучшего дворцового куафера. Вскоре из зеркала на графиню смотрела очаровательная зеленоглазая брюнетка с самой изящной прической, какую только можно было создать из ее непослушных локонов.

Искренне поблагодарив мастера за "волшебство, созданное его руками", графиня Роддерик, наконец, добилась появления улыбки на хмуром усталом лице, и дворцовый куафер отправился к другим фрейлинам, заждавшимся его появления.

— Госпожа графиня, а с цветочками что делать будете? — простодушно поинтересовалась Эмма. Пока Эвелине делали прическу, старшая камеристка помогала Кэти одеваться к Балю.

— Я приколю их на бальное платье! — весело ответила ей графиня.

— Так цветочки-то совсем простенькие, госпожа графиня, разве подойдут они к бальному наряду?!

— Эмма, к моему наряду все подойдет, такой уж он особенный. А, что касается "простеньких цветочков"... Эмма, поверь мне, эти цветочки стоят для меня дороже всех украшений мира!

— Вот оно как... — старшая камеристка задумчиво посмотрела на графиню, и умолкла, видимо, сделав для себя какие-то выводы. А Эвелина уже любовалась Кэти, которая вышла из своей комнаты в бальном платье. Черный цвет волос изменил милое девичье личико, придав ему более загадочное, даже таинственное выражение. Синие глаза сияли яркими звездами на чуть зарумянившемся лице, сиренево-серебристый флер, искусно вплетенный в черные локоны прически, смотрелся лучше любой диадемы. Бальное платье смотрелось просто великолепно, любая принцесса позавидовала бы сейчас простой фрейлине! Маленькая хрупкая фигурка Кэти выглядела фарфоровой куклой в роскошном сиреновом наряде, украшенном серебряной отделкой. Вот только глаза "куклы" были наполнены слезами, а грустное выражение не покидало ее лица.

Почувствовав состояние подруги, графиня подошла к ней, ласково обняла и спросила:

— Что такое, Кэти? Почему ты грустишь, когда впереди Лунный Бал, а на нем ты будешь одной из первых красавиц, в этом нет сомнений! Или что-то опять произошло в старом крыле, когда ты была там сегодня?

Фрейлина отрицательно качнула головой, а Эмма поспешила сообщить, что "в старом крыле все было тихо-спокойно, тех наглых солдат заменили, а новые вели себя тише воды, ниже травы".

Эвелина улыбнулась ответу старшей камеристки, но расспросы не прекратила. Не выдержав, Кэтрин расплакалась и сквозь слезы только и смогла произнести:

— Я там... а он... с Александриной... они наверху... он с ней... ухаживает... я не смогу видеть... не пойду...

Девушка совсем разрыдалась, и Эвелина с Эммой срочно прибегли к помощи успокоительных настоек, которые были под рукой. А когда графиня Роддерик увидела, что Кэтрин немного пришла в себя, в силах слушать и понимать услышанное, она безжалостно начала отчитывать всхлипывающую фрейлину. Неизвестно, что именно придало сил и уверенности самой Эвелине, возможно, "гадкая настойка" Бартоломью, но сейчас графиня искренне не видела причин плакать и сдаваться обстоятельствам.

— Кэти, послушай меня! Ты хочешь сказать, что принц Дэниэль и Александрина будут сидеть рядом с Их Величествами, выше всех? Ты будешь видеть, как принц ухаживает за Александриной и не сможешь выдержать этого зрелища? Поэтому лучше совсем не пойдешь на Бал? — всхлипывающая Кэти только согласно кивала.

— Так вот что я тебе скажу, дорогая моя девочка, — графиня приподняла голову Кэтрин, взяв за подбородок, и заставила посмотреть на себя, — ты не имеешь права не пойти на Бал. Вспомни, что вчера говорил тебе Дэниэль, как он прощался с тобой. Вспомни свои обещания ему. И подумай, что почувствует принц, когда не увидит в зале твоих золотых локонов? Ему надо будет улыбаться гостям, ухаживать за принцессой Дарнии, шутить и смеяться, чтобы все верили в его праздничное настроение. А Дэниэль будет искать глазами золотые локоны, но не найдет, и ему останется только мучиться неведением и придумывать, что с тобой могло случиться.

Кэтрин ахнула, когда представила, какими сомнениями будет терзаться принц из-за ее глупого поступка, из-за того, что она решила сменить цвет волос. А Эвелина, увидев, что настроение девушки изменилось, поспешила добавить:

— Конечно, если ты хочешь, чтобы Дэниэль совсем упал духом, можешь не приходить на Бал. Но когда принц поймет, что любимая девушка не сдержала своего слова, он задумается — а так ли сильна ее любовь, если она сбежала, оставила его одного, без поддержки любящего сердца?

— Нет, нет, Эвелина! — в испуге закричала Кэти, — Я пойду на Бал вместе со всеми фрейлинами и встану среди девушек, когда зазвучит Лунный Вальс! Не говори так, я люблю, очень люблю Дэниэля! И на все готова, чтобы не причинить ему боли...

Последние слова Кэти произнесла совсем тихо, в синих глазах опять появились слезы, но Эвелина не дала ей времени поплакать. Она подхватила девушку под руку, позвала Эмму, которая с искренним ужасом и восторгом слушала их разговор, и приказала проводить Кэтрин к фрейлинам, под руководство Клози. Все фрейлины появлялись в бальном зале одновременно и устраивались за отведенным для них столом, самым дальним от стола Их Величеств. А первая фрейлина, как обычно, занимала место рядом с королевой, и о ее приходе во всеуслышанье объявлял дворецкий.

Проводив Кэтрин и Эмму, графиня Роддерик вошла в спальню и достала из гардеробной свое волшебное платье. На первое же прикосновение платье отозвалось знакомой волной тепла и мягким золотистым сиянием. Эвелина нежно погладила мерцающий шелк и почувствовала ответную ласку, словно легкое дуновение солнечного дня, теплого летнего ветра. И графиня, поддавшись порыву чувств, заговорила со своим волшебным нарядом, как с настоящим живым собеседником:

— Как глупо я вела себя с Эрнестом, как неправильно! Он столько лет любил меня, а я ничего не замечала... Но сейчас, сейчас все будет по-другому, вот увидишь! Я приду на Бал и дождусь Лунного Вальса... Пока еще не все потеряно, есть надежда, что среди танцующих пар появятся Дэн и Кэти, Айвен и Эльзи... И если понадобится, я сделаю все, чтобы помочь влюбленным! Но как только Вальс закончится, я тут же убегу с Бала и пойду к Эрнесту, и останусь рядом с ним в эту Лунную ночь! Я дождусь, обязательно дождусь, пока Эрнест придет в себя, и скажу ему, что люблю его!

Платье окутало графиню мягким золотистым светом, как будто одобряя ее решение, и Эвелина почувствовала, как легко и радостно стало на сердце. Она не одинока в Лунную ночь, "белое золото", подарок фей, оставленный людям, слышит ее мысли и чувства, а значит, обязательно поможет в трудную минуту, Эвелина не сомневалась в этом!!

Графиня надела свой бальный наряд без посторонней помощи — волшебным созданным платьем не требовались крючки и застёжки. Она с облегчением увидела, что Сесиль была права, советуя выбирать туфли "по ноге", а остальное платье само изменит. Стоило Эвелине обуть белые бальные туфельки, как они скрылись под волной золотистого сияния, и через несколько мгновений стали такими же бело-золотыми, как и материал платья.

А с букетиком фиалок получилось совсем легко: Эвелина, уже полностью одетая к Балу, взяла в руки скромный букет и подошла к зеркалу. Приложив цветы слева, ближе к сердцу, она попросила чудесное платье, мерцавшее из зеркальной глубины:

— Вот, смотри — это его цветы, Эрнест принес их для меня, а я отвергла его подарок! Прощу тебя, прими их сейчас, пусть они будут со мной на Лунном Балу!

Теплая волна золотистого света охватила скромные цветы, а через несколько мгновений Эвелина с восторгом увидела, что букет фиалок превратился в золотисто-сиреневую брошь, переливающуюся радужным мерцанием под лучами света. Цветы броши точно повторяли цветы скромного букета, но, тем не менее, украшение выглядело таким изящным и ажурным, что вряд ли хоть один ювелир Армании сумел бы повторить его.

Эвелина с восторгом рассматривала себя в зеркале — она была так хороша сейчас, что и сама не могла поверить в реальность собственного существования. Кроме волшебным появившейся броши у графини Роддерик было всего лишь одно украшение — золотой перстень с "солнечно-золотым", магически созданным, изумрудом, что когда-то Северин подарил невесте на помолвку. Эвелина никогда не снимала подарок любимого мужа и сейчас не собиралась этого делать. Она легко покружилась перед зеркалом, любуясь сиянием "белого золота", сиреневой броши, зеленого камушка в колечке Северина и собственных зеленых глаз и, заодно рассмеявшись, заявила самой себе:

— Ну что ж, дорогая, ты несомненно превзойдешь всех гостей Бала, думаю, только ты одна нарядилась в цвета всех трех Лун сразу! Ну, да так тому и быть, пора!

Действительно, пора было идти, гости уже собирались в бальных залах, вот-вот должны были появиться Их Величества, чтобы приветствовать собравшихся и открыть Лунный Бал. Но у графини

оставалось еще одно дело, последнее на сегодня в ее апартаментах. Она прошла в свою спальню, взяла портрет Северина и вгляделась в любимые янтарные глаза.

— Сев, любимый, прости меня... Ты давно говорил мне про Эрнеста. даже приходил в мои сны. а я не желала слушать... Нотеперь все будет по-другому, обещаю тебе!

Юный граф Роддерик улыбался своей Велли с портрета озорной и открытой улыбкой. Но сегодня ей показалось, что легкая грусть была в его янтарных глазах.

— Северин, любимый, ты ведь знаешь, что нет нашей вины в разлуке... И если бы ты был рядом сейчас...

Голос Эвелины прервался, но пришедшая волна теплого мягкого сияния не позволила ей надолго загрустить. Графиня подняла голову, вгляделась в портрет — золотые искорки в родных янтарных глазах, веселый взгляд, ясная светлая улыбка — всем своим видом Северин Роддерик говорил своей Велли, что он любит ее и радуется ее счастью.

И Эвелина не позволила пролиться подступившим слезам, она улыбнулась мужу так же озорно и весело, как он улыбался ей сейчас, и махнув рукой, заявила:

— Ну что же, граф Роддерик, если ты твердо решил пристроить жену другому и даже знаешь, кому хотел бы меня доверить, так может и Эрнесту явись во сне? А то мы сами еще долго можем спорить и мириться, пока не поймем, что любим друг друга!

Графине показалось, что Северин на портрете улыбнулся совсем весело, почти рассмеялся, и она рассмеялась в ответ. А потом поцеловала его и поставила портрет так, чтобы Северин видел ее в новом платье.

— Смотри, Сев, твоя мечта сбылась! Я иду на Лунный Бал в платье из "белого золота"! Вот только танцевать мне там будет не с кем...

Эвелина опять почувствовала, что подступают слезы, но Северин ободряюще улыбнулся своей Велли, как будто призывая не терять надежды, и графиня нежно простилась с любимым мужем, закрыла двери в свои покои и побежала по дворцовым коридорам туда, где раздавался людской гомон и шум, где начинался Лунный Бал — самый главный праздник Армании...

Эвелина нарочно прошла в главный балый через другие залы. ей хотелось сделать приятное Крейстону, так ловко обманувшему ее, и показаться ему и его семье в своем необыкновенном платье. И точно, купец был очень доволен, когда первая фрейлина сама подошла к их столу, чтобы поприветствовать дружное семейство. Рядом с Крейстонами сидела чета Линнелей, и графиня Роддерик смогла увидеть Сюзанну, матушку Айвена. Эвелина с радостью подметила, что у женщины тоже темные волосы и светлые глаза. так что внешность Айвена легко объяснялась сходством с матерью и ее родней. Выслушав восторженные комплименты и пожелав дружной компании хорошо отдохнуть, Эвелина отправилась дальше.

По пути ей пришлось еще раз задержаться — у стола, занятого самыми важными гостями купеческого зала. Это были пожилые женщины, те самые "кумушки", которые, благодаря Крейстону, смогли провести вечер Бала за одним столом и посплетничать в привычной компании. Эвелина вовремя заметила кивающую ей Джудит Форбин и быстро подошла к ней, чувствуя на себе внимательные оценивающие взгляды. Но искренняя радость Джудит от встречи и не менее искренний ответ Эвелины — она обняла и расцеловала старую женщину, как давнюю добрую знакомую — расположили к графине сердца недоверчивых "кумушек". Дамы за столом расцвели в улыбках, общие вздохи и восторги по поводу необыкновенного платья быстро сменились на любопытные нетерпеливые взгляды, когда Джудит Форбин загадочно наметнула на "историю", связанную с нарядом графини. Эвелина только рассмеялась, предчувствуя, что "кумушки" узнают не только историю семилетней давности, но и про письмо герцога, которое Крейстон показал теще. Но графиня и не думала скрывать правду, наоборот, ее только радовало, что о благородном поступке Эрнеста узнают.

Куда больше удивил Эвелину вопрос высокой, суровой с виду, пожилой женщины: "Не она ли та графиня, что заставила ее внука костюм нормального цвета надеть?" Поняв, что перед ней Берти Линнель, Эвелина подтвердила, что Айвен передумал надевать на Бал черное не без ее участия. Суровое лицо мигом подобрело и оживилось, и на графиню посыпались вопросы: о причинах выбора именно зеленого, и под чье же платье такой цвет, и кто она, эта девушка, давно ли Айвен с ней знаком, из какой она семьи...

Рассмеявшаяся Эвелина не ответила больше ни на один вопрос любящей бабушки, сославшись на то, что ей надо спешить. Графиня пожелала женщинам дожидаться Лунного Вальса, который откроет все тайны, и среди них — тайну имени возлюбленной Айвена Линнеля. Несколько разочарованные дамы тепло простились с "милой графиней", и Эвелина легко пошла дальше, услышав еще, как кто-то из старушек восхищенно шепнул про нее:

— Фея, ну как есть фея! И платье-то такое, что ни один портной не сошьет, и туфельки, и брошь, и сама она вся сияет...

Улыбаясь услышанному, Эвелина вошла в главный зал, где были столы для Их Величеств и придворных. Она бегло оглядела фрейлин, удивившись, что почти все они, кроме Кэтрин, красовались белым цветом волос. Их группа издали напомнила графине цветущие кусты сирени — на всех девушках платья разных сиреневых оттенков, да еще и белокурые девичьи головки, как напоминание о том, что сирень может быть и с белыми цветами. А если учесть, что фрейлины постоянно смеялись и хихикали, то это были кусты сирени, в которых поселилась стая шумных воробьев.

Одна только Кэти выделялась среди всех и черным цветом волос и тем, что практически не участвовала в общих веселых разговорах. Девушка не плакала, даже тени грусти не было на ее лице. Но и серьезное сосредоточенное выражение совершенно не подходило для Бала. Эвелина нахмурилась, думая подойти к фрейлине, но ее остановили. Высокая мощная мужская фигура преградила дорогу графине Роддерик, и Айвен наклонился, чтобы поцеловать ей руку.

— Айвен! Опять Вы меня напугали! — воскликнула Эвелина, а менестрель только улыбнулся.

— Не думаю, что Вас так легко напугать, графиня. Скажите, как герцог? Бартоломью сообщил, что Вы оставались с ним, когда он ушел.

— Все хорошо, он спит и уже не такой бледный, как был. А что с Эльзи, Вы видели ее на Балу, смогли к ней подойти?

— Нет, — Айвен помрачнел, — мне удалось узнать, что маркиз д'Анжу собирается привезти ее только к началу Лунного Вальса, не раньше.

— Вот пройдоха! — в сердцах отругала маркиза Эвелина, — Он боится, что Эльзи придет в себя, услышав Ваши песни!

— Думаю, что так, — спокойно кивнул Айвен, соглашаясь с графиней, — но я надеюсь, что на Вальсе все-таки смогу к ней подойти.

— Сможете, Айвен, я Вам обещаю! — уверенный голос графини Роддерик заставил менестреля улыбнуться. Он отошел в сторону, а графиня немедленно отправила к маркизу д'Анжу вестового с напоминанием, что отсутствие на Балу его и его дочери выглядит оскорбительным и непременно запомнится всей знати Армании. И только потом вспомнила, что почти не рассмотрела творение месье Шенье, костюм, который Айвена с такими сложностями заставили надеть на Бал. Эвелина запомнила только общий силуэт — про такие костюмы говорят "сидит как вторая кожа", — впечатление темного изумруда в золотой огранке и на отвороте, там где у Эрнеста бутоньерка, вышитый золотом цветок, точно такой, как цветы на платье Эльзи. Месье Шенье явно старался превзойти свою коллегу, мадам Лилье, и его старания не прошли даром — Лунный Бродяга был самым великолепным кавалером на Балу.

Глава 35

Графиня Роддерик уже почти подошла к своему столу, когда еще одна фигура — на этот раз женская, в черном платье — преградила ей путь.

— Скажите, графиня, — голос прекрасной Олли дрогнул, она явно была взволнована, — что с герцогом Берштейном? Правду говорят, что он смертельно ранен и умирает сейчас в своих покоях?

Эвелина внимательно смотрела на рыжеволосую красавицу, которую так долго считала соперницей, и видела в ее глазах искренний испуг и тревогу. Олли Терн, всегда хорошо умевшая держать лицо перед публикой, сейчас была настоящей. И графиня, не раздумывая, ответила почти то же, что говорила Айвену: "Герцог Берштейн спит, а когда проснется, будет почти здоров". Олли выдохнула, не скрывая своей радости, и почти виновато произнесла:

— Простите мои эмоции, графиня, но по дворцу ходит столько слухов, один страшнее другого...

Графиня Роддерик понимающе кивнула, а потом, не удержавшись, спросила:

— Леди Эмеринг, а как давно Вы знакомы с герцогом Берштейном?

Прекрасная певица весело рассмеялась и лукаво посмотрела на собеседницу. Казалось, что Олли Терн, успокоенная добрыми новостями о герцоге, вновь стала всего лишь блистательной светской кокеткой. Но поймав сердито вспыхнувший взгляд Эвелины, леди Эмеринг вернула серьезное выражение лица и уже совсем другим тоном сказала:

— Не сердитесь, Эвелина, Вам нет смысла ревновать ко мне герцога Берштейна! Мы всего лишь друзья, добрые старые друзья, изредка помогающие друг другу!

— Как недавно с "белым золотом"? — все еще сердито спросила графиня.

Олли озорно рассмеялась:

— Ну... так тоже бывает. Эрнеста давно мучала эта идея — подарить Вам отрез "белого золота" на платье, выполнить мечту покойного друга. Вот я и вспомнила, когда подвернулся случай. Однако мне надо идти, прощайте, графиня!

— Подождите! — Эвелина схватила Оливию за руку, и ее черное платье вдруг предупреждающе полыхнуло красным, как будто огненный блик показался под чернотой угля. Но графиня не обратила внимание ни на предупреждение "черного огня", ни на ответную теплую волну света от своего волшебного платья, ей надо было узнать правду, и Эвелина еще раз спросила прекрасную певицу:

— Олли, так это правда, Вы всегда были только добрыми друзьями с Эрнестом и ничего больше?

Леди Оливия Эмеринг внимательно посмотрела на взволнованную графиню, понимающе улыбнулась и уверенно ответила:

— Всегда, Ваша Светлость, всегда только друзья и ничуть не больше!

Еще миг — и Олли Терн исчезла в толпе приглашенных, а Эвелина почувствовала, как радость заполняет ее сердце, отбрасывая в сторону упрямые мысли о том, что певица могла и солгать.

Тем временем, Лунный Бал уже начинался: распахнулись парадные двери главного зала, и зычный голос дворецкого объявил о появлении Их Величеств короля Армании Августа и королевы Амелии, а также Его Высочества принца Дэниэля. Сразу следом за хозяевами Бала объявили о Его Величестве, короле Дарнии Леонардо с Ее Высочеством принцессой Александриной и о Его Могуществе, повелителе Хакардии Шамиршане.

Правители вошли в зал все вместе, как бы показывая, что любые разногласия меркнут перед ночью единения Трех Лун. Август и Амелия отдали предпочтение зеленому цвету в своих нарядах, Дэниэль был в сиреневом костюме с серебристой отделкой, и Эвелина с грустью представила как хорошо смотрелась бы рядом с принцем Кэти.

Король и принцесса Дарнии не придерживались традиций чужой страны и выбрали наряды в сине-золотой гамме — у Леонардо более темных тонов, у Александрины яркого, почти василькового. Принцесса была очень хороша в бальном наряде: ее голубые глаза сияли яркой бирюзой, а лицо и фигура восхищали гармоничной, естественной красотой. Эвелина услышала вздох за спиной и, оглянувшись, увидела Эвальда, первого министра Дарнии, с нежностью и любовью смотревшего на Александрину. Графиня Роддерик поскорее отвернулась, чувствуя как закипает обычное для нее негодование: она не понимала и не хотела понимать, как может Эвальд отдавать любимую женщину другому, даже не пытаясь бороться за свое счастье? Первый министр Дарнии так и не узнал, что

ему очень повезло в вечер перед Лунным Балом — если бы Эвелина не помнила так хорошо своих недавних ошибок, вряд ли Эвальд стоял бы сейчас мирно и спокойно.

Но графиня сдержала порыв гнева и поскорее обратила внимание на Шамиршана. Высокий представительный мужчина выбрал наряд черно-золотого цвета и, пожалуй, смотрелся богаче всех в зале — столько золота на костюме не было ни у кого из гостей. А если еще учесть драгоценности, которыми был украшен и костюм, и пальцы хакардийского монарха... Некоторые замки Армании со всеми земельными угодьями вокруг них стоили намного дешевле, чем бальный наряд Шамиршана вместе с его драгоценностями.

Когда правители заняли места за столом, Август поднялся и объявил о начале Лунного Бала. Придворные, только недавно замершие в поклонах и реверансах, мигом оживились и поспешно устроились за своими столами. До начала главного события этой ночи — времени слияния Трех Лун и объявления Лунного Вальса — было еще несколько часов, и потратить их следовало с максимальной пользой. Так что дамы и кавалеры угощались отменными винами и закусками, флиртовали, сплетничали, заводили знакомства и предвкусно обсуждали, кто кому составит пару в таинственном Вальсе.

Эвелина, как и Эвальд, были приглашены за стол Их Величеств. Тоска кольнула в сердце графини, когда она подумала, что, сложись все по-иному, сейчас рядом с ней мог сидеть Эрнест. Но увы, слева от Эвелины устроился Эвальд, справа Леонардо, а напротив оказался сам Шамиршан, пристально разглядывавший графиню с первой минуты ее появления за столом. Неотрывный взгляд повелителя Хакардии смущал Эвелину, она боялась даже глубоко вздохнуть, и совершенно искренне не понимала, почему Шамиршан уделяет ей столько внимания. Наконец, Леонардо заметил состояние соседки по столу и добродушно заметил хакардийцу:

— Шамиршан, дружище, перестань так смотреть на девушку, а то она не дотянет до Лунного Вальса!

— С чего бы вдруг? — Их Могущество все-таки отвел глаза, и Эвелина вздохнула свободней.

— Да она под твоим взглядом куска проглотить не может! — Леонардо первым засмеялся своим словам, как удачной шутке, и все подхватили его смех. После этого разговора хакардийский правитель начал вести себя как обычно — подшучивая и подначивая соседей. — но Эвелина нет-нет, да и ловила на себя его пристальный внимательный взгляд.

А разговор за "венценосным" столом продолжался. Острых тем старались избегать, обсуждали семейные дела: Шамиршан жаловался на своих сварливых жен и наложниц, смеющиеся Август и Леонардо предлагали ему разогнать всех строптивниц и остаться холостяком. Амелия, с умилением поглядывая на сына и Александрина, заговорила о том, как она хочет внуков, но Август довольно строго оборвал жену, не позволив развивать эту тему. Дэниэль молчал почти все время но сам не вступал в разговор, лишь отвечал на прямые вопросы. Графиня Роддерик подумала, что у принца состоялось объяснение с родителями, и его молчание вызвано неудачной попыткой добиться понимания своих чувств. Принцесса Александрина тоже отделялась общими фразами и улыбками, обращенными в основном в сторону Эвальда. Что касается последнего, то в какой-то момент дарнийский первый министр вспомнил про отсутствующего коллегу и перевел разговор на состояние здоровья герцога Берштейна.

Потому как венценосные собеседники изошрялись в шутках, придумывая, зачем бы герцогу Берштейну взбираться на Часовую башню, Эвелина поняла, что Бартоломью удалось уверить короля в том, что Эрнест случайно оступился, поднимаясь по лестнице. Возобладала вполне ожидаемая версия о тайном свидании, и Эвальд, на свою беду, пошутил, что никогда не понимал влюбленных, которые спешат на свидание, в буквальном смысле, сломя голову. Второй раз сдержать негодование Эвелина уже не смогла, да и не пыталась. Она вспыхнула и заявила, обращаясь к Эвальду:

— А я, например, никогда не понимала и не пойму влюбленных, которые и шага не сделают навстречу своей любви! А если и сделают, то только для того, чтобы вручить свою любимую другому!

Побледневшее лицо Эвальда исказилось гневом, он вскочил, но тут же сел на место, заставляя себя успокоиться. Все умолкли, глядя на сильного мужчину, пытавшегося вернуть спокойное выражение лица, на Александрина, которая побледнела почти так же, как и ее возлюбленный. Принц Дэниэль грустно улыбнулся, глядя на чужую любимую, которую считали его невестой. Королева Амелия бросила возмущенный взгляд на Эвелину, но графиня только гордо вскинула голову, не желая признавать свою неправоту. Положение спас никто иной, как Шамиршан. Хакардиец неожиданно расхохотался и заявил, обращаясь к Августу:

— Слушай, ты говорил, что у вас фей нет и никогда не было? А это тогда кто? — Шамиршан показал на графиню Роддерик, и все, наконец, заметили необычное явление, на которое поначалу не обратили внимания. Ее чудесное платье не просто сияло, оно золотистым облаком окутало

графиню, защищая от нападок рассерженного Эвальда и от возмущения королевы. А сама Эвелина, окруженная золотистым чарующим светом платья, казалась сейчас не обычной девушкой, она выглядела как волшебная фея, только что прилетевшая из сказочной страны.

Удивленные, немного завистливые вздохи женщин, искренний восторг и комплименты всех мужчин, включая Эвальда, заставили Эвелину рассказать историю платья. Возможно, графиня и не стала бы откровенничать, но стоимость "белого золота" была всем известна, и Эвелина рассказала ту часть истории, которую узнала в доме Крейстонов. После такого рассказа несдержанные слова графини были забыты — женщины, сидевшие за столом, вытирали выступившие слезы, мужчины вздохнули, вспомнив погибших во время мятежа. Один только Шамиршан опять не сводил глаз с Эвелины, а потом неожиданно предложил:

— Графиня, если Вам надоеет быть первой фрейлиной в Армании и захочется почувствовать себя первой феей Хакардии, я всегда готов принять Вас в лучшем своем дворце.

Сначала Эвелина растерялась, не зная, что сказать на столь неожиданное предложение, но пока Август и Леонардо подшучивали над хакардийцем, она нашлась с ответом.

— Я посоветуюсь с женихом, Ваше Могущество, и поступлю, как он скажет.

— А, так у феи есть жених... — разочарованию Шамиршана не было предела, впрочем, точно также, как и удивлению Амелии. Эвелина уже приготовилась отвечать на расспросы любопытной королевы, но, к радости графини, церемониймейстер объявил выступление лучших актеров Армании.

Когда Айвен Лунный Бродяга пел свои баллады, женщины дружно вытирали слезы, растроганные историей о влюбленных, вынужденных жить в разлуке. Графиня Роддерик, пользуясь тем, что на нее сейчас не обращают внимания, пристально всматривалась в зал, надеясь увидеть юную маркизу в зеленом платье с золотыми цветами, но не находила ни одного наряда, похожего на платье Эльзи.

За выступлениями артистов незаметно подошел долгожданный час слияния Трех Лун, и девушки поднялись со своих мест, чтобы исчезнуть ненадолго, а потом вновь появиться среди тех, кто ожидает приглашения на Лунный Вальс.

Исчезновение незадолго до Вальса было необходимо, иначе маги не успевали создать маски, скрывающие девичьи лица от приглашающих. Никто не помнил, почему так повелось, но девушки всегда выходили в масках, чтобы кавалеры не знали точно, кто именно стоит перед ними. Считалось, что только тот, кто любит по-настоящему, сможет узнать свою любимую, скрытую магической маской.

Принцесса Александрина и графиня Роддерик тоже поднялись с мест, и графиня еще успела ответить на вопрос Дэниэля, заданный нарочито небрежным тоном: "Все ли девушки будут среди ожидающих приглашения или кто-то не смог прийти?"

Эвелина поняла, что принц все время пытался найти свою Кэти, но не так и не увидел фрейлину среди гостей. И, терзаемый тревожными мыслями, Дэниэль решился спросить о ее присутствии почти открыто.

— Не сомневайтесь, Ваше Высочество, — твердо ответила Эвелина, — девушки все в зале и никто из них не пропустит Лунного Вальса.

Дэниэль счастливо улыбнулся, Амелия бросила гневный взгляд на свою первую фрейлину, но графиня Роддерик уже уходила, забрав с собой Александрину. На выходе из зала Эвелина обернулась и увидела знакомую высокую смуглянку в зелено-золотом наряде, равнодушно стоявшую среди других девушек, спешивших к выходу из зала. Сама смуглянка никуда не спешила, ей было все равно — стоять на месте или идти. Графиня Роддерик, извинившись перед принцессой, решительно развернулась и начала пробираться через толпу, приближаясь к Эльзи. Александрине пришлось самостоятельно выйти из зала, а на выходе ее встретили дарнийские фрейлины и, первым делом, высказали свое возмущение неподобающим поведением первой фрейлины Армании.

А Эвелина, добравшись до маркизы д'Анжу, буквально за руку притащила не сопротивляющуюся девушку в зал, где маги трудились в поте лица, создавая вокруг юных дам магические маски. К радости Эвелины, к ним тут же подскочил Бартоломью, и первая фрейлина, рассмотрев, что творится вокруг, сердито спросила:

— Что за новости, Барти? С каких пор стали прятать под масками не только лица девушек, но и фигуры? Насколько я помню историю Лунных Вальсов, магические маски всегда скрывали только лица.

— Личное распоряжение королевы, — со вздохом ответил Бартоломью. — Ее Величество изволили приказать, чтобы девушек нельзя было узнать и по фигуре, не только по лицу.

Эвелина расстроено огляделась — девушек, уже побывавших в руках магов, невозможно было отличить. Их фигуры расплылись, скрытые какой-то непонятной туманной завесой, разве что рост остался прежним, да цвет платья был виден в магическом тумане. Но угадать, кто скрывается, например, за маленьким ростом в туманном клочке сиреневого цвета, было совершенно невозможно. Правда, Эвелина заметила, что руки девушек, когда они отводили их в сторону, приобретали свои обычные четкие очертания. Но узнать девушку только по руке? Вряд ли такое реально среди сотен других, очень схожих рук.

Распознать лица, скрытые туманной маской в цвет платья, тоже было непросто, девушки отличались только цветом волос. Так что графиня Роддерик не потеряла Эльзи, только благодаря необычному изумрудному оттенку ее платья, а вот найти Кэтрин среди сиреневых туманных очертаний Эвелина никак не могла. Отчаявшись, она просто позвала фрейлину и с облегчением вздохнула, услышав рядом ее голосок и убедившись, что Кэти куда-то не сбежала.

Графиня Роддерик поручила Кэтрин юную маркизу, наказав непременно привести ее с собой и заставить встать среди остальных девушек, а сама обратилась к Барту с вопросом о состоянии Эльзи. Толстяк только покачал головой, искренне сокрушаясь:

— Ничего утешительного, графиня! Девушка по-прежнему под действием чар кольца, и сила их ничуть не слабее, чем была вчера.

Графиня вздохнула, чувствуя как разбиваются последние надежды на танец Эльзи и Айвена, а Бартоломью начал создавать для нее магическую маску, но вскоре сообщил:

— Дорогая моя, Ваше платье не поддается никакой магии и не позволяет хоть как-то скрыть Ваш настоящий облик. Так что или Вы договоритесь с ним... или... или Вам придется пропустить Лунный Вальс.

Эвелина хотела сказать, что Вальс ей танцевать не с кем, но передумала — в любом случае, надо было постоять рядом с Кэтрин и Эльзи и своими глазами увидеть, что же все-таки произойдет в час слияния Трех Лун. Так что графиня нежно провела рукой по мягкому шелку и попросила платье, которое сразу отозвалось на ее прикосновения привычным теплым сиянием:

— Пожалуйста, доверься ему, Барту — друг, он не причинит зла!

Удивленно округлившиеся глаза Бартоломью почти совпали по форме с его очками, но времени на расспросы уже не оставалось. Маг провел рукой и удовлетворенно хмыкнул — графиня тоже стала бело-золотистым клочком тумана, и лицо ее скрылось под маской.

— Ну что ж, отлично, все девушки подготовлены, мы успели! — прозвучал голос главного мага Армании, и девушки послушно выстроились в ряд, повинаясь движениям его рук. Несколько десятков разноцветных клочков тумана стояло в пустом зале. Эвелина заметила туман знакомого василькового цвета и улыбнулась — принцессу Александрину ни с кем нельзя было спутать, она единственная надела платье, не совпадающее с цветом ни с одной из Лун. Все остальные девушки были в сиреновом, или зеленом, или золотистом, но сиреневых туманных пятнышек было больше всех и почти каждое такое сиреневое пятнышко венчалось белокурой прической.

Еще один взмах руки главного мага — и стены зала, да и всего дворца, исчезли. Как это делалось, что за силы применяли при создании необыкновенного заклинания, Эвелина не знала, да и не особо хотела знать. Она с восторгом наблюдала, как тают стены и крыша дворца, как все вокруг объединяется в единое огромное пространство, где уже почти не осталось столов — только совсем немного, для тех, кто не собирается танцевать. На высоких подмостках собрались лучшие музыканты Армании, рыжеволосая певица в черном платье ожидала взмаха палочки вдохновенного дирижера. Короли, оставшиеся на прежнем месте, с интересом разглядывали необычную картину разноцветных туманных пятен. Кавалеры собрались с другой стороны огромного зала и пытались понять, кто скрывается за клочками тумана, чтобы не совершить ошибки при самых первых аккордах старинного Вальса...

В наступившей тишине ожидания никто сразу и не понял, что над огромным открытым пространством сиял сейчас только свет магических огней. Главного чуда сегодняшней ночи — сияния всех Трех Лун сразу — никто не видел, да и не мог увидеть. Все небо над королевским дворцом Армании затянула густая непроглядная тьма

Глава 36

— Пойдите, а где же Луны? Почему их не видно? — зычный голос Женеьевы Эрмгольд прозвучал как гром среди ясного неба. Сразу же, как вода из прорвавшейся дамбы, общим потоком хлынули удивленные восклицания, вскрики, испуганные возгласы Гости Бала недоумевающе вглядывались в мрачную темноту вокруг, пытаясь понять, что произошло. Кто-то из женщин истерически завизжал, еще один визг раздался в другом конце огромного зала, потом еще один и еще... Казалось, вот-вот поднимется волна паники и все присутствующие, толком не понимая, чего испугались, бросятся врассыпную. Но спокойный голос главного мага, усиленный так, что все могли его слышать, остановил панический страх, готовый захлестнуть толпу.

— Ваши Величества, господа гости, прошу успокоиться! Это всего лишь темнота, закрывшая от нас сияние Трех Лун. Происхождение ее непонятно, но угрозы для нас эта темнота не несет. Прошу вас успокоиться и дать магам возможность разобраться в случившемся.

Толпа притихла в тягостном ожидании. Маги Армании, Дарнии и Хакардии собрались вместе, пытались раздвинуть нависший мрак и открыть картину обычного ночного неба. Но ни яркие огненные стрелы, ни файерболы, ни разноцветные шутихи, запущенные, вероятно, от отчаяния, не помогли. Мрачная темнота над королевским дворцом, казалось, стала еще плотнее после того, как погас последний файербол.

— Невозможно ничего сделать, Главный Магистр, — Эвелина не видела, кто говорит, но по голосу узнала Барти, — это заклинание "Полной тьмы", оно не поддается никакому магическому воздействию, придется ждать, пока развеется само.

— Кто это натворил? — грозный рык Шамиршана, временно забывшего, что он здесь не хозяин и не вправе спрашивать, прозвучал громовым раскатом.

И, неожиданно для всех нашелся тот, кто ответил хакардийскому монарху. Толстая мужская фигура выскочила вперед, беспрестанно кланяясь и причитая, и замерла, распластавшись у ног Его Могуущества. Восторженный мужской голос, запыхавшийся после поклонов, объявил:

— Я это сделал, мой повелитель, я! Твой самый верный и преданный раб — Рашмин!

— Зачем? Как ты посмел испортить нам праздник? — Шамиршан искренне недоумевал и почти безразлично разглядывал мужчину, не спешившего подниматься с колен.

— Мой повелитель, я все разузнал, я, я один все разведал! — Рашмин поднял голову, с обожанием глядя на своего монарха. — У них есть старинное предание, что если Три Луны погаснут, снова зажечь их сможет только зов трех владык, подобных тебе, о мой повелитель!

— У нас есть такое предание? — опешивший Август смотрел то на Леонардо, то на Шамиршана, словно правители других стран могли знать легенды Армании лучше, чем он. Леонардо недоумевающе пожал плечами, а нетерпеливый Шамиршан рыкнул:

— Что ты выдумал, паршивый пес? Нет таких преданий и никогда не было!

— Есть, мой повелитель, есть! Не верь им, они скрывают от тебя правду! — осмелевший Рашмин встал на ноги и торжественно продекламировал. — Все Три Луны людей забудут и лики отвернут от них, пока с земли, подобно чуду, не позовет их глас троих!

Эвелина вспомнила о каком предании говорит Рашмин, но не понимала, как можно было настолько неверно истолковать древние слова. Глухой ропот прокатился по людской толпе — многие знали древнюю легенду и не скрывали своего негодования, — но смутить Рашмина было невозможно. Хакардиец приосанился, глядя на всех, кроме своего повелителя, с откровенным презрением, и гордо заявил:

— Мой повелитель, судьба этой жалкой страны сейчас в твоих руках! Если Три Луны не засияют в праздничную ночь, Арманию ждут страшные беды и несчастья! А засияют Луны только после того, как три земных владыки обратятся к ним с зовом. И ты, о мой величайший из самых великих владык, можешь сейчас потребовать от жалких арманийцев все, что они давно должны были принести тебе сами! Ты можешь приказать им признать твою власть над их жалкой страной и заставить платить самые большие налоги! Ты все можешь сейчас, о мой владыка, потому что без твоего зова они не сумеют вернуть сияние Лун и будут обречены на гибель! Всецелую власть над Арманией сегодня тебе принес в дар Рашмин, твой самый верный и преданный раб! Так не забудь же моих заслуг, о повелитель, когда станешь делить богатства жалких арманийцев!

Закончив свою величавую речь, Рашмин, наконец, умолк и теперь с нескрываемым превосходством оглядывал окружающих, словно призывая воздать ему достойную похвалу. И "похвала" не замедлила с ответом

Шамиршан, поначалу ошарашенный выступлением своего посла, какое-то время молча разглядывал надутого от гордости Рашмина, словно впервые его увидел. А потом, повернувшись к Августу, с нескрываемым интересом спросил:

— Слушай, а он всегда такой был или у тебя в Армании совсем дураком стал?

— Ну знаешь, — в тон Шамиршану ответил Август, — какого прислал, такой и есть. Дурака исправлять — только портить.

— Ты и ко мне почти такого же прислал, мало чем от этого отличается, — добавил Леонардо к словам Арманийского монарха.

— А, ну тогда я молодец, правильно сделал. Зачем таких дураков себе оставлять, пусть другим вред приносят, — на этих словах Шамиршан оглушительно захохотал, его смех подхватили Август и Леонардо, а вскоре смеялись почти все присутствующие в зале. Рашмин со своими претензиями на власть над Арманией выглядел так глупо и нелепо, что и темнота, по его воле окружившая дворец, перестала казаться страшной.

Только маги оставались серьезны. Бартоломео подошел к растерянному хакардийскому послу, быстро и ловко обыскал его и вернулся к главному магу с белым листком бумаги в руках. "Листок с заклинанием Эрнеста и его расчетами, который утащил Рашмин! — догадалась Эвелина. — Но почему же мрак не исчезает, неужели герцог рассчитал неверно, и темнота скрыла Три Луны больше, чем на пять минут?"

Пока графиня Роддерик переживала за Эрнеста, думая, что он ошибся в расчетах, девушки, скрытые туманом, и другие гости Бала перешептывались, обсуждая неожиданное происшествие, Шамиршан продолжил допрашивать Рашмина:

— Скажи мне, самый глупый из всех, кто мне служит, ты сам додумался, что в предании говорится о трех земных владыках или, может, советовался с кем-то?

— С женой, только с женой, о мой повелитель, — испуганный Рашмин пока не понял, в чем его вина, но о том, что Шамиршан разгневан на него, посол догадался быстро. Поэтому отвечал четко и без запинки, чтобы не дать повода для большего негодования. — Мой повелитель, я рассказал жене о предании, которое услышал, и она растолковала мне его. Кто может позвать Три Луны вернуть свои лики, кроме трех земных повелителей? Разве у кого-то из простых людей может быть такая власть и сила?

— О, женщины, кто вас поймет, по праву мудрым назовется... — Шамиршан почти простонал эту фразу и продолжил расспросы, — Несчастный глупец, послушавший женщину и сделавший, как она сказала, отвечай, чем ты призвал темноту, окружившую дворец?

— Мой повелитель, — залезбездил Рашмин, — я совсем-совсем не виноват, это все первый министр короля Августа. Я у него взял заклинание и совсем немного поправил его, чтобы Луны скрылись немного больше, чем на пять минут.

— Он удалил из заклинания конечную радианту времени, — раздался голос главного мага, и все в огромном зале замерли, слушая его, — в первом варианте заклинание "полной тьмы" начиналось в определенное время и длилось всего полчаса, но после изменений, внесенных послом Хакардии, ограничений по времени действия заклинания больше не существует.

— Что это значит, Главный Магистр, объясните проще! — потребовал Август.

— Это значит, Ваше Величество, что густая черная темнота будет висеть над дворцом, пока маги не придумают, как ее разогнать. Сама она не рассеется и никуда не уйдет даже с наступлением утра.

— А как же празднование Трех Лун? — ахнула Амелия, — Неужели мы не увидим сияния Лун этой ночью?

— Боюсь, что нет, Ваше Величество, — главный маг с сожалением развел руками, — мы приложим все усилия, но вряд ли сумеем найти решение задачи так скоро.

Раздались возмущенные возгласы, крики, слышно было, как плачут женщины и ругаются мужчины. Донельза напуганный Рашмин озибался по сторонам, со страхом ожидая, что его прямо здесь начнут бить за содеянное, но Шамиршан, переглянувшись с Августом, приказал своим стражникам всего лишь арестовать назадачливого посла, он решил разобраться с ним дома, по хакардийским законам. Рашмин взвыл от ужаса, но до него никому не было дела, взволнованные и расстроенные гости с надеждой смотрели на магов, ожидая, что чудо все-таки возможно — Три Луны засияют этой ночью. Однако отрицательный жест главного мага Армании, чрезвычайно суровые лица всех магов, бывших на праздновании, не оставляли даже искры надежды, и общий разочарованный ропот охватил толпу гостей.

Но громкий голос принца Дэниэля перекрыл вздохи сожаления,

— Темнота вокруг дворца — недостаточно веская причина для отмены Лунного Бала. Света магических огней вполне хватает, чтобы танцующие могли увидеть друг друга, а музыканты разглядели ноты. Неужели из-за выходки одного глупца мы все лишимся долгожданного праздника? Отец, объявляйте Лунный Вальс!

Прода от 27.01.2019, 16:29

"На что он надеется? — подумала Эвелина, — Три Луны не сияют в небе, значит, и Лунного Цветка не будет вокруг их с Кэтрин пары... Ах, да, какая же я глупая! Дэниэль так мечтал танцевать Лунный Вальс со своей Кэти, что просто не в силах так легко отказаться от своей мечты." Графиня Роддерик почувствовала, что от жалости к влюбленным, которых лишили сияния Лунного Цветка, у нее защемило сердце. А король Август, убежденный уверенностью сына, уже объявлял:

— Лунный Вальс! Дамы, прошу вас вернуться на свои места! Кавалеры, приглашайте любимых на единственный Вальс, пусть Цветок засияет этой ночью для вас!

Король произнес традиционную фразу, с которой веками начинали Лунный Вальс во дворце, но этой ночью, под мрачной темнотой неба, слова о сиянии Лун прозвучали едва ли не насмешкой. Женские всхлипывания и причитания вновь пронесли по залу, помрачневшие мужчины застыли на месте, не решаясь подойти к разноцветным клочкам тумана, выстроившимся в нестройный ряд. Музыканты должны были взять первые аккорды Вальса сразу после слов короля, но лишь одна скрипка рискнула жалобно пропеть пару нот и смолкла. Даже прекрасная неустрашимая Олли Терн, стоявшая на сцене в черном платье, едва сдерживала слезы.

Но громкие решительные шаги разбили тягостную тишину огромного зала — принц Дэниэль подошел к ряду девушек, скрытых магическим туманом. Эвелина замерла от волнения: сумеет ли принц найти свою Кэти, не ошибется ли, выбрав одну из блондинок в сиреновом платье? Ведь Дэн так и не узнал, графиня не сказала ему, что шальная девчонка перекрасила волосы в черный цвет!

Эвелина не сомневалась, что Дэниэль будет искать именно Кэти, и очень удивилась, увидев, как принц останавливается рядом с девушкой, скрытой васильковым туманом. Графиня едва удержалась, чтобы не вскрикнуть от возмущения, но Дэниэль всего лишь поклонился и со словами: "Прошу меня простить, принцесса!" — пошел дальше.

Эвелина заметила легкий реверанс "василькового облачка" в ответ на поклон Дэниэля, и от всего сердца пожелала Александрине счастья с любимым человеком. А принц шел дальше, приближаясь к стайке белокурых сиреневых туманов. Шаги Дэниэля замедлились, принц явно был в недоумении — так много силуэтов, схожих по цвету волос и платья, так сложно найти любимую среди почти одинаковых размытых туманных фигур!

Графиня Роддерик с тревогой наблюдала, как оживились девушки, как каждая из фрейлин протянула вперед руку, словно ожидая, что именно ее принц пригласит на Вальс. А приглядевшись повнимательней, графиня увидела, что у каждой, да-да, почти у каждой фрейлины, на пальчике поблескивал сиреневый перстенок!

Эвелина ахнула про себя, ей сразу вспомнились и сиреневые крупинки под сапогом Шенброка, и злобный взгляд Мышильды, когда первая фрейлина потребовала обратно колечко Кэти. Так вот что за подарки камер-фрейлина сделала девушкам к Лунному Балу! Она успела заказать у ювелира дешевенькие колечки с сиреневыми камушками, почти точные копии колечка, подаренного Кэтрин принцем Дэниэлем! И пусть в перстеньках фрейлин не сиреневые сапфиры, а дешевые стекляшки, их так легко перепутать издали, особенно сейчас, под светом магических огней! Да, Мышильда Лезет предусмотрела все, чтобы запутать Дэниэля и не позволить ему выбрать Кэти, почти все, кроме поступков самой Кэтрин Брайтон. И Эвелина, радуясь и переживая одновременно, смотрела как все более уверенно проходит Дэниэль мимо девушек, выставивших руки с колечками, как он останавливается рядом с одной из них, не увидев сиреневого блеска на ее руке. Принц с сомнением посмотрел на черные локоны прически, вновь перевел взгляд на руку девушки и нежно улыбнулся, заметив, как дрожат маленькие пальчики.

— Кэти, моя Кэти, — сказал Дэниэль, нежно целуя руку фрейлины, — ты никогда не скроешься от меня, как бы ты ни старалась. Я слишком люблю тебя, чтобы потерять.

Маска исчезла после того, как принц назвал имя девушки, и все в зале смогли увидеть милое зарумянившееся личико и счастливо сияющие синие глаза маленькой фрейлины. Дэниэль, не менее счастливый, чем его Кэтрин, радостно улыбнулся ей и сказал:

— Ты единственная из фрейлин, моя Кэти, на которой сейчас нет колечка, так позволь мне исправить это недоразумение. Ты согласна?

Кэтрин совсем зарделась, но кивнула, и Дэниэль одел ей на палец тот самый перстенок, что она

недавно вернула. Больше принц ни о чем не спрашивал свою избранницу, он взял ее за руку и торжественно провел в центр зала, собираясь танцевать Лунный Вальс с единственной, самой любимой девушкой на свете.

Общий вздох пролетел по залу — то ли сожаления, то ли восхищения, — Эвелина толком не поняла. Графиня подумала, что кроме принца и Кэтрин вряд ли кто-то решится танцевать Лунный Вальс, под пеленой мрака, скрывающего сияние Лун. Но еще одни мужские шаги, не менее решительные, чем шаги принца, прозвучали в затихшем зале — знаменитый менестрель Айвен Лунный Бродяга шел к туманному девичьему ряду. Возмущенный вскрик маркиза д'Анжу был тут же пресечен маленьким круглым человеком, в котором Эвелина узнала Бартоломью Форбенкса. А Лунный Бродяга, не обращая никакого внимания на возглас за спиной, уверенно выбрал зелено-золотой клочок тумана и произнес:

— Дай мне твою руку, Эльзи!

Как только прозвучало имя, магия рассеялась, и все смогли увидеть красивую черноволосую смуглянку с совершенно равнодушным лицом. Юная маркиза не взглянула на того, кто подошел к ней, она вообще ни на кого не смотрела и выглядела красивой бездушной куклой. Но когда Айвен еще раз попросил девушку дать свою руку, она все-таки ответила — холодно и спокойно:

— Я не буду танцевать.

— Я не прошу тебя о танце, Эльзи, я всего лишь прошу дать мне руку!

Маркиза подчинилась. и рука девушки, на которой было роковое кольцо, легла в руку менестреля.

— Переодень кольцо на другую руку, Эльзи! — голос Айвена был мягок и спокоен, он не требовал и не просил, он просто говорил девушке, что нужно сделать, и Эльзи подчинилась. Она покорно сняла кольцо с пальца и перехватила другой рукой, собираясь вновь его надеть, но Айвен не позволил этого сделать. Резкий удар снизу по ладоням девушки, и кольцо с глухим стуком запрыгало по полу, отпугивая желающих его взять мрачным красным огнем засиявших рубинов. Зал ахнул, настолько непонятно и загадочно было все происходящее, но толстячок в круглых очках не растерялся. Он бесстрашно подскочил к опасному украшению и, ловко подхватив его, быстро спрятал в кармане широкой мантии.

Эвелина облегченно вздохнула, чувствуя, как еще один камень спадает с души, измученной переживаниями. Она поняла хитрость менестреля: Эльзи ни за что не согласилась бы снять кольцо, подчиняясь приказу графа, но переодеть на другую руку... Почему бы и нет? Приказа, запрещающего переодевать кольцо, граф юной Эльзи не давал. Он запретил девушке выпускать кольцо из рук, но здесь уже сыграла свою роль ловкость и сила Айвена, которой Эльзи ничего не могла противопоставить.

Кто из двух заговорщиков придумал такой ловкий ход — Айвен или Бартоломью — Эвелина не знала, но она была счастлива, что все у них получилось, и, будь у графини такая возможность, расцеловала бы обоих. А между тем юная маркиза приходила в себя. Айвен, после того как ударил девушку по рукам, схватил обе ее ладошки, и прижал к губам, снимая поцелуями боль от удара. Эльзи недоумевающе смотрела на черноволосую голову, склонившуюся к ее рукам, чуть испуганно оглядывала зал, недоумевая и смущаясь от множества любопытных взглядов. Юная маркиза не помнила ничего, что происходило с ней недавно, не могла понять, где она находится. Но когда Айвен выпрямился, и Эльзи разглядела, кто стоит рядом, она перестала терзать себя недоуменными вопросами. Юная маркиза ахнула, радуясь неожиданной встрече, и громко вскрикнула, совсем забыв о зрителях.

— Айвен, любимый, ты приехал, ты вернулся за мной!

— Это ты вернулась ко мне, Эльзи, — улыбаясь, ответил ей менестрель.

— Я вернулась? Но откуда я вернулась, Айвен? И почему я не помню, как оказалась здесь? Где мы сейчас?

— Мы в королевском дворце, любовь моя, и скоро начнется Лунный Вальс, танец, который мы ждали так долго. Остальное не важно сейчас, Эльзи, поверь мне!

Айвен Лунный Бродяга взял руку любимой и повел ее в центр зала. Равнодушное выражение совсем исчезло с лица юной маркизы. Высокая черноволосая красавица Эльзи, плачущая и смеющаяся от радости, шла через зал рука об руку со своим любимым, и непросохшие слезы, как капли росы, блестели на ее щеках. Айвен чуть приостановился, бережно провел рукой по лицу девушки, снимая драгоценные капли, и вскоре пара в зеленом с золотом замерла в центре зала, рядом с сиренево-серебристой парой.

Глава 37

Эвелина вздохнула, радуясь и печалась непонятно чему, и приготовилась услышать прекрасную музыку Лунного Вальса, когда в тишине огромного зала вновь зазвучали мужские шаги. На этот раз они не были такими уверенными и решительными, скорее, наоборот, мужчина шел с трудом, как будто заставляя себя. Но он все-таки шел, подходил все ближе и ближе. И графиня Роддерик, напоминая себе, что не вправе бежать навстречу, наблюдала как приближается знакомая высокая худощавая фигура в бело-золотом костюме, разглядывала сиреневый букетик фиалок в бутоньерке, белую повязку, плотно охватившую копну русых волос. Перешептывания в зале дали понять, что первого министра Армании, о котором сегодня ходило столько страшных слухов, узнали все. Но Эвелина не слышала и не видела происходящего вокруг. Она во все глаза смотрела на герцога и его таинственного спутника, с сердечным трепетом узнавая в солнечно-зеленом полупрозрачном силуэте юного графа Северина Роддерика, сопровождавшего раненого друга.

Эвелина видела, что каким-то чудом Северину удастся поддерживать Эрнеста, не позволяя ему споткнуться или отклониться в сторону. Но когда герцог Берштейн подошел к ряду туманных силуэтов, верный друг отошел в сторону, оставив Эрнеста одного. Эвелина едва не крикнула Северину: "Не оставляй Эрни без поддержки, он ранен!", — но сдержала свой порыв, только возмущенно сверкнула глазами, глядя на солнечно-зеленую фигуру. И совсем рассердилась, когда заметила, что Северин весело смеется, поглядывая на нее, как будто чувствует и понимает, о чем его Велли думает сейчас.

А герцог Берштейн медленно шел вдоль туманного ряда, ни перед кем не останавливаясь, пока не добрался до единственного клочка тумана, сияющего бело-золотым светом.

— Велли, любовь моя, моя фея... — слабый голос Эрнеста прервался, но, чуть передохнув, он нашел в себе силы продолжить, — я прошу тебя танцевать со мной Лунный Вальс...

Герцог пошатнулся от слабости, и Эвелина, с которой уже исчезла туманная маска, немедленно подхватила его, придерживая за плечи, с тревогой заглядывая в измученные сине-серые глаза.

— Эрни, любимый, я готова танцевать с тобой, но хватит ли у тебя сил на танец? — голос графини прерывался от волнения, она пыталась улыбнуться, но слезы выдавали ее истинные чувства.

— У меня на все хватит сил, если ты будешь рядом, Велли, — герцог, счастливый только что прозвучавшим признанием, обнял свою Эвелину, и они молча замерли рядом друг с другом. Эрнесту необходимо было передохнуть, прежде чем вести свою даму в центр огромного зала, а Эвелине... А Эвелине не хотелось размыкать объятий, так счастлива она была сейчас.

Они не заметили вспышку золотистого сияния и волну теплого ласкового света, окутавшую их обоих. Эвелина и Эрнест стояли, обнявшись, и легкое касание лучистых потоков воспринимали, как общее чувство счастья от того, что они рядом друг с другом. Однако глаза герцога Берштейна вновь засияли синевой грозового неба, бодрость вернулась к нему, словно и не было недавнего злосчастного удара, а улыбка перестала выглядеть вымученной.

— Солнечный ветер, — с восторгом выдохнул Шамиршан, вместе со всеми в зале, наблюдавший необычное золотое сияние платья графини.

— Что за солнечный ветер, о чем Вы? — Леонардо первым задал вопрос, который готовы были повторить все, услышавшие повелителя Хакардии, и Шамиршан неохотно пояснил:

— У нас в стране говорят, что той, которую признает чудесный белый шелк, подчинится солнечный ветер, исцеляющий любые раны и недуги.

После пояснения Шамиршана, все в зале, с еще большим восторгом, принялись рассматривать необыкновенное платье графини Роддерик. А сама Эвелина, как и Эрнест, не видели и не слышали никого и ничего, кроме стука собственных сердец. Они смотрели в глаза друг другу и не могли насмотреться...

— Прости меня, Эрни, — виновато шепнула Эвелина, — я была не права тогда...

Но Эрнест не дал ей договорить. Он улыбнулся радостно и беспечно, как не улыбался уже очень давно, и весело сказал:

— Велли, нас ждут, пора начинать Лунный Вальс.

Графиня согласно кивнула, но прежде чем уйти, Эвелина и Эрнест дружно взглянули туда, где стоял солнечно-зеленый мужской силуэт. Северин оставался там же, где его увидела Эвелина, граф смотрел на жену и лучшего друга и улыбался светло и радостно, словно сбывалось то, чего он так долго ждал. Эрнест прижал Эвелину поближе к себе, она положила голову на плечо герцога —

влюбленная пара без слов благодарила друга, пришедшего из неведомого далека, чтобы помочь им. Северин поднял над головой руки — ладони скрещены в дружеском пожатыи — и взмахнул ими, прощаясь. Через миг солнечно-зеленый силуэт растаял, как будто его вовсе не было, а Эрнест нежно посмотрел на плачущую Эвелину и попросил:

— Велли, любовь моя, вытри слезы, Северин рад нашему счастью.

— Я знаю, Эрни, я знаю... — больше Эвелина ничего не сказала, она сумела справиться с собой: слезы высохли, на лице засияла улыбка, и герцог с графиней прошли в центр зала, где дожидались начала Лунного Вальса две любящие пары.

"Неправильно, как же неправильно все!" — графиня Роддерик с горечью и негодованием смотрела на сумрак, охвативший центр зала. Три пары, цвета Трех Лун, замерли в ожидании Лунного Вальса. Три Лунных Цветка должны были засиять этой ночью, благословляя их любовь... Но из-за поступка одного глупца Луны погасли и волшебного сияния никто не увидит еще много лет...

"Нет, так не должно быть!" — и, повинувшись непонятному зову, словно зная, что надо сказать, Эвелина вскинула руку вверх, обращаясь к сиянию Лун:

— Золото Астрим, Селвии смарагд, Эрзины сирень,

Вас призываю помочь!

Свет нам верните, мрачную тень

Светом гоните прочь!

Сказкой волшебной, светом Трилунным

Вспыхните вновь!

Праздник верните, благословите

Нашу любовь!

Эвелина почувствовала как ее маленькую руку обхватила сильная мужская ладонь, и в едином порыве соединенные руки, устремились туда, где черный мрак скрыл от них Три Луны. Еще две пары рук — маленькая женская ладонь в сильной мужской — немедленно поднялись следом. Три любящих пары — бело-золотая, изумрудная в золотом обрамлении, сиренево-серебристая — замерли, подняв руки и головы к небу, ожидая ответа от тех, чьи цвета они надели сегодня.

Тишина в зале была такая, что он казался пустым. Но вдруг раздался женский возглас, еще один, еще. Радостные голоса говорили, кричали, обращаясь друг к другу:

— Смотрите, смотрите!

От трех пар рук поднялись к небу разноцветные лучи — золотой, зеленый, сиреневый. Тонкие, не толще шелковой нити, эти лучи, однако, хорошо были видны на фоне черного мрака. Но главным было то, что тонким разноцветным нитям лучей удалось прорвать сумрак! Едва заметные проколы в черноте немедленно стали расширяться, заполняясь сиянием Трех Лун. Сначала появились световые узкие полосы, они становились все шире и шире, постепенно превращаясь в сияющие завесы, которые попеременно переливались золотым, сиреневым, изумрудным светом. Завесы становились все шире, сияли все ярче, три цвета сливались в один, и, наконец, Свершилось! Небо полностью распахнулось, мрачная чернота растворилась, сбежав от яркого лучей, и Три Луны показали свои лики на ясном небесном своде..

Общему счастью не было предела, люди плакали от радости, смеялись, обнимали друг друга. Чей-то радостный голос кричал:

— Вот он, зов троих! Трех любящих пар, а вовсе не трех правителей, как решил этот дурак!

Маги, немного растерянные, но радующиеся не меньше других, только качали головами, понимая, как мала их магическая наука перед настоящим чудом Любви. Маленький толстяк Барти, вытирая некстати набежавшие слезы, махнул рукой, посылая в сторону любящих пар волну заклинания. И локоны Кэти вновь стали золотыми, а с головы герцога исчезла ненужная ему повязка.

— Лунный Вальс! — еще раз объявил король Август, едва только немного схлынуло всеобщее ликование. — Музыканты, прошу вас!

Все посмотрели в сторону сцены и снова общий восторженный крик пронесся в толпе — прекрасная рыжеволосая певица стояла на сцене в центре яркого костра. По крайней мере, так казалось с первого взгляда. Но, приглядевшись, можно было понять, что огненно-красные языки пламени

вокруг Олли Терн не что иное, как ее собственное платье. "Черный огонь" отозвался на сияние Трех Лун, вспыхнув несгорающим костром.

Как только сами музыканты справились с восторгом и растерянностью, зазвучали. наконец, первые аккорды, и прекрасный женский голос, лучший голос Армании, запел Лунный Вальс. Три пары, три цвета Луны закружились в огромном пространстве, где никто пока не смел танцевать, кроме них. Эвелина и Эрнест, Кэти и Дэниэль, Эльзи и Айвен — они никого не видели, кроме друг друга. ничего не слышали, кроме волшебной музыки древнего Вальса. Три пары кружились в прекраснейшем танце, а вокруг них, проявляясь все ярче и ярче, возникали сияющие лепестки. Золотые. изумрудные, сиреневые — они сливались и вновь разделялись, становились сжатым бутонem и открывались, пышно расцветая. Три Лунных Цветка окружили влюбленные пары, не позволяя их разлучить, показывая всему миру, как сильно они любят друг друга.

Август и Амелия не могли оторвать взгляда от сына и его возлюбленной, так хороши они были сейчас, и, хотя королева не удержалась от грустного вздоха, уже спорили, как скоро праздновать их свадьбу. Шамиршан, весело подмигнув Леонардо, сказал:

— А пойду-ка я, пожалуй, приглашу воон ту, в синеньком!

Но неожиданно ответ прозвучал совсем с другой стороны:

— Не трудитесь, Ваше Могущество, я ее уже пригласил! — Эвальд решительно встал из-за стола и подошел к васильковому туманному силуэту. Через миг все увидели принцессу Александрина, а те, кто был ближе, сумели разглядеть и радостное восторженное выражение ее лица. Первый министр Дарнии закружился в Лунном Вальсе с Александриней, чуть виновато глядя, как она счастливо улыбается ему сквозь слезы. Лунный Цветок чуть помедлил, но все же собрал лепестки разноцветных сияний в единый бутон и волшебным соцветием окружил сине-золотую дарнийскую пару.

— Вот как! — несколько удивленно сказал Шамиршан. — Оказывается твоя дочь любит твоего первого министра! А ты сам-то знал?

— Знал, — Леонардо грустно улыбнулся, — но почему-то надеялся, что со временем это пройдет...

— Друг мой, — вздохнул хакардийский владыка, — любовь — это единственная болезнь, от которой не придумано верного лекарства...

Леонардо и Шамиршан задумались, каждый о своем, а король Армании, весело взглянув на свою королеву, предложил:

— Амелия, душа моя, а почему бы и нам не пройтись в туре Вальса?

Королева смутилась, как девчонка, получившее первое в жизни приглашение на танец, но не обидела мужа отказом. И вскоре засиял еще один Лунный Цветок, охватив королевскую пару.

Эвелина и Эрнест — любящие, счастливые — все же нашли минутку отвести взгляд друг от друга и посмотреть вокруг. Танцующих пар было все больше и больше. Не каждая из них кружилась в Лунном Цветке, но радость, переполнявшая зал, никому не давала грустить.

— Смотри-ка. Велли, — смеясь сказал Эрнест. — а ведь из тебя получилась замечательная крестная фея! Ты сумела поженить не только принца с бедной фрейлиной и маркизу с менестрелем, но и принцессу Дарнии выдала замуж за ее любимого Эвальда!

— Перестань, Зрни, — отмахнулась от него Эвелина, — влюбленные сами боролись за свое счастье, я почти ничего не сделала для них.

— Ты сделала главное, любовь моя, — лицо Эрнеста стало серьезным и торжественным, — ты растопила ледяное сердце жестокого первого министра Армании и заставила его поверить в силу любви. Поэтому ты навсегда будешь для меня настоящей феей.

— Ну раз так, то я, пожалуй, согласна! — смеющееся лицо Эвелины заставило Эрнеста забыть о серьезных разговорах и крепче прижать к себе любимую, вновь и вновь закружить ее в Лунном Вальсе.

Волшебная ночь все длилась и длилась, сиянье Трех Лун не омрачала больше ни малейшая тень., влюбленные пары кружились в Вальсе и все новые бутоны Лунных Цветов вырастали в зале. Один из Цветков сиял вокруг пары Трейда Линнея и его жены Сюзанны, еще один — вокруг их друзей, Фредерика Крейстона и его жены, еще один — вокруг дочери Крейстона, Айлин, танцующей со своим женихом.

Старые женщины, сидевшие за отдельным столом, любовались танцующими, окруженными

волшебными Цветами. Лица старушек были спокойными и умиротворенными — им сейчас нечего было желать, кроме счастья для всех, кто влюблен. Только одна Берти Линнель досадливо вздохнула, вспомнив:

— А наш-то младший, Корнелис, так и не вылез из своей башни, не увидел этой красоты! Вот же неудачливый какой уродился!

Но любящая бабушка ошибалась — ее младший внук Корнелис Линнель был счастлив сейчас так, как немногие во дворце, и искренне считал себя самым везучим человеком на свете. С высоты Часовой башни Корнелис мог видеть не только сияние полных ликов Астрим, Селвии и Эрзины, он видел и то, что происходит внизу, в огромном открытом зале. Корнелис восторженно смотрел на переливающийся свет Лунных Цветов, отражением небесного света окруживший влюбленные пары, переводил взгляд на три Луны, сияющие в звездном небе, и жалел тех, кто не додумался подняться в Лунную ночь на вершину Часовой башни и не увидел волшебной картины, открывшейся перед учеником астронома..

А еще Корнелис слушал музыку, прекрасную музыку старинного Лунного Вальса, и вдохновенно повторял чудом долетавшие до него слова:

— Кружимся в Вальсе

Вечно влюбленных.

Лунным сияньем

Благословленных,

В вальсе светлом,

В вальсе рассветном

Будем кружиться

Мы до утра!

Счастьем, любовью,

Лунною сказкой

Жизнь одарила

Нас не напрасно -

И расставаться

Нам не пора!